

Памятники экономической мысли К 125-летию со дня рождения И.И. РУБИНА

Людмила Л. Васина. И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса»

Выражение «рукописи не горят» в полной мере относится к публикуемой ниже работе одного из наиболее крупных и оригинальных экономистов 1920-х годов Исаака Ильича Рубина. Чудом уцелевшая рукопись, озаглавленная автором «Очерки по теории денег Маркса», публикуется впервые спустя более 80 лет после своего создания. Хотелось бы надеяться, что данная публикация будет своего рода данью памяти безвременно трагически погибшему ученому и поспособствует восстановлению его имени в отечественной экономической науке.

И.И. Рубин в 1927 г., г. Москва (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 2.

Д. 3. Л. 3.)

Имя Исаака Ильича Рубина (1886–1937) сегодня хорошо известно в научном мире. Когда после более 40 лет забвения главные работы Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» и «История экономической мысли» вышли в переводах в США, Великобритании и ФРГ, [715] идеи Рубина вновь, как когда-то в СССР, стали предметом содержательных научных дискуссий. В спорах вокруг работ и идей Рубина отмечалось, что перед читателем оказалось не устаревшее, почти 50-летней давности сочинение, а вполне современное, оригинальное, глубоко аргументированное произведение, фактически содержащее полное изложение модной в 1960 – 1970-х годах концепции отчуждения. В центре дискуссий, как и когда-то в 1920-е годы, были интерпретации Рубиным предмета политической экономии, теории стоимости Маркса, в частности, трактовка категории абстрактного труда, товарного фетишизма и др. Имели место, правда, и оценки другого рода, в которых главный труд Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» характеризовался как сугубо «академический», «утомительный для восприятия», «написанный без учета политического контекста» и относящийся, с позиций сегодняшних дискуссий вокруг Маркса, скорее к «музею древностей». Эти оценки были бы, несомненно, более взвешенными и справедливыми, если бы их авторам были известны обстоятельства жизни

И.И. Рубина и условия, в которых писались «академические» труды ученого. Адекватная оценка научного наследия Рубина невозможна без учета трагической судьбы ученого, к сожалению, не уникальной для того сложного периода советской истории. [716]

* * *

Рубин родился 12 июня 1886 г. в г. Двинске (ныне Даугавпилс, Латвия) в состоятельной еврейской семье. Он получил традиционное для своей среды образование – с пяти лет учился в хедере, затем у домашних учителей и в гимназии. Сдав экстерном курс классической гимназии в г. Витебске, Рубин поступил в 1906 г. на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1910 г. Помимо юриспруденции его уже тогда интересовали экономические дисциплины, которые на юридическом факультете (экономического факультета в те годы в университете не было) преподавали автор фундаментальных работ по вопросам денежного обращения, финансам и кредиту в России И.И. Кауфман и первый российский экономист с мировым именем М.И. Туган-Барановский, основные работы которого – «Промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем» – получили широкую известность не только в России, но и благодаря их переводам (прежде всего на немецкий язык) в других странах.

По окончании университета Рубин некоторое время работал в Петербурге в нотариальной конторе. В 1912 г. он переехал в Москву, где продолжал заниматься юридической практикой, сочетая ее с литературной и научной работой. В 1913–1914 гг. Рубин опубликовал первые статьи по гражданскому праву. С 1915 г. до августа 1917 г. он работал секретарем-делопроизводителем Земского союза и Московского городского союза; в 1917–1918 гг. был секретарем и помощником в юридической части Московской экономической кассы страхования, работал также в редакциях разных журналов. После Февральской революции 1917 г. Рубин активно сотрудничал с газетой «Известия», опубликовал более десятка статей по текущим экономическим и социальным проблемам, печатался также в журналах «Рабочий мир» и «Продовольственное дело».

По своим политическим взглядам И.И. Рубин был в те годы социал-демократом. Его политическая деятельность началась в 1904 г., когда он вступил в организацию еврейских рабочих «Бунд» и вел активную пропагандистскую работу среди рабочих в черте оседлости. В 1905 г. впервые был арестован, но спустя два месяца, по амнистии после царского Манифеста 17 октября, выпущен на свободу. Во время Первой мировой войны Рубин примыкал к левому крылу меньшевиков – меньшевикам-интернационалистам. К Октябрьской революции отнесся сдержанно, но с самого начала считал необходимым работать в органах советской власти. Вместе с тем Рубин продолжал свою деятельность в московской организации Бунда, а когда в апреле 1920 г. в ней произошел раскол, остался с той частью членов организации, которая отказалась идти на слияние с РКП(б) и объявила себя правопреемницей Бунда. Рубин был избран в Центральный комитет Бунда, затем стал секретарем ЦК. Он и в дальнейшем продолжал считать себя последовательным социал-демократом, не скрывая своего несогласия со многими методами руководства ВКП(б). 20 февраля 1921 г. во время пленарного заседания ЦК Бунда Рубин был задержан и помещен в Бутырскую тюрьму. Однако следствию не удалось получить никаких конкретных данных для его обвинения в контрреволюционной деятельности, и вскоре Рубин был освобожден.

Спустя девять месяцев, в ночь с 5 на 6 ноября 1921 г., Рубин был вновь арестован. На этот раз его арест получил общественный резонанс. С протестом в Московском совете выступила

фракция меньшевиков, в ВЧК были направлены ходатайства от президента Московского государственного университета историка В.П. Волгина, декана факультета общественных наук МГУ академика Н.М. Лукина, а также наркома просвещения А.В. Луначарского. К этому времени имя Рубина было хорошо известно в научной и преподавательской среде.

Революция открыла для Рубина возможность заниматься преподавательской деятельностью, что для него как еврея по происхождению было исключено в царской России. В 1919–1921 гг., находясь на службе в Красной Армии, Рубин преподавал общественные науки на Московских Военно-технических курсах, летом 1920 г. прочел курс политической экономии на учительских курсах при Наркомпросе, в 1920–1922 гг. работал в комиссии Наркомпроса по составлению учебных программ и планов для школ и университетов, некоторое время был заведующим отделом обществоведения Гуманитарно-педагогического института. С февраля 1921 г. Рубин – профессор 1-го Московского университета, одновременно он преподавал политическую экономию в Институте красной профессуры, Институте народного хозяйства и в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. В 1919 г. будущий директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов привлек Рубина к работе над «Библиотекой научного социализма», к переводу с немецкого языка третьего тома «Литературного наследия Маркса и Энгельса» [717] и их переписки. В 1922 г. уже в качестве директора ИМЭ, когда встал вопрос об издании всех экономических работ Маркса в первом русском издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Рязанов также привлек к этой работе Рубина. С этого времени занятия Рубиным экономической теорией и специально экономической теорией марксизма стали основной сферой научных интересов. Не подлежит сомнению, что превращение Рубина в ведущего экономиста-марксоведа, реализация его потенций талантливого исследователя, переводчика вряд ли состоялись бы без активного участия в его судьбе Д.Б. Рязанова.

На основе интенсивной преподавательской деятельности и анализа переводимых им на русский язык трудов Маркса Рубин написал первые научные работы по истории экономической мысли и экономической теории Маркса. В начале 1920-х годов он – один из ведущих советских экономистов-теоретиков и историков экономической мысли. Этот факт подчеркивался во всех ходатайствах по освобождению Рубина из-под ареста. 22 ноября 1921 г. под поручительство академика В.П. Волгина Рубин был освобожден, однако следствие по его делу прекращено не было.

Имея репутацию яркого лектора, Рубин продолжал преподавательскую деятельность. Он занимался также разработкой теоретических проблем политической экономии, в первую очередь связанных с интерпретацией экономической теории Маркса, историей экономических учений, перевел и сопроводил своим комментарием ряд известных в то время трудов западноевропейских экономистов, написал предисловия, вступительные статьи ко многим переводным изданиям работ немецких и английских авторов, выходящим в 1920-е годы. Рубин избегал излагать общепризнанные части экономической системы марксизма, стремился уделить внимание спорным вопросам, представлявшим теоретический интерес.

Наибольшую известность получила работа И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса». Этот главный труд ученого вышел в свет в начале 1923 г. и на протяжении 1920-х годов переиздавался еще три раза. Вначале это была небольшая книжечка, состоящая из двух разделов. Но уже в первом издании «Очерков» были в основном сформулированы принципиальные положения, вокруг которых впоследствии развернулась дискуссия. Не вступая в прямую полемику, Рубин фактически оспаривал в своей работе распространенные в начале 1920-х годов интерпретации Марксовой трудовой теории стоимости и товарного фетишизма, представленные, в частности, в комментариях П.Б. Струве к русскому изданию первого тома «Капитала» Маркса (СПб.: О.Н. Попова, 1906) и в «Курсе политической экономии» А.А.

Богданова и И.И. Степанова (т. 2, вып. 1, М.: Госиздат, 1919; первое издание вышло в 1910 г.). Теория стоимости определялась Струве как блестящий исторический экскурс, не имеющий отношения к реалиям товарно-капиталистического хозяйства. Товарный фетишизм в системе Маркса трактовался Богдановым и Степановым как надуманный раздел «Капитала», не имеющий прямого отношения к понятию стоимости, или как элемент общественной идеологии классового общества. Абстрактный труд определялся ими как затраты труда в физиологическом смысле, а величина стоимости – пропорционально трудовым затратам. Если учесть, с одной стороны, отсутствие в то время новых переводов и изданий «Капитала» и, с другой стороны, популярность названных изданий, становятся более понятными содержание и логика труда И.И. Рубина.

На базе методологии Маркса Рубин предпринял собственную попытку дальнейшей разработки важнейших аспектов теории стоимости, не получивших достаточного развития в «Капитале», а именно проблем абстрактного труда и редукции сложного труда. В изложении проблем теории стоимости и товарного фетишизма он выступал как представитель классической марксистской традиции, опираясь в первую очередь на анализ методологических проблем теории трудовой стоимости в статьях Р. Гильфердинга «Бём-Баверк как критик Маркса» и «Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса», опубликованных в 1903 г. в теоретических изданиях германской социал-демократии «Die Neue Zeit» и «Der Kampf». Важным элементом концепции Рубина было обоснование методологического принципа различения вещественного («материально-технического») содержания и социальной формы, т. е... говоря современным языком, вещественной (вещной) формы и социально-экономического содержания (сущности) экономических процессов. Истоки этой концепции прослеживаются в работах Р. Гильфердинга, но значительный вклад в обоснование и развитие данного принципа в отечественной литературе внес именно И.И. Рубин. Проведение принципа различения вещной формы и социально-экономического содержания экономических процессов создавало предпосылки для использования экономического наследия Маркса применительно к анализу различных общественных форм производства, что имело большое значение как в 1920-е годы, так и в более позднее время.

Весьма тонко подходил Рубин к пониманию соотношения материального и идеального при анализе товарного фетишизма. Он показывал, что порождаемый товарным миром фетишизм – объективная реальность и одновременно продукт человеческого сознания. Дальнейшее развитие этот подход получит в работах советского философа Э.В. Ильенкова. [718]

Развитые в «Очерках по теории стоимости Маркса» оригинальные идеи Рубина об абстрактном и конкретном труде, товарном фетишизме, отчуждении и др. оказались в центре теоретических дискуссий 1920-х годов в области политической экономии. «Очерки» оценивались современниками Рубина как одно из наиболее серьезных исследований теории стоимости Маркса. Известно, что очень высоко ценил работу Рубина Н.И. Бухарин, считавшийся в те годы наиболее авторитетным знатоком марксизма и теоретиком партии. Написанные в строго академическом ключе, лишённые сиюминутной актуальности «Очерки» закладывали основы научного, творческого подхода к теории Маркса, свободного от пропагандистской упрощённости и догматизма. На протяжении не только 1920-х годов, но и позже в советской науке не было ни одной работы по данной проблематике, которая стояла бы на уровне этого труда Рубина, хотя и не свободного от спорных моментов.

Выход в свет первого издания «Очерков» совпал по времени с новым арестом Рубина 27 февраля 1923 г. По решению комиссии НКВД «за активную антисоветскую деятельность» он подлежал заключению на три года в Архангельский лагерь.хлопоты близких и знакомых, среди которых был и тогдашний посол СССР в Германии Н.Н. Крестинский, помогли отсрочить

отправку слабого здоровьем Рубина, страдавшего к этому времени неврозом сердца, туберкулезом легких и болезнью желудка, на Север. Однако осенью 1923 г. его все-таки отправили в Суздальский лагерь, но из-за резкого ухудшения здоровья вскоре вновь вернули в Бутырскую тюрьму. В своем письме из Суздальского лагеря Рубин писал 28 октября 1923 г., что заключение в Суздале было более мучительным и разрушительным для его здоровья, чем даже «очень суровый режим» Бутырки. [719]

Тем более поразительно, что время, проведенное Рубиным в заключении и затем в ссылке, было заполнено интенсивнейшим научным трудом. К моменту ареста он выполнял множество заявок и заданий различных издательств, а также ИМЭ. Для продолжения работы в тюрьме Рубин получал, прежде всего благодаря поддержке Д.Б. Рязанова, все необходимые книги, журналы и прочие материалы (тогда это еще было возможно). В частности, по заданию Рязанова, в Бутырской тюрьме (июнь 1924 г.) Рубин начал работу над новым переводом на русский язык работы Маркса «К критике политической экономии». Естественно, все выходявшее из-под пера ученого, проходило цензуру. Вряд ли случайно преобладание в деятельности Рубина этого периода работ над переводами, научного редактирования книг историко-экономического содержания, сугубо научный подход к комментированию экономических произведений Маркса, которые он готовил во время заключения к публикации, отсутствие в этих работах Рубина какого-либо намека на политическую и научную жизнь того времени.

Показательный эпизод произошел после 19 декабря 1924 г. в Бутырской тюрьме, когда пришло распоряжение об освобождении Рубина из тюрьмы и отправке в ссылку в г. Карасубазар в Крыму. ИИ Рубин попросил отсрочить его освобождение, мотивируя свою просьбу следующим образом: «У меня на руках две большие работы, из них одна учебного характера («Хрестоматия по истории политической экономии»: около 450 страниц), подлежащая немедленной сдаче в Госиздат и требующая для окончательного редактирования не более 6–7 дней. В случае немедленного отъезда я буду лишен возможности переслать единственную рукопись, плод полугодовой работы, и в лучшем случае сдача задержится на 2–3 месяца». [720] Просьба Рубина была удовлетворена, его пребывание в тюрьме было продлено на несколько дней. К концу декабря 1924 г. Рубин завершил работу и только после этого был отправлен в ссылку. Перед отъездом он обратился с просьбой «заехать на два часа в Институт Маркса и Энгельса для отбора необходимой для дальнейшего выполнения заказов Института и Госиздата литературы, а также для личного разговора с Д.Б. Рязановым по поводу выполнения работы для Института». Разрешения на эту встречу Рубин не получил.

В Карасубазаре Рубин и его жена сняли две комнаты в одноэтажном домике, где прожили до весны 1926 г., несмотря на неоднократные просьбы Рубина перевести его в более подходящую для его здоровья местность Крыма. Зимой 1925–1926 г. здоровье Рубина резко ухудшилось, к старым болезням добавился суставной ревматизм в тяжелой форме, усугубивший заболевание сердца. Срок ссылки Рубина истек 13 апреля 1926 г., однако несмотря на ходатайства известных в то время обществоведов Ш.М. Дволайцкого, М.Н. Покровского и др., ему в течение трех лет было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов, и лишь в августе 1926 г. Рубин получил разрешение поселиться в Саратове. Однако по ходатайству Рязанова, Рыкова и Бухарина ему разрешили в октябре 1926 г. приехать в Москву на три недели, а 26 ноября 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Рубина Исаака Ильича досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР». [721]

Трудно поверить, но именно в заключении и в ссылке (с весны 1923 по осень 1926 г.) Рубин подготовил около двадцати пяти научных работ, в том числе второе, существенно переработанное и вдвое увеличенное по объему издание «Очерков по теории стоимости

Маркса». Среди сделанного им в это время перевод и предисловие в книге И. Розенберга «Теория стоимости у Рикардо и у Маркса», второе издание книги «Народное хозяйство в очерках и картинках» (совместно с Р.М. Кабо), научное редактирование книги В. Либкнехта «История теории стоимости в Англии» и вступительная статья к ней, перевод книги Г. Леви «Основы мирового хозяйства» (все работы относятся к 1924 г.), а также подготовка вышедших позднее книг «Физиократы» (1925), «История экономической мысли» (1926), «Современные экономисты на Западе» (1927). Помимо этого для Института Маркса и Энгельса Рубин продолжал работать над переводом работы «К критике политической экономии» и переводил на русский язык рукопись Маркса «Замечания на книгу А. Вагнера "Учебник политической экономии"», написал ряд статей и рецензий для журнала «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Он также составил антологию «Классики политической экономии от XVII до середины XIX в.», сопроводив каждый раздел своими содержательными вступительными замечаниями. В эти же годы Рубиным были написаны три большие статьи – «Австрийская школа», «Амортизация» и «Вульгарная политическая экономия» – для первого издания Большой советской энциклопедии. [722]

С конца 1926 г. и до своего нового ареста в ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин являлся сотрудником Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К сожалению, документальных свидетельств о работе Рубина в институте не сохранилось, за исключением отдельных упоминаний его имени в рабочих документах ИМЭ начала 1930-х годов, уже после ареста Рубина. [723] Как свидетельствовал Рязанов в своем письме в Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум Центральной Контрольной Комиссии от 23 февраля 1931 г., в ИМЭ Рубин зарекомендовал себя как «прекрасного работника, очень знающего экономиста и прекрасного переводчика». Вскоре после прихода Рубина в Институт Рязанов передал ему заведование кабинетом политической экономии, который должен был стать центром подготовки к печати экономических произведений Маркса. Непосредственными помощниками Рубина были сотрудники кабинета Е.А. Каганович, Владимирова, [724] А.Л. Реуэль. Коллегой Рубина оказался и Роман Роздольский, который в своем капитальном труде «История создания „Капитала“», изданном во Франкфурте на Майне в 1968 г., назвал И.И. Рубина после десятилетий забвения «выдающимся русским экономистом» и поведал о трагической судьбе Рубина и большинства приверженцев его научной школы, которые «погибли в сталинских застенках и концентрационных лагерях». [725]

Руководимому И.И. Рубиным небольшому коллективу предстояло сделать квалифицированный перевод многих не публиковавшихся ранее на русском языке экономических работ Маркса и Энгельса, сопоставить с подлинниками и отредактировать существующие переводы, собрать материал для научного комментирования произведений Маркса и Энгельса. В значительной части вся эта работа разворачивалась в таком масштабе впервые. Собранный в кабинете политической экономии, прежде всего стараниями Рязанова, уникальная коллекция литературы – около 14 тыс. книг по проблемам политической экономии и истории экономической мысли – обеспечивала квалифицированную подготовку работ Маркса и Энгельса к публикации как на русском языке, так и на языке оригинала в первом издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), работа над которым началась также в эти годы. [726]

Под руководством и при непосредственном участии Рубина был подготовлен к изданию ряд тематических сборников, в том числе «Наемный труд и капитал», «К жилищному вопросу», «Энгельс о "Капитале"», «Свобода торговли и протекционизм», «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Помимо издания работ Маркса и Энгельса Рубин занимался переводом на русский язык классиков политической экономии, в частности, подготовкой русского издания труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Однако главной

заслугой И.И. Рубина в Институте стала подготовка в 1927–1930 гг. нового издания работы Маркса «К критике политической экономии». Существовавшее на тот момент русское издание «К критике политической экономии» в переводе П.П. Румянцева (1-е изд. М., 1896; 3-е изд. Пг, 1922; 4-е изд. М., 1922) было неудовлетворительным, особенно с точки зрения перевода важнейших экономических терминов. Отсутствовал и научно-справочный аппарат.

Подготовленное Рубиным совместно с А.Л. Реуэлем и Е.А. Гурвич к печати новое издание работы «К критике политической экономии» было для того времени образцом научно-публикаторской работы. Был существенно улучшен перевод, отработана терминология, выработан тип примечаний, комментирующих и поясняющих текст, а также справочных указателей (имен, литературы, предметный). Аналогов такого издания не существовало в то время и за рубежом. Новое издание «К критике политической экономии» вышло в свет в июне 1929 г. к 70-летию этого произведения Маркса. В 1930 г. вышло его второе издание. Фактически это издание «К критике...» послужило прообразом и основой для последующих русских изданий этой работы Маркса, вплоть до ее последней публикации на языке оригинала в издании МЭГА. [727]

Правда, после ареста Рубина и Рязанова данное издание было изъято из библиотек, а Институт срочно приступил к подготовке нового издания «К критике...», в основу которого был положен перевод Румянцева, сверенный с немецким изданием «К критике...», вышедшим в 1924 г. В этом издании было изъято предисловие, написанное арестованным к этому времени Рязановым, а подготовленный Рубиным обширный научно-справочный аппарат был сведен к небольшим указателям имен и литературы. Книга была сдана в производство 3 ноября 1931 г. и вышла в свет в апреле 1932 г. Следующее издание работы Маркса «К критике политической экономии», в редакционном предисловии к которому подчеркивалось, что оно заново подготовлено Л.А. Леонтьевым на основе первого немецкого издания 1859 г., появилось в 1933 г. Участие Рубина в подготовке «К критике...» было предано забвению, хотя текстуальное сопоставление всех последующих переводов свидетельствует о том, что основой этих «новых» русских переводов работы Маркса нередко был именно вариант Рубина.

В процессе подготовки своего издания «К критике политической экономии» Рубин специально исследовал историю создания первой главы первого тома «Капитала» и впервые проанализировал историю анализа Марксом товара от работы «К критике политической экономии» (1859) до французского издания первого тома «Капитала» (1872–1875). [728] Параллельно с плановой работой в ИМЭ Рубин продолжал собственные исследования в области экономической теории и истории экономической мысли. Его «История экономической мысли», являвшаяся в 1920-е годы самым известным учебным пособием по данному курсу, переиздавалась ежегодно. Наряду с этим Рубин регулярно публиковал развернутые критические обзоры зарубежной и советской литературы по проблемам политической экономии и теории марксизма. Он написал рецензии на книги Х. Дитцеля, Ф. Петри, Ф. Поллока, К. Мюса, В.Г. Паттерсона, В. Эмметта и др. [729] К концу 1920-х годов список научных трудов Рубина насчитывал более 80 названий. Он возобновил преподавательскую деятельность в Институте Красной профессуры, Институте народного хозяйства, МГУ, Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), читая лекции по политической экономии, «Капиталу» Маркса, истории экономических учений. [730]

В плане Института К. Маркса и Ф. Энгельса на 1931 г. значилась подготовка новых изданий «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости», но И.И. Рубину уже не довелось участвовать в этой работе.

В 1928 г. началась дискуссия о книге И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», вначале носившая характер научного спора, но постепенно переросшая в травлю ученого по

политическим мотивам. Рубину были инкриминированы фальсификация экономической теории марксизма, идеалистический подход к экономическим категориям, отрыв формы от содержания и др. Его идеи получили название «рубинщины», а сам он был объявлен лидером идеалистического направления в политической экономии. [731] Дискуссию завершила в начале 1930 г. статья В. Милютина и Б. Борилина «К разногласиям в политической экономии» в теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик». [732] В это же время Рубин был вынужден оставить преподавательскую деятельность.

19 ноября 1930 г. в одной из статей в «Правде» Рубин был назван «участником разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки». [733] Имя Рубина фигурировало в показаниях Н.Н. Суханова, В.Г. Громана и В.В. Шера, арестованных по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков). [734] На публикацию в «Правде» Рубин ответил письмом в редакцию газеты, в котором отвергал свою причастность к каким-либо «вредительским» группировкам. [735] 1 декабря 1930 г. Рубин попросил Рязанова принять его и подал заявление об уходе из Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Рязанов принял отставку, но, желая поддержать ученого, предложил Рубину продолжать работу над объектами Института на условиях аккордной оплаты в качестве ответственного редактора экономических работ Маркса и серии «Классики политической экономии». В ночь на 24 декабря 1930 г. Рубин был арестован. Начался последний, наиболее трагический период его жизни.

Спустя полтора месяца после ареста Рубин согласился признать себя членом программной комиссии Союзного бюро, а также то, что он хранил в своем рабочем кабинете в ИМЭ документы меньшевистского центра, причем, увольняясь из Института, якобы передал эти документы в запечатанном конверте Рязанову как документы по истории социал-демократического движения. [736] 8 февраля 1931 г. Рубин под диктовку следователей написал письмо Рязанову, в котором просил его вернуть никогда не существовавшие документы, якобы необходимые для следствия. [737] Вечером 12 февраля письмо было предъявлено Рязанову непосредственно Сталиным в присутствии Молотова, и Сталин отдал распоряжение о проведении обыска в Институте. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. директор ИМЭ Д.Б. Рязанов был арестован.

Воспоминания сестры Рубина Б.И. Желтенковой, записанные с его слов во время посещения Рубина и его жены в ссылке в 1935 г., содержат уникальную информацию о ходе следствия по делу Рубина, обстоятельствах, при которых от него были получены не только признательные показания о принадлежности к программной комиссии Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков), но и компрометирующие данные против Рязанова, послужившие основанием для ареста последнего. [738] Описываемая в воспоминаниях очная ставка Рубина с Рязановым 20 февраля 1931 г. [739] показывает трагедию, пережитую Рубиным, не сумевшим выдержать применявшиеся к нему методы воздействия – на протяжении полутора месяцев бесконечные допросы, запрет спать, избиения, карцер. После первых трех вопросов Рязанов прервал очную ставку. Он увидел запуганного, дрожащего, с трудом выдавливающего из себя слова И.И. Рубина. «Брата, – пишет Б.И. Желтенкова, – тут же отвели в камеру, в камере он начал биться головой о стену. Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен». [740] Воспоминания Б.И. Желтенковой были впервые использованы Р.А. Медведевым в его книге «О Сталине и сталинизме». [741] По приговору судебного процесса по делу Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) (1–9 марта 1931 г.) И.И. Рубин был приговорен к пяти годам тюремного заключения с последующим поражением в правах сроком на два года. [742] Сначала он находился в Верхнеуральском политизоляторе, затем, в сентябре 1933 г., был выслан сначала в г. Тургай в Казахстане, а потом в г. Актюбинск, где работал плановиком-экономистом в Облпотребсоюзе. [743] Кроме того, он продолжал заниматься научной работой,

свидетельством чего является небольшая рукопись-эссе «Учение Рикардо о капитале», записанная в двух ученических тетрадях [744] и сохраненная сестрой Рубина, а затем ее детьми М.В. и В.В. Желтенковыми. В работе находилось более десяти других исследований, в том числе о К.И. Родбертусе, А. Маршалле, Дж. К. Кларке, представителях математической школы в политической экономии и др. [745] Сестре, посетившей Рубина в Актюбинске, он сказал, что не хочет возвращаться в Москву и встречаться с прежним кругом знакомых. «Это показывало, – пишет Б.И. Желтенкова, – как глубоко он потрясен всем пережитым. Только большой оптимизм, присущий ему, и глубокие научные интересы давали ему силы жить». [746]

19 ноября 1937 г. Рубин был арестован повторно и тройкой НКВД по Актюбинской области по обвинению в создании троцкистской контрреволюционной организации приговорен к расстрелу. 27 (по другим данным, 25) [747] ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

В 1989–1991 гг. И.И. Рубин был реабилитирован по всем без исключения делам 1920-1930-х годов.

* * *

Несмотря на то что имя И.И. Рубина на десятилетия исчезло из научного мира, идеи, выраженные в его работах и прежде всего в «Очерках по теории стоимости Маркса», оказались настолько глубоки, оригинальны и плодотворны, что они в том или ином виде воскрешались, воспроизводились и развивались в работах экономистов последующих поколений. Так, «Курс истории экономических учений» (1926, 4-е изд. 1930) лег в основу последующих курсов истории экономической мысли. Традиция, заложенная работой Рубина «Современные экономисты на Западе», получила дальнейшее плодотворное развитие в трудах И.Г. Блюмина. Проблема соотношения вещественной формы и социально-экономического содержания общественных процессов была разработана в различных аспектах в работах В.С. Выгодского, [748] а рубинская трактовка идеального и материального, как уже говорилось, была интересно развита Э.В. Ильенковым. Наконец, дискуссия 1970-х годов о предмете исследования первого отдела первого тома «Капитала» Маркса имела своим идейным истоком статью Рубина «К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса». [749] Таким образом, идеи этого оригинального отечественного экономиста 1920-х годов вопреки их запрету и глубоко трагической судьбе их автора не поросли травой забвения.

* * *

Среди материалов И.И. Рубина, находящихся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), несомненную научную ценность представляет рукопись «Очерки по теории денег Маркса», [750] логически продолжающая исследование Рубиным теории стоимости Маркса. Работа над рукописью, замысел которой, вероятно, оформился в процессе работы Рубина над переводом работы Маркса «К критике политической экономии», была начата, по-видимому, еще в 1923 г. в камере Бутырской тюрьмы. [751] Впоследствии, как свидетельствуют отчеты Рубина, в 1926–1928 гг. он продолжил работу над рукописью. На то, что в работе над рукописью был перерыв, указывает и использование двух изданий (1918 и 1923 гг.) труда Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», а также повтор одной и той же цитаты из этой работы на разных страницах рукописи. [752]

Рукопись объемом более 5 печатных листов представляла собою чистовой вариант текста

работы, которая была подготовлена автором к перепечатке (на это указывает запись карандашом на первой странице о перепечатке текста в 3-х экземплярах, а также нумерация красным карандашом сносок), но, в сущности, так и осталась незавершенной. В частности, не было написано намеченное предисловие, нуждался в частичном редактировании, устранении повторов и сам текст, отсутствует приложение исторического характера по образцу обширных приложений в издании «Очерков по теории стоимости Маркса». О том, что рукопись неоднократно читалась и редактировалась автором, свидетельствуют многочисленные замечания, вопросительные знаки и отчеркивания на полях, правка и дополнения чернилами и карандашом. Конец рукописи отчеркнут горизонтальной чертой, идентичной отчеркиваниям, которыми заканчивал разделы или завершал свои тексты Маркс.

Рукопись представляла собой непосредственное продолжение главного теоретического труда Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» и являлась первой в отечественной марксистской литературе попыткой фундаментального исследования теории денег Маркса. Генетическую связь данной работы с «Очерками по теории стоимости Маркса» подчеркивало и первоначальное название рукописи «Теория стоимости и теория денег Маркса», от которого сохранились лишь первые три слова. Впоследствии рукой Рубина карандашом было вписано новое название работы «Очерки по теории денег Маркса». Рукопись свидетельствует, в частности, и о том, что первую книгу – «Очерки по теории стоимости Маркса» – без учета публикуемой рукописи нельзя считать завершенной. Преемственность и взаимосвязь этих работ бесспорна.

На мотивы, побудившие Рубина написать специальную работу по теории денег Маркса, проливает свет его замечание в одном из обзоров литературы по теории денег Маркса, посвященном критическому анализу работ Г. Блоха «Теория денег Маркса» (Йена, 1926) и Ф. Поллока «К теории денег Карла Маркса». [753] «Теория денег Маркса, – констатировал Рубин, – до последнего времени не подвергалась специальному обсуждению в экономической литературе. В то время как Марксова теория стоимости породила обширнейшую литературу, критики Маркса большей частью обходили его теорию денег молчанием или ограничивались беглыми и мимоходом брошенными замечаниями. В марксистской литературе подвергались разработке некоторые спорные вопросы теории денег (в частности, в известной полемике, участниками которой были [К.] Каутский, [Е.] Варга, [О.] Бауэр и друг[ие]), но мы почти не имеем сочинений, специально посвященных систематическому изложению теории денег Маркса в целом...разобранные нами работы Блоха и Поллока не восполнили пробела в литературе, посвященной теории денег Маркса». [754] Появление работ по теории денег в Германии в середине 1920-х годов становится понятным, если вспомнить состояние экономики и финансовой системы Германии в период Веймарской республики. В России в это время также проходило налаживание расстроенной в период Первой мировой войны, революции и гражданской войны денежной системы, и практическая работа в этой области нуждалась в теоретическом обосновании, которое было естественно в то время искать в теоретическом наследии Маркса. Таким образом, рукопись Рубина была актуальна с разных точек зрения для 1920-х годов.

Рукопись «Очерки по теории денег Маркса» содержит фактически восемь глав, из которых лишь первая глава имеет авторскую нумерацию «I». Большинство последующих разделов рукописи начинается с новой страницы, что дало основание рассматривать их в качестве последующих семи глав работы, которые в настоящей публикации получили нумерацию римскими цифрами от [I.] до [VIII.]. Авторское оглавление в рукописи отсутствует. (Для удобства читателей реконструированное оглавление с указанием страниц данного издания воспроизведено на с. 501 наст, изд.)

Рукопись «Очерки по теории денег Маркса» состоит из следующих глав:

I. Теория стоимости и теория денег у Маркса.

[II.] Необходимость денег.

[III.] Деньги как результат противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара.

[IV.] Возникновение денег.

[V] Деньги и абстрактно-общественный труд.

[VI.] Мера стоимости.

Что такое мера стоимости.

[VII.] Средство обращения.

[VIII.] Деньги как сокровище.

Значительная часть работы «Очерки по теории денег Маркса» посвящена анализу взаимосвязи теории стоимости и теории денег в экономической теории Маркса. Используя социологический метод, исходящий из анализа социальной структуры товарного хозяйства, и опираясь на свое учение о «вещественном содержании» и «общественной форме» (т. е., говоря современным языком, вещественной форме и социально-экономическом содержании экономических процессов), Рубин показывает, что как теория стоимости не может быть развита в полной мере без рассмотрения денег, так и теория денег Маркса вытекает из его теории стоимости. При этом он акцентирует внимание на том, что исходным пунктом анализа как стоимости, так и денег является у Маркса капиталистическое товарное производство, характеризуемое развитым денежным обращением, и рассматривает, в какой мере теория стоимости Маркса построена на предпосылках денежного хозяйства. От изучения механизма действия теории стоимости в капиталистическом товарном хозяйстве Рубин переходит к исследованию вопроса о происхождении и социальной функции денег и их необходимости как результата разрешения противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара. Далее он показывает, в чем заключалась заслуга Маркса при анализе процесса возникновения денег.

Вторая часть работы посвящена рассмотрению в теории Маркса вопроса о функциях денег. Рубин дает оригинальную и весьма интересную интерпретацию функций денег как меры стоимости и средства обращения, в заключительной части работы подробно рассматривает функцию денег в роли сокровища. В рукописи отсутствует анализ денег как средства платежа, лишь вскользь упоминается о развитии кредитной системы как неотъемлемой части капиталистического хозяйства, нет даже упоминания о функционировании денег в сфере международного обращения. Между тем анализ функции денег как средства платежа и специальное рассмотрение трансформации денег в международное платежное средство также являлись составными элементами теории денег Маркса, отличавшими его подход к теории денег от других экономистов – как предшественников, так и современников Маркса. А с учетом дальнейшего развития денег эти аспекты анализа приобрели еще большее значение.

Правда, в начале 1920-х годов это не было так очевидно. Поэтому, не исключая того, что Рубин не смог коснуться этих вопросов из-за того, что работа над рукописью была прервана, возможно и иное объяснение отсутствия названных тем в рукописи: Рубин мог намеренно ограничиться рассмотрением именно первых трех функций денег – меры стоимости, средства обращения и сокровища – как наиболее важных, сущностных характеристик денег, понимание которых неразрывно связано с теорией стоимости. Показать внутреннюю связь теории денег с теорией стоимости в системе Маркса – именно такую цель ставил перед собой И.И. Рубин в данной работе.

Как и в «Очерках по теории стоимости Маркса», Рубин при изложении теории денег дает

интересные интерпретации многих положений текстов Маркса, в основном, работы «К критике политической экономии» и первого тома «Капитала». Интерпретация теории стоимости Маркса, анализ труда, производящего товары, сущности и роли денег в капиталистическом товарном хозяйстве и другие вопросы представляют интерес и для сегодняшнего читателя, занимающегося данной проблематикой. Большое место уделяет Рубин механизму рыночного ценообразования на основе закона стоимости, роли денег в реализации товарной стоимости как необходимом условии процесса воспроизводства, в установлении и поддержании равновесия товарного хозяйства. Все эти проблемы не утратили актуальности. Определенный интерес для современного читателя представляет и анализируемая Рубиным литература 1910-1920-х годов по теории денег, полемика с экономистами начала XX в., в том числе с представителями австрийской школы, по данному вопросу.

* * *

Рукопись работы «Очерки по теории денег Маркса» была сохранена стараниями сначала жены Рубина Полины Петровны Рубиной, не оставившей до самой своей смерти в 1958 г. попыток добиться реабилитации И.И. Рубина, затем его сестры Блюмы Ильиничны Желтенковой (1884–1969) и ее детей М.В. и В.В. Желтенковыми. В начале 1991 г. М.В. и В.В. Желтенковы передали рукопись «Очерков по теории денег Маркса» вместе с некоторыми другими документами И.И. Рубина и воспоминаниями о нем членов семьи на хранение в Центральный партийный архив (ЦПА) ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ).

Известно, что в 1960-е годы П.П. Рубиной были предприняты попытки при поддержке Я.А. Кронрода опубликовать данную работу по теории денег К. Маркса после положительного решения вопроса о реабилитации И.И. Рубина. Однако в то время не удалось ни первое, ни второе. По-видимому, в то время рукопись была перепечатана на машинке (известно, что машинописный экземпляр работы имелся у Кронрода и, возможно, сохранился в его наследии).

В 1991 г. после поступления рукописи в ЦПА в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС по завершении научной экспертизы рукописи возникла идея издать ее совместно с «Очерками по теории стоимости Маркса», давно ставшими библиографической редкостью. Осуществить этот проект, к сожалению, тогда не удалось. Однако научное наследие И.И. Рубина продолжает вызывать интерес исследователей в различных странах мира как ученого, работы которого не утратили своего научного значения. Несомненно, это относится и к публикуемой впервые рукописи работы И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса».

* * *

Относительно времени написания публикуемой рукописи И.И. Рубина его сестра, Б.И. Желтенкова, в своих записках высказала предположение, что рукопись по теории денег Маркса была написана Рубиным в тюрьме в 1931–1933 годы. Однако это предположение представляется сомнительным.

Работа над рукописью «Очерки по теории денег Маркса» была начата, по всей вероятности, не ранее 1923 г. Об этом свидетельствует проверка источников, использованных Рубиным в

рукописи: все они относятся ко времени не позднее 1923 г. В частности, большинство книг, цитируемых автором, находится сегодня в фондах Государственной общественно-политической библиотеки (ГОПБ), преемницы библиотеки ИМЛ. Учитывая специализированный характер этой библиотеки, вобравшей в себя фонды бывших научных кабинетов Института К. Маркса и Ф. Энгельса, можно с большой долей уверенности предположить, что использованные Рубиным в рукописи работы по теории марксизма были в то время только в ИМЭ. И хотя Рубин стал сотрудником Института только в 1926 г., он получал, в том числе и в заключении, что подтверждается документально, всю нужную для работы литературу из Института. Обращает на себя внимание и тот факт, что Рубина явно не удовлетворял существовавший на тот момент русский перевод работы Маркса «К критике политической экономии» Румянцева, вышедший в 1922 г. в Петрограде в Издательстве Коммунистического университета. На это же издание Рубин ссылается и своих «Очерках по теории стоимости Маркса» (см. 4-е изд. 1929, с. 19 и след.). На полях хранящегося в ГОПБ экземпляра издания 1922 г. черными чернилами, похожими на те, которыми написана рукопись, отмечены многие места, цитируемые Рубиным. Однако цитаты из работы Маркса «К критике политической экономии» на основе русского издания 1922 г. находятся лишь в первой половине рукописи. Начиная же примерно со страницы 101 рукописи цитаты из работы Маркса все более совпадают с теми переводами соответствующих мест «К критике политической экономии», которые даны в новом издании этой работы, подготовленном Рубиным и вышедшем из печати в 1929 г. Напрашивается предположение, что начало работы над рукописью предшествовало работе Рубина над новым переводом «К критике...», затем эта работа могла идти какое-то время параллельно. Поскольку рубинское издание «К критике политической экономии» вышло из печати в июне 1929 г., а сдача книги в производство могла произойти от полугода до года до выхода книги в свет, можно предположить, что на 1927–1928 гг. пришлась основная редакционная работа над текстом и научным аппаратом книги. Думается, что примерно этим же временем следует датировать и завершающую стадию работы над рукописью «Очерки по теории денег Маркса». Последнее упоминание о ней содержит заявление И.И. Рубина в Институт экономики РАНИОН от 2 февраля 1930 г. с просьбой освободить его от преподавательской работы. В заявлении в числе работ, выполненных им в 1926–1928 гг., Рубин называет «работу над теорией денег у Маркса». [755]

Следует также принять во внимание, что в тексте рукописи не нашла отражения полемика вокруг работ Рубина, развернувшаяся в конце 1920-х годов, которая возможно и послужила причиной того, что Рубин не сумел довести работу над рукописью книги до конца. Учитывая накал и характер полемики вокруг Рубина в конце 1920-х – начале 1930-х годов, понятно, что шансов напечатать данную работу у автора не оставалось, что также объясняет, почему работа осталась незавершенной. Таким образом, рукопись И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса», по всей вероятности, была написана в период между 1923 и 1928 гг.

© Васина Л. Л., 2011

* * *

Рукопись записана черными чернилами на 138 листах большого формата (размером 44, 2 x 35,4 см, сложенных пополам). При нумерации страниц Рубиным была допущена ошибка (после с. 58 была проставлена с. 60), поэтому, согласно нумерации автора, рукопись имеет 139 страниц, что обозначено в заголовке работы (см. с. 501 наст. изд.), на самом же деле текст записан на 138 листах, пронумерованная с. 88 – пустая. Поскольку на с. 89 начинается новая глава «Средство обращения», можно предположить, что с. 88 была зарезервирована для завершения предыдущей

главы «Мера стоимости».

В данной публикации сохранены стилистические особенности авторского текста, исправлены без оговорки лишь незначительные орфографические ошибки и явные описки. Имена или инициалы упоминаемых и цитируемых Рубиным авторов, в случае их отсутствия, воспроизводятся непосредственно в тексте в [квадратных] скобках, так же как и другие пропуски и сокращения в рукописи. Пунктуация в тексте рукописи дается в соответствии с нормами современного русского языка. Подчеркивания в тексте теми же чернилами, какими написан текст, воспроизводятся курсивом; более поздние авторские вставки и подчеркивания карандашом показаны в тексте пунктирным подчеркиванием. Авторские записи на полях рукописи, как правило, поясняющие текст, воспроизводятся непосредственно в тексте рукописи с соответствующими текстологическими пояснениями в <угловых> скобках. Таким же образом показаны авторские отчеркивания карандашом на полях. Пометки и записи красным карандашом на полях рукописи и некоторые цифры, записанные простым карандашом, имеют чисто технический характер: ими отмечены и, как правило, пронумерованы библиографические примечания и ссылки, а также, вероятно, страницы машинописного экземпляра. Поскольку эти записи, по всей вероятности, не принадлежат Рубину и возникли позднее в процессе перепечатки рукописи на пишущей машинке, в данной публикации они не воспроизводятся.

Переводы цитат из работ Маркса сохраняются в авторской редакции, соответствующие ссылки на издание использованных Рубиным работ Маркса в составе 50-томного 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на немецком языке в международном Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала (Marx/Engels Gesamtausgabe – MEGA2) даются либо в конце текста, либо, при необходимости, в постраничных примечаниях в квадратных скобках. Все постраничные примечания в тексте рукописи принадлежат И.И. Рубину. Работа Маркса «К критике политической экономии» называется в тексте рукописи сокращенно «Критика». Это, как и другие сокращенные названия работ Маркса и других авторов, при публикации сохранены по возможности без изменений. Вся уточняющая информация библиографического характера дается при необходимости в квадратных скобках в самом тексте, в постраничных примечаниях или в редакционных примечаниях в конце текста (см. с. 617–625 наст. изд.). Оформление библиографических ссылок унифицировано в соответствии с современными правилами. Названия работ, вышедших в России до 1917 г., приводятся в современной орфографии.

* * *

В качестве приложения к публикации рукописи И.И. Рубина «Очерки по теории денег Маркса» дается библиография его работ (в хронологическом порядке) (см. с. 626–632 наст. изд.). Поскольку многие из работ Рубина безвозвратно утрачены (особенно это касается предисловий к книгам других авторов, изъятых в начале 1930-х годов из всех экземпляров соответствующих изданий практически во всех библиотеках СССР), думается, данная библиография представит интерес для исследователей личности и творчества И.И. Рубина.

Текстологическая подготовка рукописи к публикации, комментарии и составление библиографии работ И.И. Рубина осуществлены к.э.н. Л.Л. Васиной

Исаак И. Рубин. Очерки по теории денег Маркса

<Запись карандашом>

I. Теория стоимости и теория денег у Маркса

Марксова теория денег находится в тесной, неразрывной связи с его теорией стоимости.

Связь эта теснее, чем существующая между другими частями экономической системы Маркса. Конечно, теория капитала Маркса также построена на основе его теории стоимости и без нее не может быть понята. Но все же она изучает иной, более сложный тип производственных отношений между людьми как капиталистами и наемными рабочими, в то время как теория стоимости изучает более простой тип производственных отношений между людьми как независимыми товаропроизводителями. Теория же денег изучает не иной тип производственных отношений, чем рассмотренный Марксом в его теории стоимости, а тот же самый тип в его наиболее развитой форме. Деньги не только вырастают из товара, но всегда предполагают товар. Отношение между владельцем товара и владельцем денег и есть отношение между независимыми товаропроизводителями. Владелец денег был вчера производителем и владельцем товара, проданного им за деньги. Поскольку обмен товара на деньги по существу представляет собою обмен товара на товар ($T - D - T$), т. е. приравнивание всех товаров, – эта сторона процесса обмена изучается теорией стоимости. Поскольку обмен товара на товар происходит непременно в форме обмена товара на деньги и денег на товар ($T - D$ и $D - T$), – эта сторона процесса обмена изучается теорией денег. Обе теории изучают различные стороны того же самого процесса.

Этим объясняется двусторонний характер связи между упомянутым двумя теориями. Теория капитала предполагает теорию стоимости, но последняя строится Марксом без помощи предпосылок, лежащих в основе первой. Теория же денег не только вытекает из теории стоимости, но, наоборот, теория стоимости не может быть развита без теории денег и только в ней находит свое завершение. В основе Марксовой теории стоимости лежат предпосылки денежного хозяйства, точнее говоря: за исходный пункт анализа Маркс берет факт всестороннего приравнивания всех товаров друг другу, характеризующий денежное хозяйство и невозможный без посредства денег.

Дальнейшие главы настоящей работы посвящены изложению и обоснованию теории денег Маркса, построенной им на основе теории стоимости и из нее вытекающей. В первой главе мы остановимся на другой стороне той же зависимости между обеими теориями, не обращавшей на себя достаточного внимания. Мы рассмотрим вопрос, в какой мере Марксова теория стоимости построена на предпосылках денежного хозяйства.

Обычно ход рассуждений Маркса в его теории стоимости излагается следующим образом. Маркс берет прежде всего факт обмена двух товаров, т. е. факт приравнивания меновой стоимости двух благ, отличающихся различной потребительной стоимостью. Из факта их равенства или соизмеримости он делает вывод о необходимости особого мерил для их сравнения, каковое мерил и находит в труде. На первый взгляд это рассуждение вполне правильно передает ход мыслей Маркса на первых страницах «Капитала». Однако более внимательное изучение Маркса показывает нам безусловную ошибочность взгляда, который сводит его теорию стоимости к 1) анализу факта обмена двух товаров, 2) направленному на нахождение мерил их сравнения.

За исходный пункт анализа Маркс берет *не приравнивание одного товара другому, а приравнивание каждого товара всем другим, находящимся на рынке, т. е. всестороннее приравнивание всех товаров другу*. Товар производится не по заказу для определенных лиц, а на рынок, на неопределенный и обширный круг покупателей. Он производится не для обмена на какие-нибудь другие определенные товары, а для продажи, для обмена на деньги, на которые можно купить любые другие товары. На рынке товар получает определенную расценку, рыночную цену, объективную меновую стоимость (отклонения цен от стоимости мы оставляем здесь в стороне), не зависящую от воли отдельных лиц и навязывающуюся им, как объективно необходимый результат действий всего рынка, совокупности всех покупателей и продавцов.

Каждый товар приравнивается всем другим товарам (что возможно только через посредство денег). Каждый товар обладает свойством меновой стоимости, т. е. владелец его имеет возможность приравнять его любому другому товару и обменять его (через деньги) на таковой. Только в таком случае и можно говорить о наличии товара или меновой стоимости, как способности товара к обмену вообще, т. е. независимо от рода товаров, на которые он обменивается, или от лиц, вступающих в обмен. Там, где продукт способен к обмену только на определенные продукты или между определенными лицами, там нет еще меновой стоимости, и к такому обмену теория стоимости не применима.

Что Маркс берет за исходный пункт анализа способности товара к всестороннему приравниванию, доказывается с несомненностью его рассуждениями и в «Критике политической экономии», и в «Капитале». Основной факт, из которого исходит «Критика», заключается в том, что товары «в определенных количествах равны друг другу, замещают друг друга при обмене, считаются эквивалентами» (с. 36, S. 3). [756] Все рассуждения «Критики» основаны на том, что меновая стоимость одного продукта выражается во *всех* других продуктах. Говоря о приравнивании полотна кофе, Маркс прибавляет, что меновая стоимость первого «не исчерпывается в этой пропорции», а лишь в «бесконечном ряде уравнений» со всеми товарами (с. 44, S. 16). [757] Льняная пряжа и полотно являются друг для друга эквивалентами лишь постольку, поскольку они являются «эквивалентами для *любой* потребительной стоимости, содержащей равновеликое рабочее время» (с. 39, S. 8). [758]

По существу, таков же ход рассуждений Маркса на первых страницах «Капитала». Обычно внимание читателя сосредоточивается на известном примере сравнения двух товаров, пшеницы и железа, и весь ход Марксовой мысли упускается из виду. Прежде чем перейти к примеру с пшеницей и железом, Маркс констатирует факт обмениваемости пшеницы на всякие другие товары: «Известный товар, напр[имер] 1 квартал пшеницы, *в самых различных пропорциях обменивается на другие товары*, напр[имер] на 20 фунтов сапожной ваксы, или на 2 аршина шелка, или на ? унции золота и т. д.; однако меновая стоимость квартера пшеницы остается неизменной, выражается ли она в сапожной ваксе, шелке или золоте» (К[апитал] I, с. 3. Курсив наш. [– И. Р.]). Уравнение двух товаров, пшеницы и железа, является только одним из многих, приравнивающих пшеницу всем другим товарам.

Еще яснее выступает мысль Маркса в том же тексте, исправленном по французскому переводу, отредактированному самим Марксом: «Какой-нибудь товар, положим квартал пшеницы, обменивается, на x сапожной ваксы или y шелка, z золота и т. д., словом, он обменивается в разнообразнейших отношениях на другие товары. Следовательно, пшеница, вместо одной, имеет *много меновых ценностей*. Но так как x сапожной ваксы, равно как y шелка, z золота и т. д. составляют каждое меновую ценность квартера пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота должны быть *способны замещать друг друга* или должны представлять одинаковые меновые ценности. Из этого следует, во-первых, что меновые ценности, на которые обменивается один и тот же товар, *равны между собою*» (К[апитал] I, перев. под ред. Струве, 1906 г., с. 2. Курсив наш. [– И. Р.]). [759] Раз данный товар приравнивается *всем* другим товарам, то и все последние равны между собою. Этот текст, воспроизводящий ход мыслей «Критики», подчеркивает факт всестороннего приравнивания всех товаров друг другу или, что то же самое, данного товара всем другим, как исходный пункт анализа в теории стоимости.

Дальнейший ход мыслей Маркса таков: *Если данный товар приравнивается двум разным товарам, то последние равны друг другу*, выражая одну и ту же стоимость в двух различных формах. Отсюда следует обратный вывод: *Если два товара (напр[имер] пшеница и железо) равны друг другу, то оба они должны быть равны чему-то третьему*. Это положение, развиваемое Марксом на примере пшеницы и железа и иллюстрированное знаменитым

сравнением с треугольниками, [760] подавшим повод к стольким различным недоразумениям, является выводом из основного факта приравнивания каждого товара всем другим. Это второе звено рассуждений, которое обычно ошибочно принимается за первое. Уравнение двух товаров дает Марксу право делать умозаключение о равенстве их стоимости только потому, что он берет не изолированное уравнение, а одно из звеньев бесконечного ряда уравнений, в которых каждый из данных двух товаров приравнивается всем другим. Описанный ход мыслей Маркса выступает с полной отчетливостью не только в «Критике», где он положен в основу всего изложения, но и в «Капитале» и, – пожалуй, в еще более ясной форме – в брошюре «Заработная плата, цена и прибыль». [761]

Что меновая стоимость предполагает всестороннее приравнивание друг другу всех товаров, а не только двух, Маркс подчеркивает и в «Теориях прибавочной стоимости». «Вообще там, где существовали бы только два продукта, продукт никогда не развился бы в товар и, следовательно, не развилась бы и меновая стоимость товара» (Theorien, B[d]. III, S. 172). [762] Как стоимость, продукт «может быть непосредственно превращаем из одной потребительной стоимости в любую другую» (там же, S. 160. Ср. S. 161, 149 – 50, 175 и др.). [763]

Из изложенного можно сделать следующий вывод. В своей теории стоимости Маркс берет за исходный пункт анализа не случайное приравнивание двух продуктов в натуре, а всестороннее приравнивание каждого продукта всем другим, происходящее в форме объективной рыночной расценки каждого товара, через посредство денег. Оставляя пока в стороне роль денег, Маркс изучает общий характер и основные результаты этого общественного процесса, сводящегося к всестороннему приравниванию всех продуктов труда. Маркс исследует не обмен вообще, а развитой (по существу денежный) обмен как основную социальную форму общественного «обмена веществ», т. е. общественного производства. Марксова теория стоимости представляет собой не «диалектическую дедукцию из сущности обмена», как утверждает [Ойген] Бём-Баверк, а анализ определенной социальной формы производства, а именно товарного хозяйства.

Теперь нам легче будет объяснить один пункт, вызвавший особые нападки со стороны Бём-Баверка. На каком основании Маркс с самого начала утверждает, что «меновая стоимость товаров отвлекается от их полезности» (K[апитал] I, с. 4), [764] каковая оставляется им в стороне при анализе стоимости? Если бы речь шла о случайном обмене двух продуктов в натуре, то прав был бы Бём-Баверк, что такой обмен может регулироваться индивидуальными потребностями участвующих в нем лиц и их субъективной оценкой сравнительной полезности продуктов. Поскольку же речь идет об объективной меновой стоимости данного продукта, приравнивающей его всем другим продуктам без различия их рода и личности их производителей, перед нами объективный, закономерный общественный процесс приравнивания *всех* потребительных стоимостей, т. е. «отвлечения от полезности». Это не значит, что полезность товаров не играет роли, например, в мотивах покупателей. (Но не этими мотивами можно объяснять меновую стоимость продукта, т. е. способность его обмениваться на любую потребительную стоимость, принадлежащую любому товаровладельцу, способность его двигаться в любом направлении рынка.) Маркса интересуют не индивидуальные мотивы покупателей, а общественный процесс обмена, объективно заключающийся в приравнивании друг другу в определенных, закономерно устанавливающихся пропорциях всех потребительных стоимостей без исключения.

Мы установили, таким образом, ошибочность взгляда, согласно которому Маркс берет за исходный пункт обмен как таковой, самый факт сравнения двух продуктов. Не менее ошибочно предположение, будто Маркс из факта сравнения двух продуктов делает вывод о необходимости мерила сравнения, каковое он и находит в труде. Маркс, по примеру [Давида] Рикардо,

решительно отвергал самую постановку вопроса о мериле стоимости, который у Адама Смита неразрывно сплелся с вопросом о причине закономерных изменений стоимости продуктов, затемняя вопрос [о мериле стоимости] и мешая правильному его разрешению. Рикардо резко критиковал учение Смита о мериле стоимости и перенес всю теорию стоимости в плоскость научно-причинного изучения явлений обмена и изменений стоимости продуктов. Мнение некоторых писателей, будто Маркс ослабил эту строго каузальную (причинную) постановку теории стоимости, приданную ей Рикардо, внесением в нее элементов оценки, ни на чем не основано. [765] Маркс резко критикует постановку вопроса о «неизменяющемся мериле стоимости» (Theorien, III, S. 159, 163 и др.) [766] и даже упрекает Рикардо за некоторые выражения, могущие быть истолкованными в таком смысле (там же, S. 163). [767] Правда мы встречаем у Маркса учение о труде как «имманентном мериле стоимости». Но Маркс многократно подчеркивает, что «имманентное мерило» понимается им в совершенно другом смысле, чем обычное или «внешнее мерило», каковым является не труд, а деньги (там же, [S.] 21, 185, 186 и др.). [768] Труд есть «имманентное мерило» стоимости только потому, что он является ее «causa efficiens» ([действующей] причиной), ее субстанцией (там же, S. 163, 164). [769] Количественные изменения производительности труда являются причиной изменений стоимости товаров. Это положение в переводе на язык гегелевой философии гласит, что труд является «имманентною мерою» стоимости. [770]

Писатели, трактующие Марксову теорию стоимости в смысле поисков мерила стоимости, не отдают себе ясного отчета в том, идет ли речь о мериле, при помощи которого участвующие в обмене лица приравнивают обмениваемые продукты, или о мериле, которое дает возможность теоретику-исследователю утверждать равенство обмениваемых продуктов. Такое расчленение вопроса делает его более ясным и не оставляет сомнения в том, что Марксу чужда постановка вопроса в обоих этих смыслах. Маркс и не думал утверждать, что два продукта обмениваются друг на друга потому, что обменивающиеся считают их продуктами равных количеств труда, так как: 1) Маркса интересует объективный результат процесса обмена, а не субъективные мотивы обменивающихся, и 2) поскольку речь идет об этих субъективных мотивах, невозможно предполагать, что покупателям известны сравнительные трудовые затраты, необходимые для производства разных продуктов, и что они сознательно принимают эти затраты за основу для определения меновой стоимости последних.

Постановка вопроса во втором из указанных нами смыслов должна была бы гласить так: так как два товара приравниваются друг другу, то мы, теоретики-исследователи, должны открыть момент их равенства, указать, какое свойство обще им обоим, делая их равными друг другу. На теоретике лежит обязанность открыть момент равенства двух явлений только в том случае, если он сам сравнивает эти явления и утверждает тождество их природы. Но из того факта, что на рынке пшеница приравнивается железу, нельзя умозаключать к обязанности теоретика показать, в чем состоит их равенство. Теоретик имеет перед собою определенный факт и обязан его объяснить. Это значит, что, наблюдая факты приравнивания пшеницы железу, он ставит себе вопрос: отличается ли данное явление характером постоянства и закономерности, и если да, то какова его причина, т. е. какими явлениями обуславливается существование и изменения данного явления. Не показать, в чем пшеница равна железу, а открыть закономерность объективного социального факта рыночного приравнивания пшеницы железу – такова задача экономиста-теоретика. Так именно и ставит вопрос Маркс, и недостаточно ясное понимание этой постановки вопроса помешало критикам и подчас даже комментаторам Маркса составить себе правильное представление о его теории стоимости.

Для правильного понимания Марксова обоснования теории стоимости необходимо твердо помнить, что, как изложено выше, исходным пунктом анализа Маркса является факт развитого

обмена с всесторонним приравнением всех товаров друг другу. Раз каждый товар, получая на рынке определенную расценку, тем самым приравнивается всем другим товарам и может быть в определенной пропорции обмениваем на любой из них совершенно независимо от того, нуждается ли владелец последнего в данном товаре, то эта обмениваемость или меновая стоимость товара является его общественным свойством. В процессе развитого рыночного обмена каждый товар как меновая стоимость вполне равен любому другому товару и может в определенной пропорции замещать его. Это значит, что в реальном процессе рыночного обмена все товары действительно равны друг другу, равны не по своим вещным свойствам, а по своей социальной функции. Так как социальная функция товаров на рынке заключается в уравнивании других товаров и так как в этом процессе взаимного уравнивания товаров каждый товар может в определенной пропорции замещать любой другой товар, то, следовательно, всестороннее приравнение товаров на рынке означает *единство их социальной функции* или социальной природы. Обычно аргументацию Маркса излагают таким образом: *так как* товары можно приравнивать друг другу, то мы должны найти в них нечто общее, единое. Правильнее выразить мысль Маркса приблизительно следующим образом: *то, что* товары на рынке реально приравниваются друг другу, и есть единство их социальной функции. Теперь встает задача объяснить эту социальную природу факта всестороннего приравнения товаров, а именно показать необходимую связь его с данной социальной структурой хозяйства, роль его или социальную функцию в хозяйстве и закономерность в приравнении товаров, т. е. причины, вызывающие возрастание или уменьшение их меновой стоимости. Иначе говоря, встает задача изучения качественной и количественной стороны меновой стоимости, а так как последняя представляет из себя социальную функцию, приобретаемую продуктами труда в определенной социальной среде, то задача наша сводится к анализу этой социальной среды, товарного хозяйства. Анализ этот вскрывает: 1) необходимость всестороннего приравнения товаров как единственного вида общественной связи между формально разобщенными и материально связанными товаропроизводителями, 2) роль приравнения товаров как регулятора приливов и отливов труда в разные отрасли производства, т. е. социальную функцию меновой стоимости как регулятора распределения общественного труда и, наконец, 3) законы изменений меновой стоимости товаров в зависимости от изменений производительности общественного труда. Мы видим, каким образом определенная социальная структура хозяйства или определенный тип производственно-трудовых отношений между людьми создает определенную социальную функцию или социальную форму продуктов труда, а именно их меновую стоимость. В этом и заключается теория стоимости Маркса.

Итак, мы считаем неправильным мнение, будто Маркс, беря исходным пунктом анализа факт приравнения двух товаров, т. е. факт обмена как таковой, вне его социальной формы, ищет мерилу для сравнения этих товаров. Маркс с самого начала имеет перед собою развитое товарное хозяйство с всесторонним приравнением товаров, характеризуемым способностью каждого товара обмениваться в определенной пропорции на любой другой товар. Только этот исходный пункт дал Марксу возможность заранее устранить индивидуально-психологическую постановку вопроса (т. е. потребительную стоимость) и *с самого начала определить предмет своего изучения, меновую стоимость как объект социального мира*, как социальную функцию или форму продукта труда. Этим был предопределен и весь метод исследования. Для объяснения социальной формы продуктов труда необходимо было перейти к анализу социальной формы организации труда, выражающейся или «овеществляющейся» в первой.

Очень ясно выступает этот ход мыслей Маркса в его брошюре «Заработная плата, цена и прибыль». Охарактеризовав факт всестороннего приравнения товаров, Маркс следующим образом переходит от товара к труду: «Так как меновые стоимости товаров суть только

общественные функции этих предметов и не имеют ничего общего с их естественными свойствами, то мы должны прежде всего спросить: "Какова *общая общественная субстанция* всех товаров?" Это – труд... Я говорю не только труд, но общественный труд... Чтобы произвести товар, человек не только должен произвести продукт, удовлетворяющий какой-нибудь общественной потребности, но самый труд его должен составлять часть совокупной затраченной обществом суммы труда. Он должен входить в сферу разделения труда внутри общества. Он – ничто без других подразделений труда и с своей стороны должен их дополнять». [771] Маркс усиленно подчеркивает, что речь идет о труде не в его естественной, а социальной форме, о процессе общественного распределения труда, выражением которого является меновая стоимость. Последняя сразу определяется Марксом как «общественная функция» или форма продуктов труда, которой должна соответствовать определенная «общественная субстанция», т. е. известное распределение общественного труда.

По существу таков же ход мыслей Маркса в «Капитале». Констатируя качественное равенство всех товаров как стоимостей, Маркс усматривает в нем «овеществленное», «кристаллизованное» (т. е. фиксированное в виде общественных свойств продуктов труда [772]) выражение «общей им общественной субстанции», «выражение того же общественного единства, человеческого труда» (Kapital, I, S. 6, 14). [773] Приравнивание товаров на рынке выражает приравнивание общественного труда в процессе его распределения между разными отраслями производства. В этом процессе уравниваются все различия в отдельных трудовых затратах, которые первоначально выступают в качестве частных, конкретных, разнокачественных и индивидуальных трудовых затрат и лишь в результате процесса обмена превращаются в общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый труд. Качественному равенству товаров на рынке соответствует качественное равенство труда в общественном процессе его распределения. Поэтому, взяв за исходный пункт вещное равенство товаров в обмене, Маркс уже на третьей странице «Капитала» переходит непосредственно к его корреляту в процессе общественного производства – к равенству труда, анализируя этот труд как однородный и равнокачественный, соответствующий однородности и равнокачественности всех товаров как меновых стоимостей. Абстрактный характер труда выступает здесь как коррелят всестороннего приравнивания товаров, находящего свое полное выражение через посредство денег. От развитой формы обмена Маркс непосредственно переходит (в первых двух параграфах 1-ой главы «Капитала») к развитому абстрактному труду, оставляя пока в стороне весь тот длинный и сложный общественный процесс, который превращает частный и неравный труд в общественный и равный. К рассмотрению этого общественного процесса Маркс переходит только в третьем параграфе («Форма стоимости или меновая стоимость»), чтобы в четвертом («Товарный фетишизм и его тайна») подойти, наконец, к наиболее глубокой основе этого процесса, к социальной структуре товарного хозяйства. Маркс начинает с готового результата общественного процесса, чтобы потом показать нам развитие последнего и вскрыть его основу. Приблизительно таково же построение первой главы «Критики». После подробного анализа меновой стоимости и абстрактного труда Маркс говорит: «До сих пор товар рассматривался с двойной точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, каждый раз односторонне. Однако товар как таковой есть непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем он является товаром только в отношении к другим товарам. Действительное отношение товаров друг к другу есть *процесс их обмена*» (Kritik, S. 19, рус. перев., с. 45–46). [774] После «одностороннего» анализа меновой стоимости и абстрактного труда, как готовых законченных результатов общественного процесса, Маркс переходит к изложению самого этого процесса, превращающего потребительную стоимость в меновую и частный труд – в общественный.

Маркс сам отметил в послесловии <в рукописи ошибочно: «предисловии»> ко второму изданию «Капитала» эту особенность своего изложения: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» (К[апитал] I, с. XLVII). [775] Действительно, этот способ изложения Маркса, начинающий с анализа готовых результатов и кончающий общественным процессом развития, скрыл от глаз его критиков его способ исследования и послужил источником многократных обвинений Марксовой теории стоимости в априорности построения. Он же побуждал многих сторонников Маркса искать обоснования его теории стоимости на первых страницах «Капитала», трактующих о содержании стоимости или абстрактном труде. Такое представление, как мы видели, ошибочно. Первые страницы «Капитала» дают только анализ готового законченного результата, являющегося объектом исследования: стоимости и ее коррелята – абстрактного труда. Исследование же действительного процесса развития явлений стоимости мы находим только в параграфах, посвященных «форме стоимости» и «товарному фетишизму». Этот процесс развития стоимости есть одновременно процесс развития денег.

Теперь для нас выясняется тесная связь между теорией стоимости и теорией денег в экономической системе Маркса. Связь эта состоит не только, как обычно представляют себе, в том, что теория денег строится на основе теории стоимости, но и в том, что последняя находит свое завершение только в теории денег. Изложение теории стоимости в первой главе «Капитала», как и в «Критике политической экономии», состоит из двух частей: анализа понятий меновой стоимости и абстрактного труда (субстанция стоимости) и объяснения процесса развития меновой стоимости (формы стоимости). Первая часть, как мы видели, предполагает всестороннее приравнивание друг другу всех товаров и тем самым всех видов труда, – процесс, соответствующий денежному обмену. Вторая часть, рисующая развитие меновой стоимости как способности товара к всестороннему обмену, одновременно показывает развитие денежной формы. Правда, «денежная форма» является только последнею, наиболее развитою из рассматриваемых Марксом «форм стоимости» (простой, развернутой, всеобщей и денежной). Может поэтому казаться, что существуют формы стоимости, предшествующие денежной, что, следовательно, меновая стоимость может существовать на стадии общественного развития, предшествующей появлению денег. Такое предположение, опирающееся на терминологию Маркса, употребившего в применении ко всем упомянутым фазам обмена название «форм стоимости», мы считаем ошибочным. Формы стоимости, предшествующие всеобщей, представляют собою не только зародышевую форму денег, но также лишь зародышевую форму стоимости. Развитая меновая стоимость появляется только с «всеобщей формою», которая по существу совпадает с появлением денег.

Тесная связь между теориями стоимости и денег ярко проявляется в самом построении труда Маркса. В «Критике политической эк[ономии]» первая глава, озаглавленная «Товар», по существу содержит также основы теории денег. Как только Маркс после анализа понятий стоимости и абстрактного труда приступает к изложению действительного процесса обмена, превращающего потребительную стоимость в меновую и конкретный труд – в абстрактный, он одновременно показывает нам и развитие денег, как необходимого коррелята меновой стоимости и абстрактного труда (начиная со стр. 19 подлинника). [776] Вторая же глава, о «деньгах», рисует отдельные функции денег, но уже не дает общей теории денег.

Приблизительно таково же построение «Капитала». В первой же главе «Товар» часть, посвященная формам стоимости, в сущности содержит теорию денег, которую Маркс развивает более подробно и систематически в главе второй, озаглавленной «Процесс обмена». И здесь общая теория денег дана в тесной связи с теорией стоимости, глава же третья, озаглавленная «Деньги», занимается только отдельными функциями денег.

Теория стоимости и теория денег в совокупности характеризуют один и тот же основной тип производственных отношений между товаропроизводителями, свою трудовую деятельность в процессе производства дополняющими друг друга, но формально независимыми и вступающими друг с другом в связь только в процессе обмена. Поскольку наше внимание направлено на общественное единство всего процесса производства и распределение общественного труда, осуществляющееся через посредство обмена, мы имеем теорию стоимости. Поскольку наше внимание направлено на процесс обмена с его частными актами купли-продажи как необходимую форму осуществления единства общественного процесса производства, мы имеем теорию денег. Только обе теории в совокупности дают нам общую картину товарного хозяйства со всею двойственностью его структуры: единством общественного процесса производства и его раздробленностью между отдельными частными хозяйствами.

[II.] Необходимость денег

Обычно думают, что в теории стоимости Маркс описывает обмен, происходящий без посредства денег, а в теории денег показывает возникновение, развитие и роль денег. Мы уже видели, что такое мнение должно быть признано ошибочным. С самого начала своего исследования Маркс предполагает всесторонний обмен всех товаров, возможный только через посредство денег. Но в анализе этого сложного явления денежного хозяйства Маркс, как всегда, придерживается метода последовательного выделения и объяснения отдельных сторон. Неправильно было бы каждую из них принимать за отдельный объект изучения; каждая из них характеризует абстрактную сторону всего явления, изучаемую на данной ступени исследования, и только все в совокупности дают полное представление об изучаемом явлении.

В конкретной действительности денежного хозяйства мы наблюдаем факты покупок и продаж, обмена товара на деньги и обратно. Наблюдая эти конкретные факты, Маркс как бы говорит: отвлечемся прежде всего от невозможности для каждого товара быть обмененным на другие товары иначе, как через посредство денег. Взглянем на весь процесс обмена как на процесс взаимного всестороннего приравнивания на рынке всех продуктов труда – процесс, через посредство которого совершается приравнивание и распределение всех видов труда в общественном производстве. Иначе говоря, посмотрим, каким образом при товарном хозяйстве весь процесс распределения и приравнивания общественного труда происходит в форме приравнивания продуктов труда как стоимостей. Изучение *механизма социальной зависимости между приравниванием труда и приравниванием товаров и составляет тему Марксовой теории стоимости*, или первой ступени нашего исследования. Показавши, каким образом приравнивание труда принимает форму всестороннего приравнивания товаров, Маркс переходит к анализу последнего процесса, обнаруживающему, что *всестороннее приравнивание товаров возможно только в форме приравнивания их всех одному и тому же выделенному товару*, приобретающему характер денег. Это – теория *происхождения и социальной функции денег*, или вторая ступень исследования. Только после этого можно перейти к рассмотрению *отдельных свойств денег как уже готовых результатов процесса обращения*, на первый взгляд, как бы независимых от последнего и присущих самим деньгам. Это теория *отдельных функций денег*, или третья ступень исследования. Иначе говоря, эти три ступени исследования можно характеризовать, как учение 1) о стоимости или товаре, 2) о переходе товара в деньги и 3) о деньгах. Вторая ступень находится в теснейшей связи с первой, и этим объясняется факт,

отмеченный нами выше, а именно, что теория денег излагается Марксом в двух местах: во-первых, в тесной связи с теорией стоимости (в «Критике» в главе первой, в «Капитале» в параграфе о форме стоимости и в главе второй), и, во-вторых, самостоятельно («Критика», глава вторая, и «Капитал», глава третья). Особые трудности для изучения представляет вторая, переходная ступень, ибо это, «посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа» (К[апитал] I, с. 61). [777] Третья ступень исследования имеет дело с функциями денег, всем очевидными и бросающимися в глаза. Более абстрактную и трудную является первая ступень или теория стоимости, но все же, при некоторой привычке к отвлеченному мышлению, легко представить себе весь процесс обмена, как приравнивание вещей, тесно связанное с приравниванием труда. Но наибольшие трудности для понимания представляет вторая ступень, рисующая общественный процесс, результатом которого является сращение денежной функции с определенным натуральным продуктом, имеющее характер как бы естественный, а не общественный. <Последнее предложение дважды отчеркнуто карандашом на полях.>

Маркс неоднократно сам отмечал те различные ступени абстракции, через которые проходит его исследование. «Тот факт, что товаровладельцы взаимно *относятся к своему труду* как к всеобщему общественному труду, проявляется в форме *отношения их к своим товарам* как меновым стоимостям; взаимное *отношение товаров* друг к другу как меновых стоимостей выступает в процессе обмена как их всестороннее *отношение к одному особенному товару* как адекватному выражению их меновой стоимости; что, обратно, в свою очередь проявляется как специфическое *отношение этого особенного товара ко всем другим товарам* и, следовательно, как определенный общественный характер вещи, как бы присущий ей от природы» (Kritik, S. 28). (Русский перевод на стр. 51 не совсем точный. Курсив наш. [– И. Р. .]) [778] Здесь явно намечен весь путь восхождения исследования от общественного труда через стоимость к деньгам, в синтетическом порядке. Иногда Маркс отмечает тот же путь в обратном, аналитическом порядке: «Как можно *x* хлопка выразить в *y* денег? Этот вопрос сводится к тому, как можно вообще выразить один товар в другом, или товары как эквиваленты? На этот вопрос дает ответ только развитие стоимости, независимо от выражения одного товара в другом» (Theorien, B[d]. III, S. 193 – 4). [779] От конкретного явления денег необходимо спуститься к приравниванию товаров или форме стоимости, а от последней далее к учению о содержании стоимости или общественном труде. Первая ступень исследования ведет от общественного труда (или содержания стоимости) к форме стоимости, вторая – от формы стоимости к деньгам, третья рассматривает деньги как готовый результат. Как видим, отдельные ступени исследования постепенно переходят одна в другую, так как конечное звено одного является начальным звеном другого. Связующим звеном между теорией стоимости и теорией денег служит учение о форме стоимости.

Теперь мы можем точнее определить, какую задачу Маркс преследует на второй ступени исследования, в общей теории денег. Он не только дает схему постепенного исторического развития денег параллельно с развитием самого обмена. Основная задача его не исторического, а теоретического характера. Недостаточно проследить происхождение и развитие денег. Следует еще вскрыть закономерность, делающую деньги необходимым следствием и спутником развитого товарного хозяйства. Необходимо показать внутреннюю связь между ними. *Анализ товарного хозяйства должен показать нам, что всесторонний обмен товаров невозможен без посредства денег*. Такова тема, разрабатываемая Марксом в общей теории денег.

Постановка вопроса о *необходимости денег*, которая может объяснить нам мощное, повсеместное, неудержимое распространение денег по мере развития товарного обмена, составляет характерную особенность Марксовой теории, отличающую ее от многих других.

Последователи классической школы большею частью объясняли возникновение денег удобствами их для обмена, большею легкостью денежного обмена по сравнению с натуральным. Но можно ли одними только удобствами объяснять стихийное, повсеместное распространение денег? Величайшие трудности представляет объяснение денег для теорий, построенных не на анализе объективной структуры товарного хозяйства, а на описании субъективных мотивов хозяйствующего человека, взятого вне конкретной социальной и исторической среды. Австрийская школа обнаружила в теории денег полную беспомощность. По замечанию одного автора, видные представители субъективной теории ценности [Е.] Филиппович и К. Менгер выводят стоимость денег из объективных, природных свойств золота. [780] Субъективный психологизм дополняется объективным натурализмом. Другие авторы ясно сознают несовместимость субъективной теории ценности с фактом объективной расценки товаров в деньгах. «Субъективная ценность благ, как субъективно-психический факт, не может быть согласована с объективно-количественным выражением» их в деньгах; возникновение такого денежного выражения представляет собою «проблему, недоступную человеческому пониманию» (!). [781] Это признание равносильно полному банкротству психологического метода в объяснении денег, одного из основных явлений современного хозяйства. Явление это может быть понято только на основе социологического метода, исходящего из анализа социальной структуры товарного хозяйства.

[Ш.] Деньги как результат противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара

Как известно, Маркс вывел необходимость денег из противоречия между потребительной и меновой стоимостью товара. Эта часть Марксова учения часто вызывала обвинения в «метафизике» и диалектической игре абстрактными понятиями. В ней усматривали отвлеченное, схоластическое умозрение, ничего общего не имеющее с реальной жизнью.

Действительно, на первый взгляд эта часть теории, в которой Маркс в наибольшей мере «кокетничает гегельянством», может вызвать подобное представление. Изложение все время ведется на основе его анализа отвлеченных понятий, противопоставлении их, констатировании противоречий и их диалектическом примирении. С наибольшей яркостью проявляется этот характер изложения в «Критике политической экономии». Однако наша оценка общего учения о деньгах, изложенного в «Критике» и «Капитале», изменится, если мы вспомним, что под каждой вещною категорией в Марксовой экономической системе скрывается определенный тип производственных отношений между людьми. Под отвлеченною метафизическою оболочкою мы вскроем глубокое социологическое ядро. Марксово общее учение о деньгах окажется продолжением того анализа производственных отношений товарного хозяйства, который начат Марксом в его теории стоимости.

Раздел [ение] труда. <Запись на полях.> Основное противоречие товарного хозяйства заключается в том, что, с одной стороны, оно состоит из множества отдельных, друг от друга формально независимых частных хозяйств, а с другой стороны, последние материально связаны между собою и взаимно друг друга дополняют. Благодаря разделению труда и обмену «частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные полезные работы они должны удовлетворять определенной общественной потребности и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, естественно выросшего в систему общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особенный вид полезной частной работы и, следовательно, равнозначен последнему» (К[апитал] I, с. 41). [782] Сама система общественного разделения

труда в товарном хозяйстве может быть рассматриваема с двух сторон: технической и социальной. С одной стороны, она представляет собою совокупность дополняющих друг друга разнородных конкретных видов труда, выражающих «качественное различие между отдельными полезными работами» (К[апитал] I, с. 9); [783] с другой стороны, она представляет собою совокупность разных видов труда, уравненных и находящихся в равновесии друг с другом, или – что является результатом этого процесса уравнивания труда – совокупность однородного общественного труда, распределенного между разными отраслями производства. [784] Поэтому, как указано выше, частный труд каждого отдельного товаропроизводителя должен приобрести общественный характер в двойном смысле: материально-техническом и формально-социальном. С одной стороны, он должен удовлетворять определенной общественной потребности, с другой – быть равнозначным любому другому виду труда.

Труд отдельного лица мог бы приобрести непосредственно общественный характер лишь при том условии, если бы он был организован в общественном масштабе общественным органом, который заранее принимал бы во внимание определенное техническое содержание труда отдельных лиц, и включением его в общий план хозяйства, т. е. установлением производственных отношений между данным лицом и другими членами общества, санкционировал бы его социальный характер. Этим труду отдельных членов общества была бы дана гарантия его материальной полезности и одновременно санкция его социальной равнозначности с любым другим видом труда. Но в таком случае мы имели бы перед собою хозяйство социалистическое, а не товарное, непосредственно общественный, а не частный труд. Товарное же хозяйство характеризуется анархией производства, отсутствием непосредственно общественной организации труда. Частный труд отдельного товаропроизводителя в процессе производства еще не обладает общественным характером в указанном двойном смысле: он не имеет ни гарантии материальной полезности (ибо данный продукт может оказаться вообще ненужным или произведенным в чрезмерном количестве), ни санкции социальной равнозначности (ибо в результате перепроизводства или применения данным производителем отсталых способов производства продукт его труда может быть на рынке приравнен продукту меньшего количества другого труда). Даже по окончании процесса производства ни один общественный орган не проверяет и не санкционирует *post factum* затраченного отдельными товаропроизводителями труда. Такая проверка и санкция, так сказать «последующий контроль», осуществляются не сознательно действующим общественным органом, а бессознательно действующим механизмом рынка, т. е. столкновением действий отдельных товаропроизводителей, из которых каждый сознательно преследует только цель наиболее выгодного обмена продуктов своего труда и взаимодействие которых имеет своим бессознательным, объективным общественным результатом как бы проверку и санкцию трудовых затрат, произведенных отдельными товаропроизводителями. Мы говорим «как бы», ибо в применении к гетерогенному, бессознательному результату взаимодействия множества людей о «проверке» и «санкции» можно говорить только в условном, переносном смысле. Точнее было бы сказать, что здесь происходят следующие процессы. Или данный продукт труда находит потребителя и одновременно дает своему производителю возможность получить за него в обмен продукт такого же количества труда других производителей, – и в таком случае объективным результатом обмена является тенденция к сохранению и продолжению данного труда в дальнейшем процессе воспроизводства. Иначе говоря, данная трудовая затрата оказывается включенною в систему общественного разделения труда и с материально-технической и с социальной стороны, т. е. как полезная затрата конкретного труда и как равнозначная (уравненная) с другими доля совокупного общественного труда. Или же в случае перепроизводства или применения отсталых орудий труда обмен складывается невыгодно для

данного производителя, – и объективным результатом его является тенденция к вытеснению данных трудовых затрат и замене их другими, могущими быть полностью включенными в механизм общественного производства. Объективным результатом рыночного обмена является, таким образом, социальный отбор разных видов и способов труда, включение их в общественный механизм производства и вытеснение из него, нечто вроде проверки и санкции труда отдельных товаропроизводителей, который только таким образом из труда частного становится общественным.

Двойст [венность] обмена и вещей? <Запись на полях.> Однако такой отбор разных видов труда производится в товарном обществе не непосредственно, а косвенно, через отбор продуктов труда, которые рынком либо отвергаются, либо принимаются. Включение данной трудовой затраты в общественный механизм производства совершается в результате и посредством включения ее продукта в общую товарную массу, находящую сбыт на рынке. Данный продукт труда получает на рынке «расценку», меновую стоимость, приравнивающую его в той или иной пропорции любому другому товару на рынке. Этим уравнением продуктов разных видов труда создается и уравнение последних, тенденция к установлению подвижного равновесия между отдельными отраслями производства. Социальный процесс уравнения разных видов труда, распределенного между отдельными отраслями производства, принимает форму особого социального свойства продуктов труда, их «меновая стоимость». Общественные свойства труда принимают форму свойств вещи, «овеществляются» или «фетишизируются». Обмен продуктов отражает «общественно полезный характер частных работ в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных работ отражает в форме принадлежащего этим материально различным вещам – продуктам труда <Запись на полях: « **От труда к вещи.** >> – общего свойства быть стоимостью» (К[апитал] I, с. 41). [785] Продукт труда становится товаром или стоимостью. Помимо своего непосредственного материально-технического существования, как конкретный предмет потребления или средство производства, он приобретает особую социальную «функцию» или «форму», становится «носителем» производственных отношений между людьми.

Благодаря этому и самый процесс обмена продуктов приобретает двойной характер: с одной стороны, он представляет собою движение материальных вещей от производителей к потребителям (через ряд посредников), с другой стороны, – движение тех же вещей как носителей производственных отношений людей, т. е. процесс установления производственных отношений между товаропроизводителями, участвующими в обмене. «Обмен товаров есть такой процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особых продуктов частных лиц, одновременно означает установление определенных общественных производственных отношений, в которые лица вступают в этом обмене веществ». [786] Первую сторону обмена будем называть материально-технической, вторую – формально-социальной: социальной потому, что независимые друг от друга товаропроизводители через обмен продуктов своего труда вступают между собою в общественную связь, формальной потому, что определенный тип или характер этой связи между товаропроизводителями сообщает особую социальную форму продуктам их труда. <Начало отчеркивания на полях карандашом.> Как известно, основная особенность товарного хозяйства заключается в том, что отдельные частные товаропроизводители вступают между собою в производственные отношения исключительно как владельцы определенных материальных вещей, в результате чего, обратно, обладание вещью дает ее владельцу возможность вступить в производственные отношения с другими людьми. Общественные отношения «овеществляются», а вещи приобретают общественные черты. Благодаря этому и создается тесная связь между материальной и социальной сторонами

процесса производства. Продукты труда передвигаются от одного товаровладельца к другому лишь на основании заключенного между ними особого договора или производственного отношения обмена, а последнее, в свою очередь, устанавливается между данными лицами лишь по поводу и в целях перехода материальных вещей от одного к другому. Это сращение материального движения продуктов труда с процессом установления производственных отношений людей находит свое выражение в двойственной природе отдельного товара, представляющего собою сращение производственного отношения (меновый <подчеркнуто чернилами и на полях стоит знак вопроса> стоимости) с материальной вещью (потребительной стоимостью). Как потребительная стоимость, каждый товар есть один из элементов общественного обмена веществ, движения материальных вещей. Как меновая стоимость, он дает своему производителю возможность вступить в производственное отношение с другими производителями. Из этой двойственной природы товара Маркс и вывел необходимость денег. Но мы уже знаем, что эта двойственная природа товара представляет собою не более, как выражение двойственной природы самого обмена, в котором производственные отношения людей устанавливаются через переход вещей. Самый тип производственных отношений людей, присущий товарному хозяйству, вызывает необходимость денег. <Конец отчеркивания на полях карандашом.> Производственные отношения между товаропроизводителями, с одной стороны, связывающие всех членов общества, т. е. отличающиеся всесторонним характером, а с другой стороны, обусловленные и ограниченные наличием у них определенных конкретных полезных вещей, могут устанавливаться только через посредство денег. Это положение должно быть теперь нами доказано.

Движение потребительной стоимости. <Запись на полях.> Двойственный характер обмена, как процесса продвижения материальных вещей от одних членов общества к другим и одновременно процесса установления между ними производственных отношений, сообщает двойственный характер и положению товаропроизводителя в обмене, т. е. отношению его к другим товаропроизводителям-участникам обмена. С одной стороны, он является собственником *вещей*, которые должны проделать определенный путь в общественном обмене веществ. С другой стороны, он является *собственником* вещей и именно как таковой полноправным участником данной системы общественных производственных отношений. Рассмотрим положение его с этих двух сторон.

Поскольку продукт труда является материальной вещью с полезными свойствами, потребительную стоимость, она не нужна самому товаропроизводителю. «Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других» (К[апитал] I, с. 53). [787] Товар должен поэтому продвигаться из хозяйства производителя в хозяйства потребителей, т. е. в те хозяйства, где имеется потребность в данном товаре как конкретной полезной вещи, как предмете потребления или средства производства. Товар продвигается в хозяйства тех товаропроизводителей, которые предъявляют на него платежеспособный спрос, иначе говоря, желают получить данный товар и вместе с тем в состоянии дать соответствующий эквивалент (равно стоимости), т. е. в состоянии компенсировать его стоимость равною стоимостью произведенных ими товаров. Хотя спрос предъявляется отдельными товаропроизводителями, руководящимися на первый взгляд своими субъективными потребностями и желаниями, он не является, однако, произвольным. Общие размеры и направление его обнаруживают среди постоянных отклонений и нарушений определенную закономерность, вытекающую из закономерности общественного процесса воспроизводства. Каждое хозяйство предъявляет спрос прежде всего на предметы потребления и средства производства, необходимые ему для возможности процесса воспроизводства, т. е. для дальнейшего продолжения своей

производственной деятельности. Характер средств производства, на которые предъявляют спрос отдельные хозяйства, определяется непосредственно характером процесса производства. Он же определяет, – но более косвенным путем, через процесс распределения, – и количество и характер предметов потребления, на которые предъявляется спрос отдельными товаропроизводителями. <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.>

Таким образом, закономерность продвижения продуктов труда из одних хозяйств в другие определяется в конечном счете закономерностью общественного процесса производства в широком смысле, включая сюда и процесс распределения. Так как, однако, в товарном обществе производство организуется отдельными частными товаропроизводителями, из которых каждый самостоятельно, хотя и считаясь с конъюнктурой рынка, решает, может ли он в данный момент расширить свое производство и личное потребление или должен сжать их, то закономерность общественного обмена веществ проявляется не иначе, как через потребности и спрос отдельных товаропроизводителей. «Чтобы *сделаться* потребительной стоимостью, товар должен противостоять определенной потребности, для которой он является средством удовлетворения. Таким образом, потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями, всесторонне меняя свои места, переходя из тех рук, в которых они служат средствами обмена, в те руки, в которых они являются предметами потребления» (Kritik, S. 20, рус. перев., с. 46). [788] Направление этого продвижения товара как потребительной стоимости определяется не производителем, а потребителем. «Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особенной потребности» (там же, S. 22 или с. 47). [789]

Итак, поскольку данный товаропроизводитель является собственником материальной вещи, последняя должна проделать в общественном обмене веществ вполне определенный путь, не зависящий от воли ее производителя. В общественном масштабе этот путь определяется в общем и целом закономерностью общественного обмена веществ, для данного же <вставка карандашом> товаропроизводителя он кажется зависящим от воли потребителя, от его спроса. Продвижение товара из хозяйства производителя в хозяйства потребителей является для первого процессом, не зависящим от его воли, predetermined извне. В этом процессе он вынужден играть пассивную роль. А так как продвижение товара из одного хозяйства в другое невозможно иначе, как путем установления между ними производственного отношения обмена, то в данном производственном отношении наш товаропроизводитель выступает пассивной стороной, почти безвольным и безмолвным хранителем материальной вещи. <Отчеркивание и запись карандашом на полях: «а цена?»>

Менов [ая] стоим [ость]. <Запись на полях.> Этим, однако, роль товаропроизводителя на рынке не ограничивается. Он, как мы знаем, не только хранитель материальной вещи, но именно в силу наличия у него последней является полноправным субъектом общественных производственных отношений. За свой товар он должен получить другие товары равной стоимости. Он не только производитель, дожидаясь спроса со стороны потребителей, но одновременно и потребитель, предъявляющий спрос на необходимые ему товары. Круг и количество последних определяются потребностями его хозяйства, а также характером его личного потребления, в свою очередь, зависящего от величины его доходов, т. е. в конечном счете опять-таки от положения, занимаемого им в системе общественного производства и распределения. Но наш товаропроизводитель, как автономный руководитель своего частного хозяйства, сам в точности решает, какие именно продукты нужны ему в обмен на его собственные. <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.> Бросая на рынок свой товар, он на сумму его стоимости может потребовать любых других товаров, находящихся на рынке, т. е. производимых в данном обществе. Именно этот всесторонний характер обмена и

характеризует товарное хозяйство с его всесторонним приравниванием всех видов труда и постоянными переливами труда из одной отрасли производства в другую. Товаропроизводитель может обменять свой товар на любой другой товар; это значит, что он может вступить в производственное отношение с любым другим товаропроизводителем. Только при этом условии и можно сказать, что продукт его труда стал товаром, имеет меновую стоимость. До тех пор, пока продукт данного вида труда обменивается только между определенными лицами или на определенные другие продукты, товар и меновая стоимость находятся еще в зародышевых формах.

Итак, «меновая стоимость», как объективное общественное свойство продукта труда или его социальная функция, заключается в возможности обмена данного продукта в определенной пропорции на любой другой продукт, в приравнивании его всем другим продуктам труда. «Как стоимость продукт должен быть воплощением общественного труда и как таковое может быть непосредственно превращаем из одной потребительной стоимости в любую другую» (Theorien, III, S. 160). [790] Характерною чертою меновой стоимости Маркс считает именно эту ее способность «непосредственной превращаемости»: данный товар приравнивается всем другим и может быть обменян на любой из них, <начало отчеркивания на полях карандашом> он обладает, если можно так выразиться, способностью продвижения в любом направлении рынка. «Товар как меновая стоимость проявляется в том, что он в качестве эквивалента замещает по усмотрению определенное количество всякого другого товара, безразлично, представляет ли он для владельца этого другого товара потребительную стоимость или нет» (Kritik, S. 22, рус. перев., с. 47). [791] <Конец отчеркивания на полях карандашом.> Разумеется, на самом деле не сам товар, а товаропроизводитель обладает этою способностью продвижения в любом направлении рынка: наличие товара, обладающего меновою стоимостью, дает ему возможность вступать в производственное отношение обмена с любым другим товаропроизводителем, независимо от того, нуждается ли последний в его <правка карандашом; первоначально: «этом»> данный пассаж отчеркнут на полях карандашом> товаре или нет. Конечно, формально этот акт обмена не может совершиться против согласия и воли последнего товаропроизводителя, но фактически такое согласие в развитом товарном хозяйстве почти всегда имеется и обеспечено: производители, как мы видели, согласны отдать продукты своего труда любому лицу, дающему в обмен равную стоимость. «Меновая стоимость» продукта труда заключается в том, что обладание последним дает товаропроизводителю возможность *вступить в производственное отношение обмена с любым другим товаропроизводителем*. Продукт труда при обретае особую социальную функцию посредника или «носителя производственных отношений» между людьми, он становится «активным носителем меновой стоимости» (Kritik, S. 20, рус. перев., с. 46). [792] Товаропроизводитель же становится активным установителем производственных отношений с другими членами общества.

Двойственное положение товаровладельца. <Запись на полях.> Как видим, господствующие в товарном обществе своеобразные производственные отношения, связывающие людей через посредство вещей, делают положение товаропроизводителя в рыночном процессе обмена двойственным: поскольку продукт труда есть потребительная стоимость, продвижение которой является извне predetermined для данного товаропроизводителя, последний играет роль пассивного участника производственного отношения; поскольку же продукт его труда представляет собой меновую стоимость, товаропроизводитель играет роль активного установителя производственного отношения. *Этот двойственный, пассивно-активный характер производственных отношений между товаровладельцами Маркс и формулировал в своем известном* <правка карандашом; первоначально: «знаменитом»> *учении о двойственной природе товара как потребительной*

меново́й стоимо́сти. «Одно и то же отношение должно быть отношением товаров как по существу равных и лишь количественно различных величин, т. е. приравниванием их как овеществления всеобщего рабочего времени, и одновременно должно быть отношением их как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей для особенных потребностей, т. е. отношением, различающим их как действительные потребительные стоимости. Но такое равенство и неравенство друг друга взаимно исключают» (Kritik, S. 22–23, рус. перев., с. 47–48). [793] Это «равенство» товаров как меновых стоимостей означает возможность для производителя приравнять продукт своего труда любому другому продукту, т. е. выступать активным участником производственного отношения обмена. «Неравенство» товаров как потребительных стоимостей означает необходимость поставить данный продукт труда в связь с чьей-нибудь платежеспособной потребностью, необходимость для данного товаропроизводителя ждать, пока другие товаропроизводители приравняют продукты своего труда данному продукту, т. е. необходимость выступать пассивным участником производственного отношения обмена. Под «метафизической» оболочкой учения о двойственной природе товара мы находим социологический анализ производственных отношений между товаропроизводителями. Мы констатировали, что каждый товаропроизводитель должен выступать по отношению к остальным в двойственной роли активного установителя и пассивного восприемника производственного отношения обмена. Одновременное выполнение участником обмена обеих этих ролей, пассивной и активной, возможно только в случае натурального обмена, который определяется одновременно спросом данного участника обмена на продукт труда другого и спросом, предъявляемым последним на продукт труда первого. Но такое одновременное соединение в одном лице пассивной и активной роли на деле уничтожает его активность, т. е. лишает его возможности обменять продукт своего труда на любой другой по его усмотрению. Здесь нет всестороннего обмена и приравнивания продуктов труда и, следовательно, нет еще развитой меновой стоимости. Обмен носит еще случайный и ограниченный характер и определяется индивидуальными потребностями данных лиц. Всесторонний обмен предполагает возможность обмена каждого продукта труда на любой другой продукт; следовательно, активная роль данного товаропроизводителя как установителя производственного отношения обмена не должна парализоваться одновременной ролью его как пассивного восприемника. А это значит, что каждый товаропроизводитель должен выступать в обеих этих ролях последовательно во времени, являясь попеременно то в одной, то в другой.

Итак, в каждом процессе обмена данный товаропроизводитель в данный момент играет либо активную, либо пассивную роль. Легко понять, что второй участник обмена должен всегда играть роль, противоположную роли первого. Если данный товаропроизводитель *A* активно устанавливает производственное отношение по своему усмотрению с любым из остальных товаропроизводителей, это значит, что последний в данный момент лишен возможности выбрать по своему усмотрению контрагента сделки обмена. Полярное разделение активной и пассивной роли между обоими участниками обмена находит выражение в полярном разделении между продуктами их труда одновременной роли меновой и потребительной стоимости. <На полях знак вопроса.> Если продукт труда *A* может быть в данный момент обменен на любой из остальных товаров, то, очевидно, последний в данный момент лишен такой способности. Если товар *A* может свободно продвигаться в любом направлении рынка и, следовательно, играет роль меновой стоимости, способной к всестороннему приравниванию, то другие товары тем самым одновременно ограничены в своем продвижении, играя пассивную роль потребительной стоимости. Невозможность для обоих участников данного акта обмена выступать одновременно в активной роли подчеркивается Марксом в «Капитале»: «Каждый товаровладелец хочет отчуждать [794] свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых

удовлетворяет его потребности. С этой стороны обмен представляет для него чисто индивидуальный процесс. Но, кроме того, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в любом из других товаров той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. С этой точки зрения обмен представляет для него всеобщий и общественный процесс. *Но один и тот же процесс не может быть для всех товаровладельцев в одно и то же время только индивидуальным и только всеобщим и общественным*. Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар – роль всеобщего эквивалента всех других товаров. *Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар фактически не является всеобщим эквивалентом*, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как стоимости определенной величины» (К[апитал] I, с. 53–54. Курсив наш. [– И. Р.]). [795] Одновременное выступление всех товаровладельцев в активной роли установителей производственных отношений обмена приводит к взаимному парализованию их активности. Одновременное выступление обоих обмениваемых продуктов труда в роли меновой стоимости, могущей быть обмененной на любой другой продукт труда (т. е. в роли всеобщего эквивалента всех других товаров), приводит к тому, что ни один из них не может играть эту роль. Если один из обмениваемых товаров обладает способностью непосредственной обмениваемости на любой другой товар, то второй товар, участвующий в данном акте обмена, эту способность не обладает: он может быть обменен на любой другой товар не непосредственно, а через посредство своего обмена на первый товар. «Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она – противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому так же можно вообразить себе, что на все товары одновременно наложен штемпель непосредственной обмениваемости, как можно вообразить, что всех католиков возможно сделать папами» (К[апитал] I, с. 36). [796] <Цитата отчеркнута на полях карандашом.>

Мы приходим к следующим выводам. С одной стороны, каждый товаропроизводитель должен играть в процессе обмена попеременно активную роль установителя производственных отношений и пассивную роль восприемника производственных отношений, устанавливаемых другими. С другой стороны, оба участника обмена не могут одновременно выступать в активной роли: активная роль одного тем самым означает одновременную пассивную роль другого. [797] Производственная связь между двумя товаропроизводителями в акте обмена не только создает известную координацию между ними, но и содержит некоторый элемент субординации, т. е. неодинакового распределения активной и пассивной роли. Но, как мы знаем, в товарном обществе нет органа, устанавливающего заранее сознательно определенные отношения между независимыми производителями. В обмене товаровладельцы противостоят друг другу как вполне равноправные субъекты хозяйства, общественная позиция которых в акте обмена зависит исключительно от характера вещей, находящихся в их обладании: производственные отношения между ними носят «вещный» характер. Следовательно, и активная роль данного товаровладельца в акте обмена обуславливается непосредственно не его социальной функцией в производственном процессе, а фактом обладания определенной вещью, т. е. социальной функцией вещи. <Последнее и часть следующего за ним предложения (до двоеточия) отчеркнуты на полях карандашом с пометкой: « мало ».> Раз в каждом акте обмена один из товаровладельцев должен играть активную роль инициатора и установителя данного

производственного отношения, и раз такую роль он может выполнять исключительно как владелец определенных вещей или товаров, то отсюда с неизбежностью вытекает следующий вывод: обладание определенным товаром дает возможность его владельцу вступать в производственное отношение обмена с любым другим товаровладельцем, иначе говоря, дает возможность обменивать данный товар на любой другой по своему выбору. Товар, *выполняющий социальную функцию активного установителя производственных отношений обмена между товаровладельцами, т. е. обладающий способностью непосредственной всеобщей обмениваемости на любой другой товар, и есть деньги*.

В «Капитале» Маркс определяет деньги как «всеобщий эквивалент» или товар, находящийся во «всеобщей эквивалентной форме» (К[апитал] I, с. 36 и др.). [798] Характерной особенностью эквивалента вообще Маркс повсюду считает его способность «непосредственной обмениваемости» (К[апитал] I, с. 23, 26, 29, 34, 35–36, 37). [799] Всеобщий же эквивалент – это товар, находящийся в «форме непосредственной всеобщей обмениваемости» (К[апитал] I, с. 37), [800] т. е. могущий быть непосредственно обмененным на любой другой товар. В этой способности играть роль активного установителя производственного отношения обмена, быть «активным носителем меновой стоимости», «носителем экономического отношения» (Kritik, S. 20, 21, рус. перев., с. 46) [801] и заключается основной характер денег, их социальная функция или социальная форма. По существу такое же, хотя иначе выраженное, определение денег Маркс дает в «Критике политической экономии»: «Особый товар, представляющий адекватное существование меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров как особый выделенный товар – и есть *деньги*. Это – кристаллизация меновой стоимости товаров, кристаллизация, которую сами товары создают в процессе обмена» (Kritik, S. 28, рус. перев., с. 51). [802] (Как было подробно изложено выше, Маркс постоянно подчеркивает, особенно в «Критике», что характерной особенностью товара как меновой стоимости является способности быть обмененным на любой другой товар, заместить его в определенной пропорции.) Деньги как «кристаллизация меновой стоимости», и означают фиксацию за определенным конкретным товаром (золотом) этой способности всестороннего приравнивания или непосредственной всеобщей обмениваемости. Определение денег, данное Марксом в «Критике», вполне сходится с его же определением в «Капитале».

Деньги как средство принуждения. <Запись на полях.> Резюмируя изложенное, можно сказать, что развитие и повсеместное распространение денег являются необходимым результатом самой структуры товарного общества, сочетающей общественное единство материального процесса производства с формальной независимостью частных хозяйств. Продвижение продуктов труда в процессе производства и потребления предоставлено усмотрению отдельных частных товаропроизводителей, но вместе с тем каждый из последних связан волею своего контрагента. Акт непосредственного обмена продуктов труда двух товаропроизводителей может быть установлен лишь на началах «свободного» договора или совпадения воли обоих контрагентов. Акт обмена, обусловленный наличием у каждого из его участников потребности в продвижении к нему продукта труда другого участника обмена, неизбежно носит индивидуальный и случайный характер. Общественный, отличающийся закономерным постоянством процесс обмена возможен только при том условии, если продвижение продуктов может происходить по инициативе **любого** <правка карандашом; первоначально: «одного»> из товаропроизводителей. А это имеет место в том случае, когда в процессе обмена выделился историческим путем товар, обладание которым дает владельцу его возможность выступать инициатором или активным установителем производственного отношения обмена, т. е. деньги. <Начало отчеркивания на полях карандашом и запись: « мало ».> В систему частных хозяйств, формально равноправных и допускающих только взаимную

координацию действий на началах соглашения, деньги вносят первичную дифференциацию активных и пассивных ролей, попеременно выполняемых каждым товаропроизводителем, вносят зародышевые формы подчинения (принуждения) и субординации. Деньги являются «общественною силою», они «измеряют общественное богатство своего владельца» (К[апитал] I, с. 101), [803] его общественную власть. «Свободный» договор обмена, формально предполагающий абсолютное равноправие обоих его участников, фактически заключается по инициативе одного из них, владельца денег. Этим преодолевается связанность и ограниченность процесса обмена, основанного на совпадении воли обоих контрагентов. Хотя основой товарного общества служит «юридическое отношение, формой которого является договор», но «содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением» (К[апитал] I, с. 52). [804] <Конец отчеркивания на полях карандашом.> Экономическое отношение обмена, завершающееся развитием денег, вносит закономерность и постоянство в систему юридических отношений, основанных на совпадении индивидуальных воли отдельных лиц.

Учение Рыкачева. <Запись на полях.> В книге А.[М.] Рыкачева «Деньги и денежная власть» мы встречаем вполне ясное понимание того, что современный обмен, как «нормальный процесс, на который каждый из участников этого процесса вперед рассчитывает и притом рассчитывает безотносительно к расчетам и желаниям всех других», [805] не может иметь своею основой такой свободный договор, который предполагает «необходимость дожидаться или добиваться совпадения двух или более воли». [806] «Договор есть очень элементарная форма обмена услуг, настолько элементарная, что сама по себе она не в силах удовлетворить запросам сколько-нибудь развитого человеческого общества и по необходимости дополняется другими формами – непосредственным принуждением или денежной оценкою». [807] «Деньги суть средство обеспечения свободы выбора хозяйственных благ», [808] освобождающее участника обмена от зависимости от воли других товаровладельцев. Но А. Рыкачев забывает самое существенное и важное: что возможность для одного участника менового акта свободы выбора хозяйственных благ означает одновременное отсутствие такой же свободы, т. е. принуждение, для другого участника того же самого акта. Активная роль **одного участника** <вставка карандашом> в обмене предполагает на другой стороне пассивную роль. Если современный обмен представляет собою «нормальный процесс, на который каждый из участников этого процесса вперед рассчитывает и притом рассчитывает безотносительно к расчетам и желаниям всех других», то это возможно только при одном условии: если «расчеты и желания всех других» товаропроизводителей закономерно определяются объективными общественными процессами производства и обмена. Видимая свобода «мотивации» отдельного товаропроизводителя необходимо предполагает объективную «лимитацию» (ограничение, связанность) действий всех товаропроизводителей в совокупности: первая без последней сделала бы невозможным общественный процесс производства, превратив общество в хаос несогласованных и перекрещивающихся действий отдельных людей. Основная социальная функция денег в товарном хозяйстве заключается не столько в роли их как орудия свободной мотивации, сколько в их роли как орудия «лимитации», или давления на мотивы товаропроизводителей. Талоны, которые будут выдаваться в социалистическом обществе отдельным членам его на право приобретения из общественных складов любых продуктов в определенном количестве, будут не хуже теперешних денег выполнять роль «средства обеспечения свободы выбора хозяйственных благ». Но они не будут непосредственно определять мотивы и действия производителей, и потому не будут «деньгами» в современном смысле слова. Упустив из виду роль денег как орудия подчинения, А. Рыкачев приходит к выводу, что «купля-продажа перестает быть двустороннею сделкою и превращается в ряд односторонних актов покупателей и продавцов,

самостоятельно преследующих свои интересы». [809] Товарное общество в изображении А. Рыкачева превращается в фантастическое царство всеобщей неограниченной свободы: каждый делает односторонне, что ему угодно, и все же обмен сохраняет характер «нормального процесса». На самом же деле, и при денежном обмене система производственных отношений людей основана не на односторонних актах, а на двусторонних сделках, отличающихся, однако, тем, что активная и пассивная роли дифференцированы в лице разных участников сделки.

Не приходится, конечно, удивляться, что А. Рыкачев, хотя и считает свое определение денег как средства свободного выбора хозяйственных благ, в сущности, совпадающим с Марксовым определением денег как всеобщего эквивалента, [810] на самом деле совершенно не понял самой ценной стороны учения Маркса о социально-связующей, лимитирующей роли денег. Для него учение Маркса остается «философским умозрением», оперирующим «результатом логического развития внутренних противоречий, будто бы заключающихся в понятии товара». [811]

Данное нами выше определение денег отличается от определения, данного [Р.] Гильфердингом: «Вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие на то, чтобы выражать стоимость всех остальных товаров, это – деньги». [812] По нашему же определению, деньги – это вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие активно устанавливать производственное отношение обмена, т. е. получила способность непосредственной обмениваемости. Результатом этого основного характера денег является выполняемая ими функция мерила стоимости, которую Гильфердинг берет за основу своего определения. Мы не приняли определения Гильфердинга по следующим двум соображениям. Во-первых, мы ставили себе целью выяснить смысл определения, данного самим Марксом. Для Маркса же всеобщим эквивалентом является товар, обладающий способностью непосредственной всеобщей обмениваемости, в то время как Гильфердинг определяет эквивалент, как «товар, в котором все другие товары выражают свою стоимость». [813] И здесь, как видим, Гильфердинг исходит из функции мерила стоимости. Для Маркса же мерило стоимости представляет собою только «одну из функций денег, или деньги в особенной определенности формы». [814] Во-вторых, мы считаем желательным дать определение денег, характеризующее те производственные отношения людей, выражением которых и является данная вещная категория, т. е. денежная форма товара. В нашем определении подчеркивается, что речь идет об активном установлении обмена, т. е. о производственном отношении обмена между двумя товаропроизводителями, с дифференцированием активной и пассивной ролей, распределенных полярным образом между ними. Это есть определенный тип отношений между людьми, – тип, придающий особое вещное свойство «денег» товару, находящемуся в руках активного участника обмена. Разумеется, и формула Гильфердинга говорит скрытым образом о том же типе производственных отношений между людьми, но прямой характеристики их она не содержит.

[IV.] Возникновение денег

Мы видели, что развитое товарное хозяйство с всесторонним обменом товаров необходимо предполагает выделение из среды всех товаров одного, обладающего свойством непосредственной обмениваемости, т. е. выполняющего функцию денег. Но этим мы еще не ответили на вопрос о том, как произошло фактически такое выделение денег, каков исторический процесс возникновения и развития денег.

Разумеется, Маркс, основная задача которого заключалась в объяснении явлений капиталистического хозяйства, не мог заниматься специальными историческими изысканиями относительно происхождения денег, изысканиями, относящимися к доисторическим и самым ранним историческим эпохам. Но, с другой стороны, рассматривая все стороны современного

экономического строя как исторически-преходящие и под углом зрения их исторического развития, Маркс не мог не уделить внимания и вопросу об историческом происхождении денег. Замечания его на этот счет, при всей своей скудости, представляются очень интересными и ценными. Помимо этих замечаний чисто исторического характера, мы встречаем у Маркса, особенно в учении о деньгах, своеобразное сплетение исторической и теоретической точек зрения. Нередко Маркс, «кокетничая», как он выражается, гегельянством, изображает прежние фазы исторического развития, как отдельные «моменты» или стороны позднейшей более развитой формы того же явления, или, наоборот, ступени логического анализа сложного явления изображает в виде последовательных ступеней или фаз исторического развития. Такое сплетение теоретического и исторического изучения особенно заметно в учении Маркса о «формах стоимости», делая понимание его в высшей степени трудным.

В первой половине XIX столетия на вопрос о происхождении денег, как и других форм общественной жизни, давался большей частью рационалистический ответ. Ученые констатировали полезность или целесообразность данного социального института, напр[имер] денег, и считали этим задачу свою законченной: предполагалось, что полезность данного института служила прямым побудительным мотивом для сознательного введения его людьми. Анализируя трудности натурального обмена и облегчение его, вызываемое употреблением денег, ученые полагали, что люди путем особого соглашения или общественного договора условились считать какой-либо товар деньгами для облегчения обмена. Другие ученые видели источник происхождения денег в изобретениях отдельных лиц (теория археолога [А.] Бека) [815] или в сознательной деятельности государственной власти.

Заслуга Маркса заключается в том, что в то время, когда еще не были известны новейшие археологические, этнографические и исторические данные, рисующие социально-стихийное развитие денег, он твердо отстаивал такую точку зрения, исходя из своей общей исторической и экономической концепции. Деньги явились в результате постепенного расширения и усложнения обмена, путем повторяющихся массовых бессознательных [816] действий участников обмена, без решающего сознательного воздействия государственной власти. Иначе говоря, происхождение денег носит социально-экономический, а не государственный, стихийный, а не сознательный характер.

«Деньги не являются продуктом размышления или договора, но образовались инстинктообразно в процессе обмена» (Kritik, S. 29 и рус. перев., [с.] 51). [817] «Природный инстинкт товаровладельцев» побуждал их делать дело, прежде чем рассуждать (K[апитал] I, с. 54). [818] Эти действия участников обмена определялись характером и потребностями процесса обмена.

Первоначальный обмен возникает не между членами общины, живущей в условиях натурального, а подчас и коммунистического хозяйства, но между разными общинами или их членами (K[апитал] I, с. 55). [819] Отсюда постепенно обмен проникает и внутрь общины, содействуя ее разложению (Kritik, S. 30, рус. перев., [с.] 52). [820] Продукты труда, становясь товарами в междуобщинном обмене, приобретают меновую стоимость и внутри общины (K[апитал] I, с. 55). [821] Первоначально обмен охватывает небольшое число продуктов, носит исключительный и случайный характер. Он происходит в форме натурального обмена, при котором оба обмениваемых продукта являются потребительными стоимостями для участников обмена. С другой стороны, продукт еще не производится специально для обмена, и только излишек его, остающийся за покрытием собственных потребностей, поступает в обмен. Таким образом, и в объективном процессе производства и в сознании участников обмена меновая стоимость еще не отделилась от потребительной (Kritik, 30 и рус. перев., [с.] 52). [822] Каждый из двух обмениваемых продуктов определяет движение другого продукта и вместе с тем в своем

движении определяется последним, т. е. выполняет одновременно пассивную роль потребительной стоимости и активную роль меновой стоимости или эквивалента. <Против последнего предложения на полях знак вопроса: «?»> Случайный характер обмена делает случайными и колеблющимися количественные пропорции обмениваемых вещей. В общем эта стадия натурального обмена «представляет собою скорее превращение потребительных стоимостей в товары, чем превращение товаров в деньги» (Kritik, S. 30, рус. перев., [с.] 52). [823] Продукт труда получает зародышевую форму меновой стоимости, соответствующую приблизительно (не полностью) тому, что Маркс в своей схеме развития форм стоимости назвал «простой или случайной формой стоимости».

Появившись на почве примитивно-зачаточного разделения труда между отдельными общинами, вызываемого часто различием окружающих их естественных условий, обмен, в свою очередь, дает сильнейший толчок разделению труда. Рост разделения труда опять-таки приводит к расширению и углублению обмена, как в смысле количественного увеличения пропорции продуктов данного рода, поступающих в обмен, так и вовлечением в обмен новых видов продуктов, до тех пор потреблявшихся в собственном хозяйстве. В этом процессе постепенного вовлечения в обмен все новых видов продуктов обычно выделяются и получают особое значение те продукты труда, которые уже в широких размерах являются предметами обмена. Каждое лицо, приносящее продукт свой на рынок, старается обменять его на один из указанных наиболее распространенных предметов обмена, либо потому что в виду своей большей распространенности эти продукты наиболее часто ему требуются, либо потому, что они дают ему возможность получить потом в обмен на них тот конкретный продукт, в котором он нуждается. Один или несколько продуктов наиболее часто обмениваются на все прочие и наиболее часто сравниваются с ними. Обычно такую роль играет не один, а несколько товаров, между которыми в свою очередь устанавливается известная пропорция обмена. Создается система расценки одного товара в нескольких других. У племени бонду в западном Судане раб приравнялся 1 ружью и 2 бутылкам пороха, или

= 5 быкам, или

= 100 кускам ткани.

У дарфуров в Центральной Африке раб приравнялся 30 кускам хлопчатобумажной ткани определенной длины, или 6 быкам, или 10 испанским долларам определенной чеканки. [824] М. [И.] Туган-Барановский правильно отмечает, что такая система расценок, очень распространенная на низших стадиях обмена, соответствует «развернутой форме стоимости» Маркса. [825]

На этой стадии развитие обмена не останавливается. Процесс дифференциации идет дальше, в сторону выделения из целой группы товаров одного наиболее часто фигурирующего в обмене. «Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости» (К[апитал] I, с. 56). [826] Вместо расценки одного товара в нескольких появляется расценка нескольких товаров в одном и том же товаре, являющемся их эквивалентом. Вначале «эта всеобщая эквивалентная форма появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срастается лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в денежную форму» (там же). [827] Понадобился долгий процесс исторического развития, прежде чем эта денежная функция была фиксирована за благородными металлами. У разных племен и народов роль денег

выполнялась различными товарами, и у каждого народа денежный материал менялся с течением времени. Если перечислить все товары, служившие в свое время в различных местностях в качестве денег, то получится длиннейший и пестрый список самых различных предметов. Выбор того или иного предмета определялся целым рядом объективных условий: родом хозяйства данного племени, степенью его богатства, сношениями с другими племенами и т. п. В «Критике» Маркс говорит, что роль денег выполняла обычно «наиболее всеобщая потребительная стоимость», образующая «наиболее значительную составную часть материального богатства» данного племени (Kritik, S. 29 и рус. перев., [с.] 52). [828] В «Капитале» Маркс детализирует это замечание. Роль денег выполняли: либо наиболее важные предметы, которые получались извне, путем внешнего обмена, и потому представляли собой как бы естественную форму проявления меновой стоимости туземных продуктов; либо же предмет потребления, составлявший главный элемент туземного отчуждаемого имущества, напр[имер] скот, рабы и т. п. (K[апитал] I, с. 56–57). [829] В общем эти замечания Маркса находят полное подтверждение в новейших данных этнографии и археологии. [К.] Гельферих резюмирует эти данные в следующих словах: «У охотничьих народов средством обмена служит прежде всего оружие, у пастушеских – скот, у племен, ведущих торговлю с чужими купцами, товары, получаемые от последних или отдаваемые им в обмен». [830] Наряду с этими группами предметов, служивших наиболее часто первоначальными деньгами, Гельферих помещает также группу предметов украшения, куда входят и благородные металлы. Не следует, однако, упускать из виду, что предметы украшения очень часто подходят под первую из указанных Марксом групп (т. е. предметов ввоза) и, кроме того, металлы вообще, а частью также благородные, у первобытных народов являлись одним из важнейших средств производства (Kritik, S. 158 и рус. перев., [с.] 126). [831]

Первоначально металлы выполняли роль денег наряду с другими товарами. Иногда у одного и того же племени товары расценивались одновременно в металле и скоте и т. п. Но постепенно металлы вытесняли другие товары, выполнявшие функцию денег. Причину этого следует искать в общеизвестных естественных свойствах металлов, благодаря которым они наилучшим образом могут выражать количественные различия: это – их однородность и делимость. Сюда присоединяются их высокая прочность, а для благородных металлов их высокая удельная стоимость, благодаря которой они постепенно вытеснили более простые металлы, оставив последним сферу разменных денег (Kritik, S. 156–158 и рус. перев., [с.] 124–126). [832] «Деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото и серебро по природе – не деньги» (там же и K[апитал] I, с. 57). [833] Превращение благородных металлов в деньги предполагает определенную социальную структуру общества, основанную на товарном хозяйстве и развитом обмене; но наличие последних неизбежно вызывает появление денег и фиксацию за каким-нибудь товаром общественной функции денег, которая в конце концов наилучшего для себя носителя находит в благородных металлах. Вообразим, что на земле совсем не было бы предметов, отличающихся однородностью и делимостью в столь идеальной степени, как благородные металлы. В таком случае развитие обмена фиксировало бы функцию денег за каким-нибудь другим продуктом труда, хотя, несомненно, обмен встречал бы тогда ряд технических неудобств, устраняемых применением благородных металлов в роли денег. [834] Появление денег является следствием исключительно социальной структуры хозяйства, фиксация же этой функции именно за благородными металлами объясняется в первую очередь естественными свойствами последних.

Первоначально металлы употреблялись в виде кусков, брусков, колец и т. п. При платежах металл взвешивался, отчего во многих языках глаголы «платить» и «взвешивать» происходят от общего корня. С течением времени, для удобства платежей, металлы начинают изготавливаться в

виде брусков, кусков и т. п. известной пробы и определенного веса. В Вавилонии, где благородные металлы ранее всего заняли место денег, вырабатывается особая весовая система: определенный вес, названный талантом, делится на 60 мин, а каждая мина – на 60 шекелей. Система эта, основанная на «таланте», получила очень широкое распространение и перешла в видоизмененной форме в Египет, переднюю Азию и Грецию. Передняя Азия, центр оживленнейших торговых сношений на перепутье между Грецией, Египтом и Ассирийско-Вавилонией, естественно, стала и центром дальнейшего развития благородных металлов в роли денег. Богатые финикийские купцы снабжали слитки металлов своим штемпелем, удостоверявшим их пробу и вес. Отсюда был уже один шаг до чеканки монеты, которая представляет собою не что иное, как куски металла определенной пробы и веса, снабженные штемпелем местной государственной власти. Первые монеты появились также в передней Азии, в VIII–VII веках до Р[ождества] Х[ристовой], по мнению одних ученых, в Лидии, по мнению других, – в греческих колониях Малой Азии. Они быстро распространились в других странах.

Появление монеты имело колоссальное значение в истории денежного обращения. Отныне металл в его функции денег или носителя меновой стоимости внешним, видимым образом обособился от того же металла как потребительной стоимости. В пределах данного государства только государственная монета является узаконенным и обязательным к приему средством обмена и платежей. Участник обмена, принимая монету, не интересуется фактическим весом и пробой содержащегося в ней металла. С другой стороны, металл в слитках внутри страны в качестве денег не функционирует. Тем не менее значимость монеты как узаконенного средства обмена и платежей находится и в настоящее время в тесной, хотя и не всегда прямой, связи со стоимостью благородного металла. Многократные попытки государственной власти использовать свою монетную регалию (монопольное право чеканки монеты) или право выпуска бумажных денег для того, чтобы окончательно оторвать денежную систему страны от металлической основы, обычно кончались неудачей и вызывали сильнейшую реакцию со стороны товарного обращения. Наглядным подтверждением этого служит факт возвращения в настоящее время России, Германии и других государств к денежной системе, хотя и не основанной на непосредственном золотом обращении, но все же «прислоненной» к золоту. Поскольку предметом нашего изучения является не степень и формы воздействия государственной власти на денежное обращение, а внутренние законы последнего, определяемые развитием товарного обмена, мы не можем усмотреть никакой пропасти между домонетным и монетным обращением, между «пензаторными» и «хартальными» платежными средствами, по выражению [Г.Ф.] Кнаппа. [835]

Тем менее можно утверждать наличие такой пропасти с точки зрения эволюционно-исторической. Чеканка монеты была одним из этапов эволюции, начавшейся гораздо ранее появления монет, и нельзя, как то делает Кнапп, первыми деньгами считать только первые монеты. В чеканке первых монет государственная власть констатировала и узаконивала положение денежного обращения, сложившееся до ее вмешательства, на основе массовых бессознательных действий товаровладельцев, вызываемых потребностями товарного обмена. Государственная власть брала для чеканки монет тот самый металл, который и раньше фигурировал в качестве денег. Она не могла изменить стоимость этого металла, т. е. пропорции обмена его на разные товары. Даже вес монет большею частью не устанавливался произвольным актом государственной власти, а соотносился с весом металлических слитков, фигурировавших в обращении до появления монеты. Новейшие данные пролили яркий свет на тесную преемственность, связывавшую различные стадии денежного обращения. Так, например, известный ученый [У.] Риджвей полагает, что золотой талант представлял собою первоначально кусок золота, равный как раз цене быка. Когда металл вытеснил скот в роли денег, денежная

единица металлического обращения была определена на основе преемственной связи с прежнею денежною единицею, каковою служил бык. [836] Этим Риджвей думает объяснить поразительное совпадение веса древних золотых монет и золотых предметов, служивших в качестве денег у самых различных народов. Риджвей делает гипотезу, что на всем протяжении Европы и передней Азии цена скота была приблизительно одинаковая, чем и объясняется приблизительно одинаковый вес указанных золотых предметов и монет (вес около 130–135 гран), выразивших первоначально цену быка. [837] Поэтому же на древних монетах так часто встречается изображение быка и вообще скота, и самое название денег во многих языках происходит от названия скота.

Первоначальные названия монет также указывали на связь их с определенным весовым количеством металла. Монета получала название соответствующей весовой части металла – талант, фунт и т. д. «Готовые названия весового масштаба всегда образуют первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен» (К[апитал] I, с. 65). [838] Только в процессе длительного исторического развития денежный масштаб отделяется от весового масштаба и самостоятельно устанавливается государственною властью. Последняя может произвольно установить вес и название каждой монеты, но она ограничена как в выборе металла, так и в стоимости его, которая отражается прямым или косвенным образом на покупательной силе монеты.

[V.] Деньги и абстрактно-общественный труд

В предыдущих главах мы рассмотрели процесс возникновения денег и необходимость последних в товарном обществе, в котором люди связываются производственными отношениями через всестороннее приравнивание продуктов их труда как стоимостей. Теперь посмотрим, каким образом приравнивание товаров, происходящее через посредство денег, приводит к приравниванию труда и делает деньги выражением общественного и абстрактного труда.

Первая особенн [ость]? <Запись на полях.> Процесс развития денег приводит к фиксации функции денег за одним каким-нибудь конкретным товаром, в конечном счете за золотом. Золото является тем товаром, который может быть непосредственно обменен на любой другой товар, и потому каждый товаровладелец должен прежде всего обменять продукт своего труда на золото как всеобщий эквивалент, должен его продать. Золото как меновая стоимость, способная заместить любой товар в определенной пропорции, противостоит всем другим товарам, как лишенным способности непосредственной обмениваемости. «Один товар, холст, [839] находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственной общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары лишены этой формы» (К[апитал] I, с. 35–36). [840] Происходит внешнее, видимое обособление потребительной стоимости от меновой: первая представлена всеми конкретными товарами, последняя – золотом как деньгами. Обмен товара на деньги превращает потребительную стоимость в меновую. Но ведь роль денег выполняет конкретный продукт труда или определенная потребительная стоимость, золото. Казалось бы, обмен товара *A* на столько-то унций золота еще не дает нам точного определения стоимости *A*, ибо нам неизвестна стоимость данного количества золота. А эта стоимость может быть определена в товарном хозяйстве опять-таки не непосредственно в трудовых единицах, а косвенно, в количестве другого товара, даваемого в обмен на золото. <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.> Но после приравнивания золота какому-нибудь товару *B* встает вопрос о стоимости последнего и т. д. В действительности, однако, товаропроизводители, приравнивая свои товары золоту и определяя таким образом их стоимость, не задаются дальнейшим вопросом о стоимости золота. Разумеется, их живо интересует вопрос о покупательной способности получаемого ими золота, но это есть вопрос о том, сколько конкретных потребительных стоимостей можно получить на

абстрактную денежную единицу (т. е. единицу меновой стоимости), а не вопрос о том, какова меновая стоимость данных потребительных стоимостей или конкретных товаров. <Конец последнего предложения отчеркнут на полях карандашом.> Последний вопрос решается приравнением товаров золоту, которое таким образом в своей конкретной форме известного предмета принимается за определенную стоимость. «В уравнении стоимости эквивалент имеет всегда только форму некоторого количества известной вещи, известной потребительной стоимости». Эта «потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости» (К[апитал] I, с. 23). [841] Такова констатируемая Марксом первая особенность эквивалентной формы. <Два последних предложения отчеркнуты на полях карандашом.>

Но каким образом может натуральная форма золота выражать меновую стоимость товара *A*? Это возможно только благодаря тому, что золото обладает свойством непосредственной всеобщей обмениваемости, что ему приравнивается не только данный товар *A*, но и все прочие товары. Тем самым товар *A*, будучи приравнен золоту, приравнивается и всем прочим товарам. *A* в этом и выражается его меновая стоимость, т. е. его способность всестороннего обмена на любой другой товар. Всеобщая форма стоимости «выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него товарном виде, напр[имер] в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров при посредстве равенства их с холстом» (К[апитал] I, с. 33). [842] Иначе говоря, всестороннее приравнивание всех товаров друг другу происходит в товарном хозяйстве посредством приравнивания каждого из них одному выделенному конкретному товару (золоту). <Начало отчеркивания на полях карандашом.> *Уравнение данного товара с золотом, в свою очередь уравненным со всеми прочими товарами, одновременно означает уравнение данного товара со всеми другими*. Через уравнение с одним конкретным товаром происходит уравнение со всеми товарами. Это реальное и повседневно происходящее на рынке явление Маркс и имел в виду в своей отвлеченной формуле о потребительной стоимости как форме проявления меновой <вставка карандашом> стоимости или – что то же самое – о конкретном товаре как посреднике всестороннего приравнивания всех товаров. <Конец отчеркивания на полях карандашом.> В явлении этом мы усматриваем не результат таинственного свойства потребительной стоимости служить формой проявления своей противоположности, а результат массовых действий товаропроизводителей, приравнивающих свои товары одному и тому же выделенному товару. «Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому» (К[апитал] I, с. 34). [843]

Вторая особен[ность]. <Запись на полях.> Итак, в товарном хозяйстве всестороннее приравнивание товаров друг другу происходит в форме приравнивания их одному и тому же выделенному товару, золоту. Но, как мы знаем, через рыночный процесс приравнивания товаров происходит общественный процесс распределения и приравнивания труда между разными отраслями производства. Речь идет не о мысленном акте отвлечения от конкретных особенностей отдельных видов труда и приравнивания их одинаковому, абстрактному, общечеловеческому труду – мысленном акте, который может происходить в уме участника обмена или теоретика-исследователя. Маркса интересует не «субъективное приравнивание индивидуальных работ», а «объективное уравнение, которое общественный процесс с принудительной силой устанавливает между неравными видами труда» (Kritik, S. 42, рус. перев., [с.] 59) [844] и которое выражается в равновесии между разными видами труда или отдельными отраслями производства. В товарном хозяйстве, никем сознательно не регулируемом, такое равновесие между отдельными сферами производства (постоянно

нарушаемое и проявляющееся лишь в виде тенденции) устанавливается только через рыночное приравнивание их продуктов, как стоимостей, в определенной пропорции. «Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, создающего стоимость, так как разнородные виды труда, заключающиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к их общей основе, к человеческому труду вообще» (К[апитал] I, с. 18. Курсив наш. [– И. Р.]) [845] 1. Посмотрим теперь, как происходит это приравнивание разнородных видов труда.

«Когда, напр[имер], сюртук, как воплощение стоимости, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором» (К[апитал] I, с. 17). [846] Если бы сюртук приравнивался всем другим товарам, произошло бы уравнение портняжного труда со всеми другими видами конкретного труда. Иначе говоря, при определенной пропорции обмена сюртука на каждый из остальных товаров устанавливалось бы равновесие между портняжным трудом и другими соответствующими сферами производства. Конкретный труд портного был бы равен любому другому конкретному виду труда, или абстрактному труду вообще. Но, как мы видели, товары всесторонне приравниваются друг другу не непосредственным образом, а лишь через приравнение каждого из них особому товару, золоту. Следовательно, и всестороннее уравнение всех конкретных видов труда происходит лишь через уравнение каждого из них с конкретным видом труда, затрачиваемого на производство золота. Конкретный труд *A*, будучи приравнен конкретному труду, производящему золото, тем самым оказывается приравненным всем конкретным видам труда и, следовательно, является частью совокупного абстрактного общественного труда, распределенного между разными отраслями производства. «Тело товара, служащего эквивалентом, всегда представляет воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактного человеческого труда» (К[апитал] I, с. 25). [847] «Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда» (К[апитал] I, с. 26). [848] В этой особенности мы опять-таки должны усматривать не какое-то таинственное свойство труда, затраченного на производство эквивалента (золота), а исключительно результат общественного процесса приравнивания ему всех конкретных видов труда. Вторая особенность эквивалентной формы означает, что *уравнение каждого конкретного вида труда со всеми другими происходит только через уравнение его с конкретным трудом, затрачиваемым на производство эквивалента*.

В теории стоимости мы говорили, что в распределении труда между отраслями производства *A* (напр[имер] портняжеством) и *B* (напр[имер] ткачеством) состояние равновесия теоретически устанавливается при условии обмена на рынке сюртука на холст в известной пропорции, определяемой затратами труда на производство этих продуктов; при отклонении же цен от этой пропорции обмена начинаются приливы и отливы труда, т. е. перераспределение труда между данными двумя сферами производства. Иначе говоря, мы предполагали, что как приравнение продуктов обеих данных отраслей, так и уравнение затраченного в них труда происходит в процессе их непосредственного взаимодействия. Теперь мы можем тот же процесс описать точнее, ближе к действительности. Оба продукта приравниваются на рынке не непосредственно друг другу, а золоту. Равновесие между обеими данными сферами производства наступит при определенном состоянии рыночных цен их продуктов, т. е. пропорций обмена их на золото. Отклонение этих цен от определенного уровня, соответствующего данному состоянию производительности труда в обеих сферах и, следовательно, трудовой стоимости их продуктов, вызывает перераспределение труда между

этими сферами. А так как сфера *A* через цены своих продуктов (т. е. пропорции обмена их на золото) уравнивается не только со сферой *B*, но и со всеми другими сферами народного хозяйства, то в данном случае перераспределение труда между сферами *A* и *B* будет определяться не сравнительною выгодностью их по отношению друг к другу, но сравнительною выгодностью их по отношению ко всем другим сферам. Пусть при данном состоянии рыночных цен производство в сфере *A* выгоднее, чем в сфере *B*, но производство в обеих этих сферах менее выгодно по сравнению со всеми другими сферами народного хозяйства, *C*, *D*, *E* и т. д. В таком случае не будет иметь места перераспределение труда из сферы *B* в сферу *A*, как того можно было бы ожидать при непосредственном взаимодействии этих двух сфер, а будет происходить отлив труда из них обеих в другие отрасли производства. Через рыночные цены каждый вид труда уравнивается со всеми другими, т. е. конкретный труд превращается в абстрактный.

Третье. <Запись на полях.> Итак, в процессе обмена эквивалент приравнивается всем другим товарам, а конкретный труд, затраченный на его производство, уравниваясь со всеми другими конкретными видами труда, тем самым приобретает характер труда абстрактного. Но раз труд, затраченный на производство эквивалента, приравнивается любому другому виду труда, то это значит, что он выступает в непосредственно общественной форме. Хотя золотопромышленность организована в форме частнокапиталистических предприятий и, следовательно, труд по добыче золота «носит частный характер, как и всякий другой вид труда, производящего товары», тем не менее он является «трудом в его непосредственной **обществ[енной]** <вставка карандашом> форме» (К[апитал] I, с. 26). [849] Владелец золота выступает как представитель «общественной власти денег», общественно признанного и общественно значимого вида труда; он может выступать активным участником любого акта обмена, и этим обнаруживает свое равенство с любым другим товаровладельцем. Наоборот, владелец конкретного товара, напр[имер] сюртука, чтобы стать общественно равным и равнозначным любому другому товаровладельцу, должен предварительно обменять свой товар на деньги, т. е. приравнять свой частный [850] труд частному труду золотопромышленника <здесь на полях стоит знак вопроса>, выступающему в форме непосредственно общественного труда. Тем самым и труд портного приобретает характер непосредственно общественного труда. «Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд принимает форму своей противоположности, форму непосредственно общественного труда» (К[апитал] I, с. 26). [851]

«*Формы*» обмена? <Запись на полях.> Теперь мы можем резюмировать учение Маркса об «особенностях эквивалентной формы». Хотя Маркс иллюстрирует свои мысли на различных формах эквивалента, начиная с зародышевого «случайного» и кончая развитым «всеобщим эквивалентом», тем не менее полностью его мысли относятся именно к всеобщему эквиваленту, или деньгам. [852] Всеобщий эквивалент, или деньги, выделился из среды товаров в ходе постепенной, медленной эволюции. Появление денег придало всему процессу обмена совершенно новый характер. Обмен представляет собою не только движение материальных вещей от одних товаропроизводителей к другим, «общественный обмен веществ», но и изменение социальной «формы» вещей и товаропроизводителей. Обращение есть «общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенный общественный характер» (К[апитал] III, с. 409). [853] <Последнее предложение записано на полях.> Именно эта социальная форма обмена, а не его материальное содержание, изучается Марксом в его теории денег. «Мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно, лишь изменение формы, или товарный метаморфоз, обслуживающий общественный обмен веществ» (К[апитал] I, с. 72). [854] Как в теории стоимости Маркс

выдвигает на первый план изучение социальной «формы стоимости», так и в теории денег его внимание направлено на «изменение форм». Как в теории стоимости Маркс ставит экономистам в вину, что они за вещественным содержанием процесса проглядели его социальную форму, так аналогичные упреки он высказывает и в теории денег: «Совершенно неудовлетворительное понимание этого изменения формы обуславливается, независимо от неясности относительно самого понятия стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно процесс, касающийся самой формы товара» (К[апитал] I, с. 72). [855]

Тройное уравнение. <Запись на полях.> В чем же заключается это «изменение формы», происходящее в процессе обмена? В процессе обмена происходит *изменение социальной формы или социальной характеристики товаропроизводителей, вещей и труда*. Мы выше подробно рассматривали необходимость изменения в процессе обмена социальной роли товаропроизводителей. Последние вступают в обмен как представители частного хозяйства или частного труда, пассивные восприимчивые производственных отношений, а выходят из процесса обмена представителями общественной власти денег или общественного труда, активными установителями производственных отношений. Так как в товарном хозяйстве изменение социальной роли товаропроизводителей зависит от наличия у них известных вещей и придает последним определенную социальную форму, то параллельно с изменением социальной роли товаропроизводителей изменяется и социальная форма вещи или продукта труда: из конкретной потребительной стоимости, способной двигаться только в направлении к потребителю, он превращается в меновую стоимость или всеобщий эквивалент, обладающий всеобщей непосредственной обмениваемостью, т. е. способный продвигаться в любом направлении рынка. Изменение социальной характеристики товаропроизводителя, тесно связанное с изменением социальной формы продукта труда, [856] приводит и к изменению социальной характеристики труда товаропроизводителя: обменом продукта его труда на всеобщий эквивалент труд его включается в систему общественного разделения труда и, уравниваясь со всеми другими видами труда, из конкретного становится абстрактным. В теории стоимости мы пришли к выводу, что стоимость представляет собою «производственное отношение между автономными товаропроизводителями, выраженное в вещной форме приравнивания товаров и в своем движении тесно связанное с равновесием и распределением труда в материальном процессе производства». [857] Иначе говоря, в товарном хозяйстве существует равенство товаропроизводителей, которое выражается в равенстве товаров и через его посредство приводит к уравнению труда. Но каким образом возможно такое уравнение товаропроизводителей, товаров и труда в товарном хозяйстве, в котором такое уравнение обществом сознательно не производится, в котором отдельные частные товаропроизводители (неравенство товаропроизводителей), прилагая свой труд по своему усмотрению в различных отраслях производства (неравенство конкретных видов труда), производят предметы, необходимые для удовлетворения различнейших потребностей (неравенство потребительных стоимостей)? На этот вопрос и дает нам ответ теория денег. В непосредственном процессе производства, действительно, отдельные частные товаропроизводители при помощи конкретных трудовых затрат создают различнейшие потребительные стоимости. Но в процессе обмена изменяется социальная характеристика товаровладельцев, товаров и труда. Выделение одного товара, например золота, в качестве всеобщего эквивалента означает, что данный товар приравнивается всем другим, его владелец социально равен всем другим товаровладельцам, а труд по добыче золота уравнивается со всеми прочими видами труда. Благодаря этому любой

товар путем обмена его на золото приравнивается всем другим товарам (превращение потребительной стоимости в меновую), а вместе с тем изменяется и социальная характеристика его владельца (превращение частного труда в общественный) и затраченного на него труда (превращение конкретного труда в абстрактный). Результатом процесса обмена является равенство товаропроизводителей, приравнение товаров и уравнивание труда. Это тройкое уравнение, происходящее в реальном процессе рыночного обмена, Маркс выразил в своем учении о трех особенностях эквивалентной формы.

Тесная связь всех трех сторон процесса обмена: равенства товаропроизводителей, приравнения товаров и уравнивания труда, в конечном счете объясняется основной особенностью товарного хозяйства, заключающейся в «овеществлении» производственных отношений людей, или «товарном фетишизме». Товаропроизводители вступают между собою в производственную связь только через обмен продуктов труда, и каждому видоизменению типа производственных отношений людей соответствует видоизменение социальной функции или социальной формы вещей, через посредство которых эти отношения устанавливаются. Отсюда тесная связь между процессами уравнивания людей, вещей и труда. Зависимость этих процессов от овеществления производственных отношений людей Маркс отмечает в главе о деньгах: «Имманентная товару противоположность *потребительной стоимости* и *стоимости*, *частного* труда, который в то же время должен представлять собой непосредственно *общественный* труд, *особенного* и *конкретного* труда, который, однако, функционирует лишь как *абстрактный* и *всеобщий* труд, *олицетворение вещей* и *овеществление лиц*, – это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитые формы своего движения» (K[апитал] I, с. 81. Курсив наш. [– И. Р.]). [858]

Трехчленную характеристику процесса уравнивания, являющегося результатом обмена, Маркс иногда заменяет двухчленную характеристику этого процесса, как сводящегося к приравнению товаров и уравниванию труда. В «Критике политической экономии» Маркс усматривает в появлении денег разрешение двух основных затруднений обмена: первое заключается в противоположности потребительной стоимости и меновой стоимости, второе – в противоположности «особенного труда частных лиц» и «всеобщего общественного труда» (Kritik, S. 24–25, рус. перев., [с.] 48–49). [859] Процесс обмена через посредство денег приравнивает вещи и уравнивает труд. <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.> Более подробное развитие этой двухчленной формулы находим в «Theorien über den Mehrwert» (B[d]. III, S. 154. Курсив наш. [– И. Р.]): «Самостоятельное обособление меновой стоимости товара в виде денег само есть продукт процесса обмена, развитие заключенных в товаре противоречий между *потребительной стоимостью* и *меновую стоимостью* и равным образом заключенного в нем противоречия, состоящего в том, что *определенный, особенный труд частного лица* должен быть представлен как его противоположность, как *равный, необходимый, всеобщий* и в этой форме *общественный труд*». [860]

Эта формулировка особенно ценна тем, что здесь Маркс изображает процесс уравнивания труда, как погашающий все отличия между трудом отдельных товаропроизводителей. Товаропроизводитель противостоит как частное лицо другим; он работает в особой сфере производства; данный вид труда, которым он занимается, обладает известной степенью квалифицированности (которая в отдельных случаях может быть равна нулю или даже отрицательной величине, т. е. может быть по уровню квалифицированности ниже простого среднего труда); наконец, трудовые затраты его индивидуальны, отличаясь качественно и количественно от трудовых затрат других производителей, изготавливающих тот же продукт. Значит, труд товаропроизводителя является трудом частным, конкретным, квалифицированным (т. е. обладающим тою или иною степенью квалифицированности и индивидуальности). В

процессе обмена, через приравнение всех товаров, устанавливается реальная связь между отдельными сферами производства, возможность приливов и отливов труда между ними, тенденция к известному равновесию между ними. В результате обмена не только уравниваются все частные хозяйства (превращение частного труда в общественный) и все сферы производства или виды труда (превращение конкретного труда в абстрактный); но, кроме того, уравниваются виды труда, отличающиеся различной степенью квалифицированности (превращение квалифицированного труда в простой), а также трудовые затраты, произведенные в разных предприятиях одной и той же сферы производства и отличающиеся друг от друга уровнем производительности (превращение индивидуального труда в общественно необходимый). Через единый акт обмена происходит одновременное превращение труда частного, конкретного, квалифицированного и индивидуального в труд общественный, абстрактный, простой и общественно необходимый. Это и имел в виду Маркс в приведенной формулировке. [861] Таковую же формулировку дает и Гильфердинг: «Только совокупными функциями товаров в процессе обмена частное, индивидуальное и конкретное рабочее время отдельного члена общества превращается в то всеобщее, общественно необходимое и абстрактное рабочее время, которое создает стоимость». [862] Гильфердинг только оставляет здесь в стороне одновременно происходящую в том же процессе обмена редукцию труда квалифицированного к простому.

[VI.] Мера стоимости

Мера стоимости и средство обращения. В экономической науке до сих пор продолжается спор о том, является ли основной, первичной функцией денег функция их в качестве меры стоимости или в качестве средства обращения. Одни ученые указывают, что золото становится мерою стоимости всех товаров лишь при том условии, если все товары обмениваются на него. Следовательно, первичной является функция средства обращения ([К.] Менгер, [К.] Гельферих). Другие ученые возражают, что золото является всеобщим средством обращения лишь при том условии, если, с одной стороны, все товары расценены в абстрактных счетных единицах, а с другой стороны, определенное количество золота приравнено той же счетной единице (напр[имер] рублю). <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.> А это значит, что первичной следует признать функцию меры стоимости ([Г.] Кассель, [А.] Амонн). Таким образом, логически одна функция является как бы предпосылкой другой, и, следовательно, путем логического анализа поставленный вопрос решен быть не может.

Также не поддается этот вопрос решению путем исторического исследования. С одной стороны, нет сомнения, что задолго до того, как все товары начали расцениваться в золоте, последнее служило в качестве посредника в меновых сделках или средствах обращения. Но, с другой стороны, нам известны относящиеся к глубокой древности случаи употребления золота в роли меры стоимости, хотя фактически золото при этом в акте обмена не фигурировало. «Древние египтяне, например, употребляли уже в III столетии до Р[ождества] Х[ристов]а медь и золото (но не серебро) в качестве денежного товара и всеобщего мерила стоимости, но измеряемые в своей ценности при помощи денег товары обменивались большею частью непосредственно. Так, например, в одной из таких меновых сделок обменивался бык. Его ценность устанавливалась равной 119 медным утну (14,4 килограммам меди). Но за него было дано: 1 мат, который расценивался в 25 утну, пять мер меди стоимостью в 4 утну, 8 мер масла стоимостью в 10 утну и еще 7 разных предметов на остальную сумму. В данном случае медь функционирует в качестве измерителя стоимости», [863] но не средства обращения.

Невозможность решить вопрос о логическом или историческом приоритете той или иной из упомянутых двух функций денег заставила многих ученых признать обе эти функции основными, первичными, равноправными. Ад[ольф] Вагнер определяет поэтому деньги следующим образом: «Деньгами в экономическом смысле является объект, соединяющий в себе

в меновом обороте обе экономические функции: средства обращения и меры стоимости». [864]

В марксистской литературе более распространенным является взгляд, приписывающий решающее значение функции денег в качестве меры стоимости. «Эта функция денег также необходима и важна для развития товарного производства, как важен и самый оборот. Даже в качестве средства обращения денежный товар менее необходим, чем в качестве измерителя ценности». [865] Еще решительнее высказывается в этом смысле Гильфердинг, который основным признаком определения денег берет роль их в качестве меры стоимости: «Вещь, которая посредством коллективных действий товаров получила полномочие на то, чтобы *выражать стоимость* всех остальных товаров, это – деньги». [866] Присматриваясь, однако, ближе к этому определению, мы убеждаемся, что Гильфердингу не удалось вполне устранить **из своего определения указание на** <вставка карандашом> роль денег в качестве средства обращения. Что значит «посредством коллективных действий товаров»? Это значит, что определенная вещь получила способность выражать стоимость всех товаров благодаря тому, что все товары на нее обменивались, тем самым придавая ей также характер средства обращения.

У Маркса мы также не найдем прямого ответа на интересующий нас вопрос. При поверхностном чтении Маркса может даже показаться, что он в разных местах высказывает противоречащие друг другу взгляды. В одном месте он говорит, что «оно (золото. – *И. Р.*) функционирует таким образом как всеобщая мера стоимостей, и сначала только в силу этой функции золото – этот специфический эквивалентный товар – делается деньгами». [867] Казалось бы, функция меры стоимости является основной. Но «с другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе». [868] Очевидно, Маркс не выводит функцию средства обращения из функции меры стоимости.

Чтобы правильно понять мысль Маркса, мы должны обратить внимание на особенность его учения о функциях денег. Отдельными «функциями» или «определенностями формы» денег Маркс называет свойства денег, которые, будучи приобретены определенным товаром в результате длительного исторического развития, срастаются с натуральной формой этого товара и делаются как бы «некоторым от природы присущим ему общественным свойством» [869], lxxvi. Золото уже вступает в меновой оборот с определенными присущими ему функциями меры стоимости и средства обращения, которые таким образом кажутся вытекающими не из природы менового оборота, т. е. общественных производственных отношений товаровладельцев, а из естественной природы **самого** <вставка карандашом> золота. Маркс ставит себе задачу показать, что эти как бы «вещные» свойства золота являются не более, как «овеществленными» или «кристаллизованными», т. е. прикрепленными к золоту, результатами производственных отношений людей, а именно многократно повторявшихся общественных действий товаровладельцев в процессе взаимного всестороннего обмена продуктов разных видов труда через посредство золота. Маркс хочет вскрыть это «посредствующее движение» (общественные действия товаровладельцев. – *И. Р.*), которое «исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа» [870], lxxvii, **заметного в** <вставка карандашом> вещных функциях денег.

Изложенным объясняется особенность метода Маркса, отличающая его учение о функциях денег: вместо того, чтобы выводить одну вещную функцию денег из другой, он ставит себе целью вывести обе эти функции из многократно повторявшихся общественных действий и отношений товаровладельцев. Процесс этот Маркс рисует следующим образом. «Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг к другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как

стоимости». [871] Этот товар играет роль денег, но только в пределах того менового отношения, в котором он фигурирует как эквивалент. Эту свою временную эквивалентную форму он теряет немедленно же после прекращения указанного менового отношения людей, т. е. «мимолежного общественного контакта (соприкосновения), который вызвал ее к жизни». [872] Уже в этой своей зачаточной форме денег указанный товар выполняет одновременно, в зачаточной же форме, как функцию меры стоимости, так и функцию средства обращения. Как указывает Маркс, другие товары «**обмениваются**» <подчеркивание карандашом> на этот третий товар и «**приравниваются**» <подчеркивание карандашом> ему как стоимости». В действительности, однако, этот товар выполняет эту роль эквивалента только временно, в пределах данного менового отношения. Многократное повторение таких меновых актов, в которых товары обмениваются на один и тот же третий товар и приравниваются ему как стоимости, выделяет этот товар из среды других и закрепляет за ним постоянный характер эквивалента или денег. Отныне этот товар, например золото, «обладает, по-видимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения», [873] т. е. от тех или иных отдельных меновых актов. В каждый меновой акт золото уже вступает с закрепленным за ним, «кристаллизированным» в нем характером денег. Только с этого момента появляется вещная категория денег с присущими ей **постоянными** <вставка карандашом> функциями: меры стоимости и средства обращения.

Таким образом, развитие обеих основных функций денег происходит параллельно, в одном и том же общественном процессе. В течение долгого времени золото, не являясь еще постоянным носителем этих функций, выполняет их в ряде отдельных меновых актов. С постепенным внедрением золота в оборот все чаще продукты труда начинают расцениваться в золоте и, обратно, постепенное распространение расценок в золоте укрепляет положение последнего как средства обращения. Обе эти стороны процесса генезиса и развития денег тесно друг с другом связаны и друг друга поддерживают. Конечным результатом этого длительного процесса является «фиксация» или «кристаллизация» в золоте обеих основных функций денег, так как и до этого момента золото многократно, хотя спорадически и с перерывами, уже выполняло как роль товара, на который другие «обмениваются» (т. е. средства обращения), так и роль товара, которому они «приравниваются» (т. е. меры стоимости). Именно в этом подготовительном общественном процессе и надо искать корни обеих основных функций денег, а не выводить одну функцию из другой. Именно поэтому Маркс при анализе обеих этих функций старается прежде всего показать, каким образом каждая из них, являясь на первый взгляд как бы присущим самому золоту свойством, на самом деле служит отражением совокупного общественного процесса обмена товаров.

Только игнорированием подготовительного процесса развития денег можно объяснить односторонние теории, пытающиеся вывести одну функцию денег из другой. В самом деле, можно ли предположить, что золото уже стало всеобщим средством обращения и только после этого приобретает свойство меры стоимости? Ведь прежде чем приобрести постоянно закрепленное за ним свойство всеобщего средства обращения, оно уже фигурировало в бесчисленных меновых сделках, выполняя одновременно роль материала, в котором расцениваются обмениваемые товары. И обратно, можно ли представить себе, что только после того, как золото стало общераспространенной мерой стоимости, оно внедрилось действительно в оборот? Ведь это значило бы думать, что кто-то заранее произвел генеральную расценку в золоте всех продуктов труда и даже имущества всех товаровладельцев, а после этого пустил действительное золото в оборот.

То обстоятельство, что в результате длительного процесса развития за золотом закрепляются обе указанные функции, не мешает тому, что в ходе дальнейшего развития появляются обстоятельства, вызывающие обособление функции средства обращения, которая

начинает выполняться наряду с золотом или вместо золота другими металлическими (серебряными, медными) или бумажными деньгами.

Что такое мера стоимости?

В чем именно заключается функция денег в качестве меры стоимости, – на этот вопрос экономисты дают самые различные, иногда весьма неясные, ответы. В большинстве своем эти ответы страдают индивидуалистически-рационалистическим подходом к вопросу. Экономист спрашивает, для чего нужна индивидууму, участвующему в товарном обмене, мера стоимости товаров. Найдя тот или иной ответ, т. е. указавши ту пользу или удобство, которые индивидуум может извлечь из употребления при обмене всеобщей меры стоимости, экономист считает уже выясненную социальную природу последней, хотя при этом он подчас даже еще не подошел к рассмотрению реальных экономических явлений, всецело ограничив свое внимание анализом рационалистических доводов, доказывающих пользу применения меры стоимости.

Субъект [ивная] теор [ия]. <Запись на полях.> У сторонников теории субъективной ценности можно иногда найти, в прямой или скрытой форме, представление, будто мера стоимости необходима для измерения (или сравнения) предельной полезности разных продуктов. Ведь, по их мнению, меновой акт является результатом психологического <в рукописи: «психологического» заменено на «психического»> акта измерения (или сравнения) предельной полезности обмениваемых товаров. Для того чтобы участник обмена мог легче определить субъективную предельную пользу разных продуктов, ему необходимо иметь определенную единицу измерения. За такую единицу принимается предельная польза единицы золота, как предмета роскоши, служащего удовлетворению определенных потребностей и потому обладающего известною полезностью.

Изложенное представление так резко расходится с реальною действительностью, что даже большинство сторонников теории субъективной ценности не считает возможным такое прямолинейное приложение ее к явлениям обмена товара на деньги. Оставляя в стороне общий вопрос о том, может ли объективный акт приравнивания товаров быть объяснен из субъективных оценок участников обмена, нет сомнения, что при обмене товара на деньги факт субъективной оценки предельной пользы денежного материала (золота) вообще не имеет места в действительности. «Если он (участник обмена. – *И. Р.*) хочет употребить платежные средства циркулярно (т. е. для целей обращения. – *И. Р.*), то его интересует только их значимость, являющаяся юридическим свойством; вид и количество вещества для него безразличны». [874] Кнапп, конечно, ошибается, подставляя юридическую значимость денег на место их «экономической» значимости, т. е. объективной покупательной силы. Но он и сторонники его безусловно правы, отрицая факт субъективной оценки участниками обмена полезности денежного материала. Напрасно только экономисты, разделяющие в данном отношении взгляд Кнаппа, обвиняют всех своих противников, огульно объединяя их под кличку «металлистов», в том, что они основой стоимости денег признают стоимость денежного материала как «средства удовлетворения каких-нибудь потребностей и предмета субъективных оценок». [875] В марксистской теории денежный материал играет роль (поскольку речь идет о развитом товарном обществе, а не о зачаточных формах денег) не как предмет субъективных оценок, а как продукт определенного количества труда.

Субъект [ивная] трудов [ая] стоим [ость]. < Запись на полях.> Однако и это общепринятое в марксистской теории положение не всеми понимается в одинаковом смысле. Нередко теория стоимости Маркса понимается в таком смысле, будто товаровладельцы в акте обмена приравнивают друг другу два разных товара на том основании, что они признают их продуктами равных количеств абстрактного труда. Такое субъективно-индивидуалистическое понимание теории **трудо**вой <вставка карандашом> стоимости приводит к такому же

пониманию теории денег. Деньги служат для товаровладельцев как бы инструментом для констатирования и измерения количеств абстрактного труда, заключенного в товарах. В ослабленной форме мы встречаем такой взгляд у И.А. Трахтенберга: «При каждом акте обмена необходимо качественно противопоставлять продукты и количественно их соизмерить. Количественно их соизмерить – значит *определить количество* воплощенного в каждом товаре абстрактного, отвлеченного от всех его конкретных свойств, общественно необходимого труда. Для того же, чтобы определить это количество, необходимо иметь нечто, которое бы явилось *чистым воплощением абстрактного труда*, через посредство которого можно было бы приравнять товары друг другу, количественно соизмерять воплощенный в каждом товаре абстрактный человеческий труд». [876] По-видимому, И.А. Трахтенберга интересует объективная, а не субъективная сторона этого процесса, но способ его изложения дает повод понимать его в субъективно-индивидуалистическом смысле. В действительности не потому товары приравниваются друг другу, что товаровладельцы субъективно приравнивают друг другу свой труд, а объективный процесс уравнивания разных видов труда происходит в результате и через посредство уравнивания товаров как стоимостей на рынке. Субъективно товаровладельцы констатированием количеств абстрактного труда в товарах не занимаются. Не потому товары приравниваются золоту, что последнее является «чистым воплощением абстрактного труда», а, наоборот, золото является воплощением абстрактного труда потому, что все товары ему приравниваются.

Равновесие через цены. <Запись на полях.> Как в теории стоимости, так и в теории денег мы должны устранить из понятия «меры стоимости» субъективно-индивидуалистические элементы и представить себе весь процесс с его объективной стороны. В товарном хозяйстве распределение общественного труда между разными отраслями производства происходит стихийным путем, посредством расширения производства в более выгодных и сокращения его в менее выгодных отраслях производства. Равновесие между отдельными отраслями производства может устанавливаться в условиях простого товарного хозяйства только при условии обмена их продуктов пропорционально труду, общественно необходимому для их производства. Состоянию равновесия между двумя данными отраслями производства соответствует определенная, нормальная пропорция обмена между их продуктами, соответствующая трудовым стоимостям последних. Отклонения фактических пропорций рыночного обмена этих продуктов вверх или вниз от указанной нормальной пропорции вызывают перераспределение труда между двумя данными отраслями производства, отлив труда из одной в другую.

Такова общая схема равновесия товарного хозяйства, поскольку мы имеем в виду процесс непосредственного уравнивания на рынке продуктов двух разных отраслей производства, между которыми таким образом непосредственно устанавливается известное состояние равновесия. Но по мере выделения стихийным путем в процессе обмена одного специфического товара (золота), на который все другие товары чаще всего обмениваются и которому они приравниваются, развитая нами выше схема равновесия приобретает иной, более сложный вид. Прямой обмен двух товаров уступает место непрямому, денежному обмену через посредство третьего товара, золота. Продукты двух разных отраслей производства приравниваются теперь друг другу косвенно, через приравнение каждого из них одному и тому же третьему товару, золоту. А так как в товарном хозяйстве процесс рыночного уравнивания продуктов труда как стоимостей тесно связан с процессом распределения труда между соответствующими отраслями производства, то эволюция первого процесса от прямого обмена к денежному неизбежно сопровождается коренными изменениями и в процессе распределения общественного труда.

Мы оставляем здесь в стороне вызываемые развитием денежного хозяйства изменения материального характера, т. е. переход отдельных хозяйств под воздействием все более

развивающегося денежного обмена к другого рода занятиям или видам труда (например, переход от одних сельскохозяйственных культур к другим, вытеснение домашнего промышленного производства при расширении торгового земледелия, сокращение сельского хозяйства за счет промышленности и т. п.). Нас интересуют здесь только изменения формального характера, т. е. *изменения самой социальной формы процесса, устанавливающего равновесие в распределении общественного труда между разными отраслями производства*. Отныне, с развитием денежного обмена, переливы труда из одних отраслей в другие регулируются движением денежных цен на их продукты, т. е. количеством денег, которое можно выручить от продажи их на рынке. Распределение общественного труда между отраслями *A* и *B* зависит теперь непосредственно не от изменения пропорций взаимного обмена их продуктов, а от изменения пропорций обмена каждого из них на золото, т. е. от их цены. Равновесие в распределении труда между отраслью *A*, с одной стороны, и всеми другими отраслями производства, с другой, устанавливается при определенной цене продуктов *A*, соответствующей их трудовой стоимости. При понижении их рыночной цены ниже этой нормальной цены, производство в отрасли *A* сокращается, т. е. происходит перераспределение производительных сил из отрасли *A* в более выгодные отрасли. Обратное происходит при повышении рыночной цены выше указанной нормальной цены. Иначе говоря, производители продуктов еще до продажи последних на рынке уже производят в уме расценку их в золоте, т. е. рассчитывают на выручку определенной продажной цены, при наличии которой они будут продолжать производство данных продуктов в прежнем размере. Всякое отклонение рыночных цен вверх или вниз от этой ожидаемой цены вызовет сокращение или расширение производства в данной отрасли. Таким образом, ожидаемая нормальная цена или нормальная расценка продукта является регулятором распределения труда между данной отраслью производства и другими. Она соответствует состоянию равновесия между ними, а так как последнее наступает при обмене продуктов разных видов труда по их стоимостям, то, следовательно, предварительная расценка продуктов является выражением их стоимости, и деньги в этом акте расценки выполняют функцию меры стоимости.

Изолиров [анная] расценка. <Запись на полях.> Рассмотрим теперь подробнее этот акт расценки товара, предшествующий его продаже, в том виде, как он происходит в реальной действительности. Производитель сукна заранее расценивает аршин сукна в 3 рубля, т. е. приравнивает его определенному количеству золота. Этот акт можно рассматривать либо со стороны объекта обмена (вещи), либо со стороны его субъекта (человека). В первом случае перед нами определенная меновая пропорция вещей, их равенство друг другу, на первый взгляд вытекающее из их свойств. Нам кажется, что аршин сукна обладает особою способностью обмениваться на 3 рубля; «добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом единичного товара, и он выполняет это дело без содействия остальных товаров» (К[апитал] I, с. 33). [877] Перед нами обособленный акт равенства двух вещей. Со стороны субъекта обмена тот же акт представляется нам как известная субъективная расценка сукна, исходящая из тех или иных мотивов и приравнивающая один продукт другому с точки зрения значения, приписываемого им субъектом. Перед нами обособленный акт субъективно-психологического <в рукописи «субъективно-психологического» заменено на «субъективно-психического»> характера. В обоих случаях акт расценки выступает, как обособленный, изолированный акт, касающийся только данного индивидуума и данных двух товаров. Этот кажущийся изолированный характер расценки товара объясняется тем, что последняя на первый взгляд выступает в «единичной форме стоимости», как акт равенства только двух товаров. Но если один из этих товаров (золото) является уже всеобщим эквивалентом, которому приравниваются и с которым обмениваются все другие товары, то на самом деле перед нами уже не единичная, а

всеобщая форма стоимости, не индивидуальный акт расценки, а акт социального характера.

Социальный характер акта расценки <запись на полях: «Ее социальн[ый] харак[тер].»> проявляется прежде всего в том, что он предполагает как данные определенные социальные условия. Последние относятся как к *социальной форме* процесса производства и обмена, так и к его *технической стороне*. Данный акт расценки аршина сукна в 3 рубля предполагает, что: 1) все товаропроизводители расценивают свои продукты в золоте, т. е. придают своим меновым стоимостям форму цены, и 2) производительность труда в суконной промышленности находится на таком уровне, при котором продажа сукна по цене 3 рубля за аршин соответствует состоянию равновесия между суконной промышленностью и другими отраслями производства. Первое условие, выражающее определенную социальную форму процесса воспроизводства (включающего производство и обмен), делает возможным акт расценки с его качественной стороны. Второе условие, выражающее определенное состояние техники производства, делает возможным тот же акт расценки с его количественной стороны.

Качествен[ая] стор[она]. <Запись на полях.> В акте расценки «следует отличать моменты качественный и количественный». [878] Остановимся сперва на первом. С качественной стороны акт расценки означает приравнение одного конкретного товара (сукна) другому конкретному товару (золоту), в свою очередь уже уравниваемому со всеми другими товарами и потому получившему характер абстрактного товара, т. е. товара, могущего принять вид любой потребительной стоимости. Приравниваясь золоту, сукно приравнивается всем другим товарам, приобретает способность обмениваться на любой другой товар. Тем самым конкретный труд производителя сукна уравнивается со всеми другими видами труда. Потребительная стоимость превращается в меновую стоимость, а частный и конкретный труд – в общественный и абстрактный. Акт расценки означает качественное изменение (пока еще только ожидаемое, идеальное) социальной природы как продукта труда, так и самого труда.

Однако такое изменение социальной природы сукна посредством приравнения его золоту уже предполагает различие их социальной природы, т. е. уже предполагает коллективные действия всех товаропроизводителей, заключающиеся в том, что они обменивают все свои продукты на золото и тем сообщают последнему характер всеобщего эквивалента, или денег. Через посредство своего приравнения золоту сукно может быть оценено, т. е. может получить цену, выражающую его меновую стоимость, только при том условии, если и все другие товары расцениваются в золоте. «Мерою стоимости золото делается только потому, что все товары измеряют в нем свою меновую стоимость». [879] «Если бы все товары всесторонним образом измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и, следовательно, представляли свои стоимости как цены в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерою стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом». [880] Без такого «всестороннего действия всех других товаров», [881] т. е. коллективных действий всех товаропроизводителей, невозможен данный акт оценки сукна, поскольку этим актом сукно через посредство золота приравнивается всем другим товарам, т. е. поскольку золото в данном случае выполняет роль денег. «Всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому» (К[апитал] I, с. 33–34). [882] Последние слова Маркса еще сильнее подчеркивают зависимость акта расценки данного производителя от действий всех других товаропроизводителей. Данный производитель может расценивать продукт свой в золоте как деньгах (а не как конкретном продукте) только при том условии, если одновременно то же самое делают и все другие товаропроизводители. И обратно: при наличии последнего условия наш товаропроизводитель вынужден также оценивать продукт свой в золоте

и в зависимости от колебаний рыночных цен этого продукта в золоте расширять или сокращать свое производство.

Колич [ественная] стор [она]. <Запись на полях.> От качественной стороны акта расценки перейдем к его количественной стороне. Не только сукно приравнивается вообще золоту как всеобщему эквиваленту, но определенное количество сукна, 1 аршин, приравнивается определенному количеству золота, 3 рублям. Золото является уже не только всеобщим эквивалентом, но и мерою стоимости. <Последнее предложение отчеркнуто на полях карандашом.> Расценка аршина сукна в 3 рубля не означает, что производитель его ни при каких обстоятельствах не согласится продать данный аршин сукна дешевле; при плохой рыночной конъюнктуре он вынужден будет это сделать. С другой стороны, она не означает, что производитель сукна не хотел бы получить за него дороже; при благоприятной конъюнктуре он постарается поднять его цену. Наконец, расценка сукна не означает также, что в ней производитель дает итог своих субъективных оценок полезности аршина сукна, с одной стороны, и определенного количества золота, с другой. Расценка аршина сукна в 3 рубля означает предварительное, мысленное констатирование той пропорции обмена, при наличии которой производитель захочет и сможет продолжать воспроизводство сукна в прежних размерах. [883] Эта предварительная расценка или нормальная калькуляция товара является мысленным предвосхищением условий рыночной конъюнктуры, соответствующих состоянию равновесия в общественном хозяйстве, и служит для отдельного производителя регулятором, с которым он соотносит свою хозяйственную деятельность. Отклонения рыночных цен вверх или вниз от этой нормальной калькуляции побуждают его расширять или сокращать производство.

Непрерывн [ость] ценообразов [ания]. <Запись на полях.> Способность товаропроизводителя своею калькуляцией предвосхищать условия равновесия общественного хозяйства объясняется тем, что сама эта калькуляция является уже результатом и отражением длительного стихийного процесса взаимодействия и взаимоприспособления всех отраслей производства, между которыми в конечном счете путем многочисленных трений и нарушений все же устанавливается относительное состояние равновесия. Это равновесие соответствует определенному состоянию производительных сил в разных отраслях производства и поддерживается (при постоянных отклонениях) механизмом колебаний рыночных цен вокруг среднего уровня, соответствующего в условиях простого товарного хозяйства трудовым стоимостям отдельных продуктов. Результатом этого процесса взаимоприспособления всех отраслей производства является определенная средняя расценка их продуктов, которая в калькуляции производителя превращается в мысленную антиципацию (предвосхищение) будущего состояния равновесия между указанными отраслями производства.

При данном состоянии производительности труда в суконной промышленности, как раз при цене в 3 рубля за аршин, соответствующей трудовой стоимости сукна, устанавливалось (в виде тенденции) равновесие между данною отраслью производства и другими. Средняя цена в 3 рубля, этот итог и осадок длительного процесса конкуренции, уже фиксирована за аршином сукна как его нормальная расценка. Эта точно фиксированная цена в 3 рубля и служит исходным пунктом для производителя в процессе калькуляции товара. В случае изменения условий производства, например, вздорожания сырья, удешевления производства в результате технических усовершенствований и т. п., в эту цифру вносятся, конечно, поправки и изменения. Но производитель, во всяком случае, имеет для своей калькуляции исходный пункт, в котором уже подытожен общественный процесс конкуренции и объективно учтено состояние производительных сил в данной отрасли. Производителю нет никакой надобности при каждом новом процессе производства начинать все расчеты сначала и заняться субъективным учетом производительности труда и трудовой стоимости продуктов (в непонимании этого заключается

ошибка теории субъективной трудовой ценности). Он уже исходит из определенных цен, а именно из данных цен на сырье, машины и проч. (т. е. издержки производства), с одной стороны, и предположительной, ожидаемой цены продукта, с другой. Маркс нисколько не думал отрицать, что каждое данное состояние цен возникает на основе предшествующего состояния цен, он не утверждал, что при каждом новом процессе производства расценка заново **выводится** <вставка карандашом> из трудовой стоимости продуктов. [884] Но, конечно, нельзя, как то делает теория издержек производства, это констатирование факта непрерывности изменений цен и связанности отдельных фаз процесса ценообразования принимать за причинное его объяснение. Необходимо еще открыть причины, регулирующие как относительные размеры средних цен разных товаров, так, в особенности, их движение, т. е. процесс их изменений. Найти эти причины и составляет задачу теории стоимости.

Итак, количественная сторона акта расценки также оказывается зависимою от социальных условий. Зависимость эта проявляется в том, что: 1) расценка является не выражением субъективных оценок производителя, а объективного состояния производительных сил; 2) это состояние производительных сил подытоживается в виде расценки или калькуляции товаров не силами одного данного товаропроизводителя, а коллективными действиями всех товаропроизводителей, результат которых служит исходным пунктом для акта расценки данного производителя. Иначе говоря, изменение производительных сил не учитывается непосредственно сознанием товаропроизводителя **в виде соответствующего изменения субъективной стоимости** <вставка карандашом>, но вызывает ряд коллективных действий товаропроизводителей (сокращение и расширение производства, переход из одной отрасли производства в другую и т. п.), результат которых объективируется или «кристаллизуется» в виде социальных свойств вещей, напр[имер], в виде определенных средних цен, которые, в свою очередь, уже констатируются и учитываются сознанием отдельного товаропроизводителя и служат для него исходною точкою калькуляции. Таким образом, зависимость акта расценки товара от предшествующего состояния цен выражает собою не что иное, как зависимость действий отдельного производителя от социальных условий.

Непрерывность [ь] воспроизводства. <Запись на полях.> Описанная непрерывность процесса ценообразования отражает непрерывность процесса воспроизводства. Данный процесс производства повторяет прежний. Он начинается не на чистом месте, а уже имеет своими предпосылками результаты прежнего производства, фиксированные в виде определенных цен. Хотя общественные отношения связывают товаропроизводителей непосредственно только в акте рыночного обмена и по прекращении его прерываются, но результатом их является закрепленный за продуктами труда определенный социальный характер, напр[имер], определенные средние цены. После того, как товаропроизводитель купил на рынке сырье, машины и проч. и пустил их в процесс производства, они перестали быть товарами и превратились в элементы производства, но это еще не значит, что та социальная форма, которую эти товары приобрели в процессе обмена (определенная меновая стоимость или цена), бесследно исчезла по прекращении последнего. Наоборот, она закрепилась, кристаллизовалась в этих вещах как социальное свойство, будто бы присущее им самим и сохраняемое ими по прекращении того производственного отношения купли-продажи, в котором они фигурировали на рынке. Хлопок, перешедший с рынка в мастерскую прядильщика, не перестает рассматриваться последним как вещь, имеющая определенную цену. В своих технических операциях над хлопком он ни на минуту не должен забывать о цене этого вида сырья. Таким образом, установленные в процессе обмена цены продолжают свое действие в следующем за ним процессе производства. С другой стороны, так как за данным процессом производства должен последовать опять процесс обмена, то перспективы будущей реализации продукта уже

учитываются, калькулируются, принимаются во внимание в самом процессе производства. Продукт, еще находясь в процессе производства и не будучи еще товаром, уже имеет антиципированную цену, выражающуюся, как мы подробно изложили выше, в его расценке или нормальной калькуляции.

Итак, если в теории стоимости мы говорили, что в непосредственном процессе производства данный товаропроизводитель действует независимо от других товаропроизводителей (анархия товарного производства), с которыми он связывается только в процессе обмена, это положение было правильно, поскольку речь шла о процессе производства и процессе обмена, рассматриваемых каждый в отдельности, с абстрактной точки зрения. В реальной действительности, однако, данный процесс производства является лишь одной из повторяющихся фаз непрерывного общественного процесса воспроизводства, фазой, которой предшествовал и за которую последует акт обмена. Благодаря этому густая сеть социальных связей, плотно охватывающая производителя в процессе обмена на рынке, не разрывается во время промежуточного периода производства, а продолжает в нем свое действие, как результат предыдущего и как антиципация предстоящего процесса обмена. Эта сеть социальных связей своими отростками прошлого и завязями будущего охватывает процесс производства, устанавливая тем самым непрерывность социальных связей людей и социальной формы вещей в течение всего процесса воспроизводства. Товаропроизводитель, действуя в своей мастерской формально автономно и независимо от других товаропроизводителей, на самом деле ни на минуту не вырывается из этой густой сети социальных связей, соединяющих его с ними и определяющих его хозяйственную деятельность. Точно так же и находящиеся в его мастерской средства производства и постепенно созревающий из них готовый продукт ни на минуту не могут быть рассматриваемы как чисто технические элементы производства, лишенные социальной формы. Удаленные в тишь мастерской и поглощаемые техническим процессом производства, они в данный момент не являются активными носителями производственных отношений между людьми, но от этого не теряют своего характера носителей прошлых и будущих производственных отношений. Они сохраняют печать своего социального происхождения и предназначения. В этом заключается основной социологический смысл учения Маркса о мере стоимости, которое представляет собою не что иное, как учение о *расценке продукта труда в процессе производства, предшествующем акту обмена*.

Расценка до обращения. <Запись на полях.> Маркс усиленно подчеркивает, что акт расценки товара в деньгах имеет место еще до вступления последнего в процесс обмена, – не в том смысле, что в самом акте обмена покупатель, прежде чем заплатить деньги, должен по обоюдному согласию с продавцом установить цену товара, [885] а в смысле описанной выше нормальной калькуляции или расценки продукта, проявляющей свое действие в самом процессе производства. Фиксация пропорции обмена с формального обоюдного согласия продавца и покупателя (фактически она может исходить односторонне от продавца или покупателя) имеет место не только при регулярном, но и при случайном обмене двух товаров, не только при денежном, но и при натуральном обмене. Иное дело та расценка продукта, которая предшествует самому акту обмена, которая складывается еще в процессе производства и антиципирует те условия, при которых может продолжаться нормальное воспроизводство и может сохраниться равновесие между данной отраслью производства и другими. Именно этот акт предварительной расценки продукта составляет непременную принадлежность товарного производства. Последнее характеризуется не тем, что продукты труда продаются, а тем, что они уже производятся с целью продажи. При случайном обмене продукт труда приобретает мимолетную форму объекта обмена (товара) лишь в самый момент обмена, не являясь товаром или меновой стоимостью ни до, ни после акта обмена. В этом случае «вещи *A* и *B* не являются

товарами до обмена, а становятся ими лишь благодаря обмену». [886] Это значит, что мы еще не имеем товарного производства как определенной устойчивой системы производственных отношений людей и соответствующей ему вещной категории стоимости как устойчивой социальной формы вещей. Товарное производство развивается лишь по мере того, как продукты труда «начинают производиться *преднамеренно для обмена* ». [887] Раз продукты производятся «специально для обмена», то «характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже *при самом их производстве* ». [888] А это проявляется именно в том, что в самом процессе производства продукту дается определенная расценка, основанная на предшествовавшем процессе обмена с присущими ему явлениями ценообразования и антиципирующая ценообразование будущего процесса обмена.

Раз продукт получает предварительную расценку уже в самом процессе производства, то, следовательно, в процесс обмена он вступает, обладая уже определенную меновую стоимостью и соответствующей ей ценою. Маркс усиленно подчеркивает это обстоятельство. «Товары вступают в меновой процесс с определенными ценами» [889] ,хс, как «потребительные стоимости с определенными ценами». [890] Маркс называет нелепую гипотезу, согласно которой «товары вступают в процесс обращения без цены». [891] Обычно эти настойчивые указания Маркса понимали в том смысле, что, так как в процессе производства на изготовление продукта уже затрачено известное количество общественно необходимого труда, то, следовательно, стоимость продукта определяется не условиями рыночного обмена, а техническими условиями, характеризующими производственный процесс и предшествующими акту обмена. Однако такое понимание суживает мысль Маркса. Маркс утверждал, что в самом процессе производства мы имеем уже в готовом виде не только известные технические условия, но и определенную социальную форму производства (производство с целью продажи, или товарное хозяйство). Поэтому и продукт труда является уже в самом процессе производства не только результатом определенной трудовой затраты, но и вещью с определенной социальной формой, а именно товаром, получившим известную расценку в деньгах. Учение Маркса о функции меры стоимости, выполняемой деньгами еще до процесса обращения, становится нам вполне понятным только в связи с его учением о том, что «характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже при самом их производстве», что поэтому продукт труда получает известную расценку уже в самом процессе производства и вступает в процесс обращения с определенной ценою. А чтобы понять эту возможность расценки продукта труда еще до акта обмена, мы должны вспомнить, что данному процессу производства уже предшествовал процесс обмена, результаты которого в виде определенных социальных свойств вещей или системы цен разных товаров служили в свою очередь предпосылками данного процесса производства.

Идеальный характер расценки. <Запись на полях.> Раз акт расценки товара имеет место еще до вступления последнего в обмен, то, следовательно, этот акт носит идеальный характер, и «свою функцию меры стоимостей деньги выполняют как мысленно представляемые, или идеальные, деньги». [892] Предварительную расценкою товара устанавливается, так сказать, «цена равновесия» данного товара, т. е. тот уровень цены, который соответствует состоянию равновесия между данной отраслью производства и другими. А так как в товарном обществе с его анархией производства подобное состояние равновесия возможно лишь как идеальная средняя линия, от которой фактическое распределение общественного труда постоянно отклоняется вверх и вниз, то и предварительная расценка товара представляет собою лишь антиципацию его идеальной средней цены, от которой фактические цены постоянно отклоняются вверх и вниз. «Определение цены его (товара. [– И. Р.]) представляет собою лишь идеальное превращение его во всеобщий эквивалент, уравнение его с золотом, которое еще подлежит реализации». [893] Возможность реализации этой предварительной, идеальной

расценки товара на рынке «зависит от того, окажется ли он или нет потребительною стоимостью, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени временем общественно необходимым для производства». [894]

Здесь перед нами выступает очень существенное отличие между ценою, т. е. меновою стоимостью товара, выраженной в деньгах, и тою меновою стоимостью, которая изучалась нами в теории стоимости. В теории стоимости мы предполагали равновесие между отдельными отраслями производства, при котором продукты разных видов труда равны друг другу как стоимости, а тем самым равны друг другу и разные виды труда. Но в товарном хозяйстве такое уравнение труда не является сознательною предпосылкою общественного процесса производства, а лишь результатом стихийного процесса конкуренции с неизбежно возникающими в нем неравенствами и диспропорциональностью в распределении труда. Эта особенность товарного хозяйства и отражается в расценке товара в деньгах, которая свидетельствует о том, что уравнение данного товара со всеми другими товарами и, следовательно, данного вида труда со всеми другими видами труда еще не является фактом совершившимся, а лишь подлежит реализации в будущем. <Конец данного предложение отчеркнут на полях со знаком вопроса.> Уравнение данного товара со всеми другими возможно только через уравнение его с золотом. Но золото именно благодаря тому, что все товары уравниваются через его посредство (т. е. что все товаропроизводители обменивают свои продукты на золото), обладает особою социальною формою денег, не свойственною всем другим товарам. Эта специфическая особенность выделенного товара или денег заключается в том, что он может быть всегда обменен на любой конкретный товар, который со своей стороны не всегда может быть обменен на золото. Расценка аршина сукна в 3 рубля означает, что за 3 рубля можно в любой момент получить аршин сукна, но не означает, обратно, что аршин сукна можно в любой момент обменять на 3 рубля. [895] Значит, расценка товара в золоте содержит в себе как момент их равенства (приравнивание товара золоту), так и момент неравенства (отличие социальной формы денег от социальной формы товара). Иначе говоря, уравнение данного товара со всеми другими еще не осуществилось, а зависит от того, произойдет ли действительно на рынке уравнение его с неравным ему по своей социальной форме золотом. Поэтому в расценке товара выражается «необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что такое отчуждение не состоится, словом, содержится в скрытом виде все противоречие, проистекающее от того, что продукт есть товар, или что особенный труд частного лица для того, чтобы приобрести общественное действие, должен быть представлен как его непосредственная противоположность, как абстрактно-всеобщий труд». [896] Акт расценки товара обнаруживает свой идеальный характер не только в том, что он, как мысленно представляемый акт, предшествует процессу обмена, но и в том, что реализация его в последнем совершается всегда лишь более или менее приблизительно, с отклонениями рыночных цен от расценки вверх или вниз. «Возможность количественного несовпадения между ценою и величиною стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены». [897]

[VII.] Средство обращения

От идеального акта расценки товара, предшествующего процессу обращения, Маркс переходит к последнему. Только в действительном процессе обращения обнаруживается, в какой мере товар может быть реализован в соответствии с его предварительною расценкою, иначе говоря, в какой мере рыночная цена приближается к стоимости товара. Отклонения рыночной цены от стоимости будут тем больше, чем сильнее отклонилось фактическое распределение труда между отдельными отраслями производства от пропорционального распределения общественного труда. Десятичасовая затрата труда данного производителя может быть на рынке

сведена к пятичасовому общественному труду, т. е. продукт его частного и конкретного десятичасового труда может быть продан на рынке по цене, соответствующей только пятичасовому общественному и абстрактному труду. Это может произойти либо потому, что в настоящий момент отсутствует общественная потребность (выражающаяся в платежеспособном спросе) в данном продукте, либо потому, что размеры производства данного продукта количественно превысили размеры наличной потребности в нем, либо потому, что данный производитель работает при отсталых технических условиях и его индивидуальная трудовая затрата превышает средний общественно необходимый труд. [898]

При исследовании функции денег в качестве средства обращения Маркс пользуется тем же методом, как и при изучении функции денег в качестве меры стоимости. На первый взгляд нам казалось, что деньги сами по себе обладают свойством измерять стоимость товаров. Маркс показал, что такое свойство приобретено ими в результате длительного процесса всестороннего приравнивания всех товаров друг другу через посредство денег, т. е. в результате «всестороннего действия всех товаров», которое на деле представляет собою всестороннее действие всех товаропроизводителей. Тем же путем Маркс идет в анализе средства обращения. На первый взгляд деньги как бы сами по себе обладают свойством средства обращения: они покупают всякого рода товары, как бы собственной своею силою приводя их в движение. Это «вещное» свойство денег Маркс, однако, выводит из движения самих товаров, отражающего, в свою очередь, известные действия и взаимоотношения самих товаропроизводителей. В соответствии с этим Маркс прежде всего анализирует движение, или «метаморфоз товаров», и лишь после этого переходит к «обращению денег».

Приступая к анализу процесса обращения товаров, Маркс различает в нем две стороны: *Stoffwechsel* и *Formwechsel* – «обмен веществ» и «перемену форм». «Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ», [899] т. е. движение материальных вещей. «Вещественный момент» этого процесса заключается в том, что: 1) прежде всего происходит реальный «обмен товара на золото», «простого товара на денежный товар», [900] которые оба в виде определенных материальных вещей передвигаются в противоположных направлениях: товар из рук продавца в руки покупателя, золото из рук покупателя в руки продавца; 2) после этого то же противоположное движение товара и золота повторяется опять: бывший продавец отдает теперь свое золото и получает в обмен необходимые ему продукты. В итоге всего этого процесса «продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда». [901] «Со стороны своего материального содержания это движение представляет $T - T$, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, в конечном результате которого погашается и самый процесс» [902] (т. е. социальная сторона процесса).

Как видно из последних слов, материально-техническая сторона процесса обращения, заключающаяся в передвижении вещей (товаров и золота) из рук в руки, скрывает от нас его социальную форму, которая и составляет настоящий предмет изучения Маркса. Вещи интересуют Маркса лишь как «носители» производственных отношений людей, т. е. не со стороны их материально-технических свойств, а со стороны их социальной формы или социальных свойств, приобретаемых ими лишь при наличии определенных производственных отношений между людьми. Вещи, фигурирующие в процессе обращения и на первый взгляд отличающиеся только своими материальными свойствами (золото и прочие товары), на самом деле отличаются друг от друга своими социальными формами. Золото выступает в процессе обмена как продукт труда, уже уравненный со всеми другими товарами, могущий непосредственно обмениваться на любой другой товар и в силу этого выполняющий особую

социальную функцию всеобщего эквивалента или выразителя абстрактно-общественного труда. Товар же противостоит золоту как продукт труда, еще не уравненный с другими продуктами, иначе говоря, как продукт труда частного и конкретного. Раз товар и золото отличаются различными социальными формами, то обмен товара на золото означает не только замену одной материальной вещи другою, но и перемену самой социальной формы вещей (Formwechsel). Вот именно это-то «изменение формы, или метаморфоз, товаров, обслуживающий общественный обмен веществ», [903] и интересует Маркса, который ставит себе целью исследовать «весь процесс лишь со стороны формы», [904] т. е. социальной формы, а не [со стороны] материальных свойств продуктов труда.

На этом, однако, Маркс остановиться не может. Ведь социальная форма вещей является отражением определенной социальной формы организации труда, т. е. определенных производственных отношений людей. Процесс обращения представляет собою не только *материальное движение вещей* (обмен веществ) и *изменение их социальной формы* (метаморфоз товаров), но и движение *производственных отношений* между отдельными товаропроизводителями, участниками обмена. Противопоставление социальной формы товара и денег отражает противопоставление различных социальных действий, выполняемых продавцом и покупателем. «Два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических функциях этого последнего. Как агент акта продажи, он продавец, как агент акта купли – покупатель». [905] Как нам известно из теории товарного фетишизма, дифференциация производственного отношения между товаровладельцами, заключающаяся в том, что в акте обмена они выполняют противоположные роли (продавца и покупателя), находит «овеществленное» выражение в дифференциации социальной формы обмениваемых вещей (товар и деньги). Дифференциация продуктов труда на товар и деньги является результатом изменения производственных отношений между товаровладельцами и вытеснения натурального обмена. Но после того, как изменившиеся отношения обмена фиксировались или «овеществились» в виде денежной функции выделенного товара (золота), наличие последнего в руках у данного товаровладельца тем самым определяет роль его в акте обмена в качестве покупателя; как, обратно, наличие у товаровладельца других товаров, кроме выделенного (т. е. простых товаров), предопределяет положение его в данном акте обмена в качестве продавца. Итак, если социальные формы товара и денег являются результатом определенной структуры хозяйства и производственных отношений людей, то, с другой стороны, положение индивидуума в данном конкретном акте обмена определяется социальной формой принадлежащей ему вещи. «В процессе обращения товаровладельцы противостоят друг другу в противоположной форме покупателя и продавца, один из них – как персонифицированная сахарная голова, а другой – как персонифицированное золото. Как только сахарная голова становится золотом, продавец становится покупателем». [906] Изменение «социального характера» [907] товаровладельцев происходит параллельно с изменением социальной формы вещей. Для понимания последнего процесса необходимо выяснить характерные особенности первого.

Не приходится поэтому удивляться, что в данном случае, как и в остальных частях своей системы, Маркс усиленное свое внимание направил на исследование того типа производственных отношений людей, который придает особую форму денежному обращению. Такой анализ производственных отношений людей мы находим в известном учении Маркса о кругообороте T – D – T.

Исследователь, который начнет свой анализ с внешних явлений денежного обращения, увидит в последнем не более, как «массу случайно протекающих рядом друг с другом актов купли и продажи». [908] Каждый из этих актов ничем абсолютно не отличается от другого,

представляя собою обмен товара на деньги. Тот же самый акт, который со стороны продавца представляет продажу, $T - D$, со стороны покупателя является покупкою $D - T$. Деньги в каждом из этих актов играют роль покупательного средства, которое реализует подряд цены разных товаров, которые сами по себе представляются как бы неподвижными. [909] После того, как за данный рубль был куплен товар T , бывший продавец последнего за тот же рубль покупает другой товар T_2 , бывший владелец последнего за тот же рубль опять покупает T_3 и т. д. Все эти акты обмена разрозненны и ничем между собою не связаны. В каждом из них фигурирует новый товар, с прежним не имеющий ничего общего. Каждый товар продается только один раз, т. е. однократно обменивается на деньги и сразу же переходит в сферу потребления покупателя. Весь процесс обмена представляется в виде хаотической массы случайно сосуществующих рядом или следующих друг за другом актов купли-продажи, ничем между собою не связанных.

Чтобы найти закономерность в этом кажущемся хаосе, мы должны от денег и товаров самих по себе перенести центр нашего внимания на товаропроизводителя. «Моменты товарного метаморфоза представляют в то же время сделки товаровладельца, – продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство обоих этих актов: продажу ради купли». [910] Как только мы берем исходным пунктом нашего исследования товаропроизводителя, акты обмена немедленно же располагаются в определенной, закономерной, необходимой последовательности. Действия каждого товаропроизводителя должны следовать в определенном порядке: сперва продажа $T - D$, а потом покупка $D - T$, причем продажа совершается именно с целью получить возможность сделать покупку, иначе говоря, закономерное следование одного акта за другим вытекает из внутренней связи между ними. А эта внутренняя связь в свою очередь определяется основным характером товарного хозяйства.

Раз товаропроизводители связаны между собою общественным разделением труда и производят товары для рынка, за процессом производства необходимо должен следовать процесс обращения. Только последний дает возможность товаропроизводителю получить вместо изготовленных им товаров, ему самому не нужных, «другие необходимые ему средства существования и средства производства». [911] Пока он не получит последних, он не может возобновить процесса производства, не имея необходимых для этого средств производства, истраченных им в предшествующем периоде производства, и средств существования для прокормления себя и своей семьи в течение следующего периода производства. Но для того чтобы иметь возможность присвоить себе по своему выбору необходимые средства производства и существования, он должен предварительно превратить изготовленные им товары в деньги, т. е. продать их на рынке. «Общественное разделение труда делает труд последнего (товаропроизводителя. – *И. Р.*) столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт представляет для него лишь меновую стоимость. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чуждом кармане». [912] «Человек, который произвел, не имеет свободного выбора продавать или не продавать. Он *должен* продать». [913] Значит, необходимым завершением процесса производства является акт продажи товара, а для того чтобы получить возможность начать новый процесс производства, товаропроизводитель после акта продажи своего товара необходимо должен выступить в роли покупателя соответствующих средств производства и существования. Процесс обращения, в виде закономерного чередования двух актов ($T - D$ и $D - T$), является необходимым промежуточным звеном между двумя процессами производства, завершая первый и подготавливая второй. Процесс обращения входит как часть в общий процесс воспроизводства, и закономерный ход последнего предполагает закономерное течение первого. Самый механизм товарного хозяйства необходимо придает всему процессу воспроизводства, независимо от воли отдельных индивидуумов, следующий вид: 1) процесс производства; 2)

процесс обращения: а) продажа $T - D$ и б) покупка $D - T$; 3) процесс производства, и т. д. Периодическая пульсация процесса воспроизводства включает в себя периодическую пульсацию процесса обращения в правильном чередовании двух его актов, $T - D$ и $D - T$, «противоположных и *дополняющих друг друга*». [914]

На первый взгляд внутренняя связь обоих актов обращения ($T - D$ и $D - T$), как входящих в один и тот же процесс воспроизводства и друг друга дополняющих, скрыта в виду того, что оба акта выступают в обособленном, раздельном виде. Ведь в том и состоит особенность денежного обмена, что «непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением чужого разделяется им на два противоположные акта продажи и купли». [915] Эта раздельность обоих актов проявляется в том, что: 1) в акте купли наш товаропроизводитель, продавший раньше свой товар лицу A , теперь вступает в производственное отношение с другим лицом B ; 2) акт купли может произойти в другом месте, а не в том, где происходил акт продажи; и 3) акт купли может быть отсрочен на некоторое время, а не следовать сейчас же после акта продажи. Происходит персональный, пространственный и временной разрыв между обоими актами процесса обращения. «Каждая единичная продажа или покупка существует в качестве самостоятельного, изолированного акта; другой акт, являющийся его дополнением, может быть временно и пространственно отделен от него... Любое $D - T$ может примыкать к любому $T - D$, вторая фаза жизненного пути одного товара к первой фазе жизненного пути другого товара». [916] Этот разрыв между обоими актами процесса обращения придает последнему вид «бесконечно случайного сосуществования и последовательности пестро перемешанных членов различных полных метаморфоз». [917] «Действительный процесс обращения *кажется* нам не полным метаморфозом товара, не движением его через противоположные фазы, но простым агрегатом множества покупок и продаж, случайно протекающих рядом или следующих друг за другом». [918]

Эта хаотическая картина процесса обращения не дает нам, однако, правильного представления о последнем, так как в ней «исчезает определенность формы этого процесса». [919] т. е. его закономерный социальный характер. Чтобы вскрыть последний, Маркс по своему обыкновению за этим движением вещей постарался найти определенные производственные отношения людей. Взявши за исходный пункт своего исследования хозяйство товаропроизводителя с присущим ему правильным, ритмическим чередованием процесса производства и обоих актов процесса обращения ($T - D - T$), Маркс нашел тот стержень, вокруг которого вращается беспорядочная пляска товаров на рынке. Этот стержень надо искать не в самих вещах, а в производственных отношениях людей, именно в действиях товаропроизводителя и его взаимоотношениях с миром остальных товаропроизводителей. При всем персональном, пространственном и временном разрыве между обоими актами обращения Маркс нашел в них обоих один устойчивый центр: фигуру товаропроизводителя, участвующего в обоих актах обращения ($T - D$ и $D - T$), [920] и тем включающего их оба в общий процесс воспроизводства, выполняемый его хозяйством. Не отрицая громадного значения, которое имеет разрыв обмена на два противоположных акта купли и продажи, и резко критикуя тех экономистов, которые недооценивают этот момент, [921] Маркс одновременно вскрыл и «известное внутреннее единство» обоих «самостоятельных друг по отношению к другу» [922] актов процесса обращения. Это единство заключается в том, что оба акта $T - D$ и $D - T$ представляют дополняющие друг друга, хотя и обособившиеся звенья единого процесса обращения $T - D - T$. С этой точки зрения любая сделка купли-продажи покажется нам уже не изолированным актом, а займет свое место в общей системе обращения товаров. Поскольку эта сделка рассматривается со стороны покупателя, как $D - T$, она завершает прежний акт продажи, в котором теперешний покупатель выступал в качестве продавца, и подготавливает для него

возможность возобновления процесса производства. Рассматриваемая же со стороны продавца, как $T - D$, она завершает закончившийся процесс производства и в свою очередь должна непременно найти свое дополнение в следующем акте $D - T$, хотя бы последний и был отсрочен на некоторое время и был совершен в другом месте. Разобщенные пространственно и временно, оба противоположных акта $T - D$ и $D - T$ связаны между собою, как необходимые звенья единого процесса воспроизводства. Но они связаны не только между собою, но и с другими актами обращения. <Против последнего предложения на полях стоит знак вопроса.> Так как каждый из указанных актов возникает в результате взаимодействия (обмена) двух хозяйств, то он входит одновременно в процесс воспроизводства как данного хозяйства, так и его контрагента. «В то время, как он (товар. – *И. Р.*) начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, [923] другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и, наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то самое время, когда третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение $T - D - T$ в целом, как полный метаморфоз одного товара, одновременно представляет собою всегда конец полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара». [924] Метаморфозы отдельных товаров друг с другом переплетаются. «Кругооборот, описываемый рядом метаморфоз каждого данного товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет *обращение товаров*». [925]

Необходимо твердо помнить, что не всякий обмен продуктов на деньги подходит под понятие товарного обращения. Обмен становится товарным обращением только при том условии, если он 1) периодически повторяется, и при том 2) в специфической социальной форме $T - D - T$, предполагающей, что продукция данного хозяйства отчуждается с целью на вырученные деньги купить средства производства и существования, необходимые для дальнейшего производства. Где этого нет, там может быть денежный обмен, но нет обращения товаров в форме, характерной для товарного хозяйства. Возьмем пример из хозяйства позднего средневековья. Крестьянин продавал часть своего хлеба в городе за деньги, а последние вносил в качестве оброка помещику-феодалу. Последний покупал за них у купца предметы роскоши, привозимые последним с Востока. Перед нами ряд сделок купли-продажи или денежного обмена, но нет обращения товаров в форме $T - D - T$. Крестьянин продает свой хлеб, но вырученные деньги отдает феодалу. За актом $T - D$ в хозяйстве крестьянина не следует акт $D - T$. Наоборот, феодал совершает акт $D - T$, но последний в его хозяйстве не является завершением акта $T - D$, ибо деньги феодал получил не от продажи продуктов своего хозяйства, а в качестве оброка от крестьянина, т. е. получил их в качестве феодала, а не товаропроизводителя. Феодалская форма производственных отношений между людьми создает особую форму обмена, [926] отличающуюся от формы $T - D - T$, характерной для товарного хозяйства с присущими ему производственными отношениями между людьми как товаровладельцами. Только в этой социальной форме $T - D - T$ обмен становится обращением товаров, и только «как посредник в процессе обращения товаров, деньги выполняют функцию средства обращения». [927] Обычно под функцией средства обращения понимают просто роль денег как орудия обмена. Теперь мы видим, что это неверно. Только при определенной социальной форме хозяйства (а именно товарной) и связанной с нею форме обмена (а именно $T - D - T$) деньги выполняют функцию средства обращения. «Деньги являются здесь средством *обмена товаров*; но это не средство обмена вообще, а средство обмена, характеризующее процесс обращения, т. е. *средство обращения*». [928] В другой же социальной среде, отличающейся другим характером производственных отношений между людьми, деньги могут служить орудием обмена, не

выполняя, однако, функции средства обращения в указанном смысле.

Итак, из определенного типа производственных отношений людей как товаровладельцев Маркс выводит определенную форму товарного обращения (Т – Д – Т), которая в свою очередь обуславливает специфическую функцию денег как средства обращения и определенную форму движения денег. Непрерывное, периодическое повторение процесса воспроизводства, организованного на началах товарного хозяйства, предполагает, что товаропроизводитель периодически производит товар, периодически бросает его в обращение, т. е. продает за деньги, и периодически же за вырученные деньги покупает продукты, необходимые ему для возобновления производства. Расходование денег товаропроизводителем в такой форме уже заранее предполагает, что процесс производства будет повторен, и вновь изготовленные товары будут опять проданы, а, следовательно, деньги в результате акта Т – Д вернутся обратно к товаропроизводителю, чтобы снова уйти от него в акте Д – Т. Иначе говоря, происходит периодическая пульсация денег, периодические приливы их в данное хозяйство и отливы из него. «Так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому должны быть постоянно снова брошены в обращение, то Т – Д – Т повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, израсходованные ими в качестве покупателей, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекачиваются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но одновременно описывают множество различных маленьких кругооборотов, исходя из бесконечно различных пунктов и возвращаясь к тем же пунктам, чтобы снова повторить то же самое движение». [929] Поскольку речь идет о простом, а не расширенном воспроизводстве, т. е. воспроизводстве в прежних размерах, к данному хозяйству периодически приливает и периодически же от него уходит одна и та же сумма денег (предполагая неизменившуюся стоимость товаров и денег).

Так как каждая продажа является одновременно покупкой, и обратно, то каждый прилив денег в данное хозяйство (в акте Т – Д) означает одновременный отлив той же суммы денег из других хозяйств (в акте Д – Т). Обратно, каждый отлив денег из данного хозяйства означает прилив их к другим хозяйствам. Иначе говоря, деньги постоянно переливаются из одних хозяйств в другие, задерживаясь в каждом на промежуток времени (то более короткий, то удлиняющийся) между моментом акта продажи Т – Д и моментом следующего за ним акта купли Д – Т. Деньги, следовательно, непрестанно движутся в процессе обращения, и именно в этой своей функции являются средством обращения. Если мы возьмем так называемое «народное хозяйство», [930] состоящее из определенного числа связанных между собою частных хозяйств, то при условии простого воспроизводства и отсутствия внешнего обмена, в данном народном хозяйстве циркулирует определенная сумма денег, постоянно переливающихся из одних хозяйств в другие и неизменно остающихся (за исключением снашиваемых монет) в данной сфере обращения. Только при форме товарного обращения Т – Д – Т сумма обращающихся денег представляет для данной сферы обращения определенную и постоянную (при неизменяющихся условиях) величину, анализ которой относится к количественной проблеме денег.

Характером товарного обращения в форме Т – Д – Т определяются основные особенности и денежного обращения: постоянное циркулирование денег в обращении, их периодические приливы к каждому хозяйству и, наконец, функция, выполняемая деньгами в каждом отдельном акте купли-продажи. Здесь мы подходим к своеобразной черте Марксова учения о деньгах, не обращавшей на себя достаточного внимания. *Процесс замены данного товара (холста) золотом (деньгами), а последнего другим товаром (библией) изображается Марксом как процесс*

изменения форм первого товара (холста). В этом и состоит центральная идея Марксовой теории «метаморфоза товара», для лучшего выяснения которой мы приведем несколько выдержек из Маркса.

Что мы наблюдаем непосредственно в акте купли-продажи? «Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 арш. холста и 2 фун. стерл., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга». [931] Но под эту внешнюю видимость замены одной вещи другою Маркс усматривает процесс изменения форм первой вещи. «Товар существует первоначально в виде особенной потребительной стоимости, затем сбрасывает это существование и приобретает в виде меновой стоимости, или всеобщего эквивалента, существование, освобожденное от всякой связи с его натуральным бытием; потом он сбрасывает также этот вид и, в конце концов, остается в виде действительной потребительной стоимости, предназначенной для отдельной потребности. В этой последней форме он переходит из сферы обращения в сферу потребления». [932] В кругообороте Т – Д – Т (холст – золото – библия) золото и библия являются не более, как формами, которые принимает холст. При продаже холста происходит «переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег». [933] «Тела товаров, потребительные стоимости, перескакивают на сторону денег, а душа их, меновая стоимость, переселяется в самое золото». [934] «Холст превращает свою товарную форму в свою денежную форму», которая «становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза, его обратного превращения в библию». [935] Во втором акте Д – Т (покупка библии) продолжается еще движение самого холста, но в превращенной форме денег; «вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении». [936] Весь процесс Т – Д – Т представляет собою превращение форм или метаморфоз первого товара, холста.

На первый взгляд это учение о метаморфозе товара не может не показаться странным и даже противоречащим действительности. Нам кажется, что золото в акте Т – Д заместило холст, а не является превращенною формою холста. Мы уверены, что одновременно с актом Т – Д, т. е. с продажей холста, последний выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления. Маркс же утверждает, что, хотя «потребительная плоть (холста. – *И. Р.*) выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления», [937] но холст как товар, или меновая стоимость, продолжает еще в виде золота свое движение в обращении. Только тогда, когда это золото, вырученное за холст, будет отдано за библию, холст действительно переходит из сферы обращения в сферу потребления.

Эти, на первый взгляд, не совсем понятные, утверждения Маркса о «перевоплощении» холста в золото и библию приобретают вполне реальный смысл с точки зрения его теории товарного фетишизма. Весь описанный Марксом процесс метаморфоза товара должен быть рассматриваем как движение производственных отношений людей, не совпадающее с движением вещей, хотя и тесно с ним связанное. С «вещной» точки зрения (т. е. с точки зрения движения вещей) не происходит, конечно, никакого воплощения холста в золото и библию, а просто холст замещается золотом, а последнее – библией. Но к иному выводу мы придем с точки зрения тех производственных отношений, носителями которых эти вещи являются. Наш товаровладелец произвел холст как товар с определенной меновой стоимостью, получающий уже в самом процессе производства определенную расценку в золоте. [938] Самим фактом производства холста товаровладелец уже вступает в известную производственную связь с другими товаровладельцами: он является претендентом на получение любых других потребительных стоимостей, равноценных его холсту. Меновая стоимость холста и является выражением этой возможности для его производителя вступить в такое производственное отношение обмена. Но пока речь идет только о возможности, о потенциальном

производственном отношении обмена. С момента продажи холста, т. е. обмена его на золото, потенциальное производственное отношение между данным товаровладельцем и другими активно проявляется: продукт его поглощается рынком, а он, как владелец золота, становится активным участником производственного отношения обмена. Покупкою библии он и реализует это производственное отношение. Одна и та же производственная связь между данным товаровладельцем и другими, основанная на факте производства им продукта (холста) как товара, [939] проходит через последовательные фазы: из потенциальной она превращается в активную, чтобы потом реализоваться. Единство этой производственной связи во всех ее фазах доказывается тем, что каждая предыдущая фаза необходимо предполагает последующую, а последняя невозможна без первой. *Преемственность разных фаз производственного отношения товаровладельцев отражается в преемственности вещей как носителей этих последовательных фаз.* [940] Так как в товарном обществе люди связываются через вещи, то каждой фазе производственного отношения людей соответствует особая социальная форма вещей: «товарная форма» (холст), «сбрасывание товарной формы» (золото) и «возвращение к товарной форме» (библия). [941] С другой стороны, поскольку разные фазы производственного отношения людей представляют собою известное единство, постольку материально различные носители этих фаз (холст, золото, библия) представляют собою лишь различные формы одной и той же стоимости.

Теперь нам становится понятным, почему с продажей холста холст как стоимость продолжает еще свое существование в виде денег и еще не выходит из сферы обращения. Разумеется, материальное тело холста с продажей его переходит из сферы обращения в сферу потребления. Но прекратилось ли уже производственное отношение, носителем которого был холст, а именно производственная связь между производителем холста и другими товаровладельцами, основанная на факте производства первым из них холста как товара для рынка? Это производственное отношение с продажей холста не только еще не прекратилось, но только теперь, так сказать, активно проявилось, получило общественно значимую форму. Значит, меновая стоимость холста как выражение этого производственного отношения продолжает еще существовать, будучи «прикреплена» или «овеществлена» в золоте. Только покупкою библии производитель холста реализует и одновременно прекращает свою производственную связь со всеми товаровладельцами, завязанную фактором производства холста. Поэтому только с покупкою библии холст как меновая стоимость выходит из сферы обращения в сферу потребления.

Если холст при продаже принимает форму золота, то, следовательно, золото представляет собою превращенную форму холста. *В обращении золото представляет собою всегда превращенную, или денежную, форму товаров.* Маркс усиленно подчеркивает эту мысль. Конечно, у источника своего производства золото вступает в обращение как простой товар, противостоящий другим и обмениваемый на них в акте непосредственной меновой торговли. [942] В таком акте золото и холст выступают в одинаковой социальной форме, и стоимость каждого из них выражается в другом. Но если отвлечься от этих пунктов вступления нового золота в обращение и взять последнее как непрерывно повторяющийся и продолжающийся процесс, то золото выступает уже не в качестве простого товара, а в качестве денег, т. е. товара, уже уравненного со всеми другими товарами. Здесь стоимость холста выражается односторонним образом, а именно только в золоте, стоимость же золота выражается не количеством холста, покупаемого за него, а может быть выражено только в совокупности всех товаров, т. е. в общем уровне цен. В каждый данный акт обращения золото вступает как превращенная форма какого-нибудь товара. Каждый товаровладелец (кроме золотопромышленника) может выступать в акте Д – Т в роли покупателя только при том

условии, если он предварительно уже продал свой товар и, следовательно, золото в его руках уже представляет собою «воплощение его отчужденного товара». [943] Наш товаровладелец может продать свой холст другому товаровладельцу только при том условии, если тот уже продал свой товар, напр[имер] пшеницу. Значит, в данный акт $T - D$ (продажа холста) золото вступает уже в качестве превращенной или денежной формы пшеницы. После совершения этого акта продажи холста то же золото становится превращенною формою холста до тех пор, пока оно не будет отдано за библию, и т. д. «Движение золота есть движение превращенного товара». [944]

На первый взгляд утверждение Маркса о характере золота как превращенного товара кажется нам столь же странным и непонятным, как и разобранное выше утверждение, что товар продолжает после продажи существовать в виде золота. Первое утверждение является выводом из последнего и, подобно ему, открывает нам свой смысл только при переводе с языка вещных отношений на язык производственных отношений людей. С вещной точки зрения, золотой рубль есть золотой рубль совершенно независимо от того, получен ли он в результате продажи пшеницы или железа; «в нем невозможно узнать, представляет ли он собою превращенное железо или превращенную пшеницу». [945] Но характер тех производственных отношений обмена, в которые вступит теперь на рынке владелец данного золотого рубля, в немалой степени зависит именно от того, получен ли им этот рубль от продажи пшеницы или железа. *Зависимость действий владельца золота, выступающего в акте $D - T$ в роли покупателя, от предшествующего акта $T - D$, в котором то же лицо являлось продавцом, и означает, что в акте $D - T$ золото выступает как превращенная форма определенного товара.* Это положение помогает нам уяснить себе механизм рыночного обмена.

Предположим, что мы в данный момент делаем как бы моментальный снимок с состояния рынка. Мы находим на одной стороне продавцов, владельцев товара, а < вставка карандашом > на другой – покупателей, владельцев денег. Последние выступают активными участниками обмена, они по своему выбору и, как кажется на первый взгляд, по своему произволу выбирают желательные им товары. Спрос, представленный имеющейся в руках у всех покупателей суммою денег (например, миллионом золотых рублей), кажется нам первичною и определяющею силою рыночного обмена. Будучи величиною определяющею, спрос, со своей стороны, является как бы совершенно неопределенным и с качественной и с количественной сторон. С качественной потому, что он представлен известною суммою однородных, абстрактных денежных единиц (рублей), из которых каждая может быть направлена на покупку любых товаров и, следовательно, не содержит в себе никаких признаков определенно направленного, конкретного спроса. С количественной потому, что сумма миллион рублей входит в рыночный оборот как готовая, данная заранее величина, происхождение которой нам [не]известно.

Изложенное представление о механизме рыночного обмена является в высшей степени односторонним и неправильным, вырывая из него одно звено (спрос) и отказываясь от анализа тех факторов, которыми оно в свою очередь определяется. Такой анализ прежде всего покажет нам, что сумма денег, представляющая в данный момент спрос со стороны покупателей, получена последними от предшествующей продажи изготовленных ими товаров. *Эта сумма денег, следовательно, представляет собою превращенную или денежную форму продукции товаровладельцев, выступающих в данный момент в роли покупателей.* [946] Теперешние акты купли $D - T$ являются дополнением к предшествующим актам продажи $T - D$, теперешний спрос определяется предшествующим процессом производства и с количественной, и с качественной стороны. Очевидно прежде всего, что размер спроса со стороны покупателей зависит от количества товаров или меновых стоимостей, предварительно произведенных и реализованных ими на рынке в предшествующих актах продажи $T - D$. Далее, характер и размеры производства каждого товаровладельца оказывают влияние и на качественную сторону спроса, им

предъявляемого к рынку. Это очевидно само собою, поскольку речь идет о спросе на средства производства, сырье, машины, вспомогательные материалы и проч. В зависимости от того, выручил ли данный товаровладелец свои деньги от продажи железа или пшеницы, он часть вырученных денег по необходимости направит на покупку тех или иных средств производства, необходимых для возобновления процесса труда. Остаток вырученной суммы он истратит на покупку средств потребления. Качество и количество покупаемых им средств потребления зависят прежде всего от величины указанной остаточной суммы, а величина эта, в свою очередь, определяется размерами и способом его производства.

Итак, размеры и характер спроса зависят от размеров и характера производства, акты купли Д – Т действительно являются дополнением к предшествующим актам продажи Т – Д, и золото, фигурирующее в актах Д – Т, представляет собою превращенную или денежную форму продукции, реализованной в актах Т – Д. На золотом рубле не заметно, есть ли он превращенное железо или превращенная пшеница, но дальнейшая судьба его зависит от этого в значительной мере. Тот же самый золотой рубль представляет для крестьянина его превращенную пшеницу, а после перехода его к ткачу – превращенный холст, далее превращенную библию и т. д. На блестящий, твердый, неизменяющийся золотой рубль кладется печать общественных производственных отношений, «носителем» которых он в данном случае является. И здесь, как в остальных частях своей теории, анализ Маркса под застывшими вещами вскрывает подвижно-динамические, текучие производственные отношения людей. Вещные экономические категории приобретают величайшую гибкость, отражая в себе всю многообразную и меняющуюся радугу социальных отношений людей.

Учение Маркса о функции денег в роли средства обращения, как и учение его о мере стоимости, обнаруживают свой глубоко социологический характер в том, что они предполагают как данное определенный тип производственных отношений между людьми как товаровладельцами. Общепринятое представление, будто золото выполняет функцию меры стоимости всюду, где перед актом обмена продукт мысленно приравнивается определенному количеству золота, и функцию средства обращения всюду, где они реально друг на друга обмениваются, – не применимо к Марксовой теории. С изложенной точки зрения золото выполняет обе указанных функции в любом акте случайного обмена, если только оно является общеупотребительным средством для сравнения и обмена разных продуктов (например, при денежном обмене у племен с преобладающим натуральным хозяйством, при случайном обмене в пределах общества с товарным хозяйством и т. п.). С точки же зрения Маркса, здесь может быть речь лишь о процессе возникновения и развития денег, но не о функциях, присущих им в регулярном процессе товарного производства. Здесь нет функции меры стоимости, ибо нет самой стоимости как регулятора производства. Здесь нет средства обращения, ибо нет товарного обращения как необходимой составной части процесса воспроизводства. Только там, где продукт заранее производится как товар и еще в процессе производства получает предварительную расценку в золоте, выражающую тот уровень цены, при котором сохраняется равновесие между данной отраслью производства и другими, – золото выполняет функцию меры стоимости. Только там, где за процессом производства неизменно следует процесс обращения в обеих его фазах (Т – Д и Д – Т), как необходимое условие для возобновления производства, – золото выполняет функцию средства обращения. Легко заметить, что обе указанных функции предполагают развитое товарное хозяйство, в котором производство заранее рассчитано на обмен (отсюда предварительная расценка товара и функция золота как меры стоимости) и, с другой стороны, обмен является лишь промежуточным этапом всего процесса воспроизводства (отсюда метаморфоз товара и функция золота как средства обращения).

[VIII.] Деньги как сокровище

Если обращение товаров в форме Т – Д – Т совершается более или менее непрерывно, и за каждым актом продажи Т – Д быстро следует дополняющий его акт купли Д – Т, деньги быстро переходят из рук в руки и выполняют функцию средства обращения. «Как только прерывается ряд метаморфоз (товара. – *И. Р.*), и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за нею куплей», [947] деньги остаются надолго в руках продавца, выполняя функцию сокровища.

Исторически собирание сокровищ возникло очень рано. Еще до того, как благородные металлы стали деньгами, они уже охотно накапливались как конкретный предмет потребления (т. е. предмет роскоши), по своей прочности наиболее пригодный для сохранения богатства. По мере развития обмена и денег накопление благородных металлов означает уже концентрацию в руках их владельца не только прочных и высокоценных предметов потребления, но «абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности». [948] Только с этого момента можно говорить о сокровище не в смысле совокупности конкретных полезных предметов, а в смысле «общественной силы», концентрированной в руках «частного лица», [949] владельца определенных предметов (золота). При продолжающемся господстве рабского или феодального хозяйства деньги, конечно, еще не являются единственной «общественной силой», как члены общества еще не являются «частными лицами», относящимися друг к другу как независимые друг от друга и равноправные товаровладельцы. Члены общества еще связаны между собою отношениями феодального господства, крепостного права и т. п. Но если владелец денег вынужден считаться с князем или феодалом-помещиком, то, с другой стороны, в силу той же отсталости общественных отношений он обладает тем б?льшим преимуществом по сравнению с владельцем потребительных стоимостей при условии равенства социального положения обоих. Именно преобладание натурального хозяйства и недостаточное развитие обмена делают невозможным и, в лучшем случае, проблематичным превращение любой потребительной стоимости в деньги. [950] Тем сильнее стремление продавца задержать вырученные деньги в качестве сокровища, в качестве общественной силы, которая, правда, еще не заменяет всех других общественных связей, но уже успешно их пополняет, корригирует и понемногу разлагает. Описывая распространенный на Востоке (особенно в Индии) обычай собирания сокровищ, Адольф Вагнер говорит: «Для массы “маленьких” людей сокровище выполняет роль сберегательной кассы на случай нужды, дороговизны, для обеспечения существования... Для богатых, аристократии, князей сокровище служит средством социального и политического господства, а именно для того, чтобы делать подарки, [951] оплачивать услуги, содержать слуг, вести войны, платить налоги и т. п.» [952] В античном и феодальном обществе «профессиональный собиратель сокровищ» часто превращается в ростовщика и своею деятельностью содействует еще б?льшему разложению хозяйственных форм, присущих этим обществам. [953]

В развитом товарном обществе образование сокровищ является одною из нормальных, постоянных и необходимых функций товарного обращения. Если, с одной стороны, последнее предполагает непрерывность кругооборота Т – Д – Т, то, с другой стороны, оно же разрывает этот кругооборот на два акта Т – Д и Д – Т, создавая возможность и подчас даже необходимость длительной отсрочки второго акта. Каждый товаровладелец должен выступать попеременно в роли продавца и покупателя, но вместе с тем должен часть вырученных от продажи денег на время задержать у себя, не пуская их в обращение. Как мы видели выше, товаропроизводитель затрачивает вырученные от продажи деньги на покупку средств потребления и средств производства. Для обеих этих целей он должен подчас задержать деньги у себя в виде резервного фонда или сокровища.

Товаропроизводитель совершает продажи своих продуктов периодически, по окончании каждого процесса производства. Периоды продаж, следовательно, обусловлены периодами

производства. Крестьянин, например, продает большую часть продуктов ежегодно осенью, в промышленности периоды производства короче, но для каждого товаропроизводителя они представляют данную величину. Затраты же последнего на средства потребления зависят от характера разных потребностей и их периодического повторения. [954] На некоторые потребности (напр[имер] пищу) затраты делаются периодически, чаще, чем кончается процесс производства, на другие потребности (напр[имер] одежду, жилище) – реже. Значит, после окончания процесса производства и продажи изготовленной партии товаров, товаропроизводитель должен из вырученных денег сохранить у себя: 1) сумму, необходимую для постепенного израсходования на средства потребления (пищу) в продолжение ближайшего периода производства, и 2) соответствующую сумму для постепенного накопления фонда, подлежащего израсходованию единовременно, по истечении нескольких периодов производства. Если процесс производства продолжается три месяца, а производитель возобновляет свое платье раз в год при затрате в 200 руб., то из сумм, вырученных от продажи продуктов каждого периода производства, должна быть отложена для этой цели сумма в 50 руб.

Такие же резервные формы должны быть отложены из сумм, предназначенных для покупки средств производства в широком смысле слова. Если заработная плата выплачивается рабочим еженедельно, а основной капитал (машины) возобновляется по истечении пяти лет, то после каждого периода производства, продолжающегося три месяца, капиталист должен отложить в резервный фонд: 1) сумму, равную 12-кратной сумме еженедельно выплачиваемой заработной платы, и 2) сумму, равную 1/20 части стоимости изнашиваемых машин. В капиталистическом хозяйстве, где основной капитал достигает огромных размеров, такие суммы, откладываемые на его «амортизацию» или погашение, весьма значительны. В простом товарном хозяйстве разница в периодах расходования различных сумм на средства производства не столь велика, но все же имеется. Поэтому и в простом товарном хозяйстве также необходимо накопление известных, хотя бы и не столь обширных, резервных фондов как для целей потребления, так и для целей производства. Еще более глубокое различие между простым товарным и капиталистическим хозяйством существует в самом способе накопления резервных фондов. При наличии развитой кредитной, в частности банковской системы, о «накоплении» сокровищ можно говорить только в переносном, а не буквальном смысле слова. [955] Товаропроизводитель не «накопляет» у себя резервных сумм, а отправляет их в банк, который пользуется их временным бездействием для выдачи их в ссуду другим товаропроизводителям, нуждающимся в данный момент в наличных деньгах. Но в теории денег Маркс отвлекается от наличия кредитной системы и предполагает действительное накопление, т. е. сохранение каждым товаропроизводителем определенной суммы денег, служащей в качестве резервного фонда.

Итак, если даже мы предположим, что всю сумму денег, вырученную от продажи товаров, товаропроизводитель намерен израсходовать без остатка на покупку средств потребления и средств производства, все же часть этих денег будет временно задерживаться в его руках в качестве резервного фонда. Некоторая часть этих денег будет постепенно расходоваться им в ближайшее же время и поэтому составляет его «кассовую наличность». Это – «монетный резервный фонд» [956] или временно «задержанная монета», которая, хотя в данный момент и не расходуется, но в сущности не выходит из сферы обращения. Этот «монетный резервный фонд» может рассматриваться, как «составная часть денег, постоянно находящихся в обращении», [957] и потому не является сокровищем в смысле «денег», противопоставляемых «монете», т. е. изъятых из сферы обращения. <Конец последнего предложения отчеркнут на полях карандашом.> Такую роль «денег», изъятых из обращения, выполняют денежные суммы, которые подлежат израсходованию на средства потребления и средства производства только через более или менее длительный промежуток времени (например, после изнашивания

основного капитала) и потому временно выходят из «потока обращения», оседая или «застывая» в качестве сокровища. Это «резервный фонд покупательных средств», образование которого является необходимым следствием функции денег в качестве покупательного средства, т. е. средства обращения. По мере распространения сделок в кредит и платежной функции денег, товаропроизводитель должен также постепенно накапливать суммы, необходимые для уплаты его долгов к определенному сроку. Возникает «резервный фонд платежных средств», основанный на функции денег в качестве платежного средства. Оба резервных фонда (покупательных и платежных средств) образуют сокровище или «денежный резервный фонд» в отличие от упомянутого «монетного резервного фонда». [958]

До сих пор мы предполагали, что деньги, извлекаемые временно из обращения в качестве резервного фонда, в определенный момент должны быть опять брошены в обращение. Иначе говоря, мы предполагали, что в конечном счете все деньги, выручаемые товаропроизводителем от продажи продуктов, затрачиваются на покупку других продуктов. Возможно, однако, что часть этих денег товаропроизводитель задерживает у себя с намерением вообще не пускать их больше в обращение. В таком случае мы имеем дело уже не с временным (кратковременным при монетном резервном фонде и более длительным при денежном резервном фонде) перерывом между актами $T - D$ и $D - T$, но все обращение заканчивается на акте $T - D$, за которым второй акт, покупка $D - T$, вовсе не следует. Деньги, вырученные от продажи $T - D$, превращаются в сокровище, которое мы в отличие от денежного резервного фонда можем обозначить как «накопляемое сокровище». Это и есть накопление сокровищ в точном <в рукописи здесь правка: «точном», затем «узком», затем «тесном», исправлено на «точном» как наиболее подходящим по смыслу> смысле слова.

Рассмотрим теперь, при каких технических и социальных условиях производства возможно такое накопление сокровищ как более или менее постоянное явление. Для того чтобы товаропроизводитель мог задержать в виде накапливаемого сокровища часть денежной выручки от продажи продуктов, необходимо, чтобы эта выручка оставляла ему некоторый излишек сверх суммы, требующейся на покупку средств потребления и средств производства. Сократить покупку средств производства товаропроизводитель не может, так как неизбежным следствием этого явится сокращение размеров будущего производства и, следовательно, уменьшение будущей выручки, или дохода. Правда, товаропроизводитель может сократить свои потребности и уменьшить расходы на покупку средств потребления. Такое сокращение личного потребления, действительно, широко практикуется в крестьянском и ремесленном хозяйстве, но ограничено, конечно, узкими рамками. Чаще всего «экономия» на личном потреблении, характеризующая первые стадии накопления сокровищ в докапиталистическую эпоху, заключается не столько в сокращении личного потребления, сколько в отказе от его расширения, возможного при данном уровне развития производительных сил. Производительность труда товаропроизводителя достигла уже такого развития, при котором продажная цена его продуктов оставляет излишек за покрытием расходов по покупке обычных предметов потребления и необходимых средств производства.

Технические условия производства допускают, следовательно, возможность расширения личного потребления, но социальная форма процесса производства, а именно развитие денежного обмена и «общественной силы» денег, побуждает товаропроизводителя задержать эти деньги в виде сокровища. Таким образом, положительными условиями накопления сокровищ в описанной примитивной форме являются: известный уровень развития производительности труда и развитие денег как «абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности» [959] и потому всегда желательной товаровладельцу. Благодаря первому условию товаропроизводитель после продажи продуктов и

покрытия необходимых расходов получает известный денежный излишек, второе условие побуждает его к отказу от затраты этого излишка на расширение личного потребления; в итоге денежный излишек сохраняется в качестве «накопляемого сокровища». Накопление сокровищ, принимающее постоянный характер, показывает, что хозяйство данного товаропроизводителя уже переросло пределы, диктуемые необходимостью удовлетворения личных потребностей его и его семьи. «В действительности накопление денег ради денег представляет собой варварскую форму производства ради производства, т. е. развития производительных сил человеческого труда за пределы традиционных потребностей». [960]

В капиталистическом хозяйстве накопление сокровищ превращается в накопление капитала и совершенно изменяет свой характер. Свой добавочный доход капиталист, как и собиратель сокровищ, не затрачивает (или затрачивает лишь в незначительной мере) на расширение личного потребления, а «накапливает» (так называемая «накопляемая часть прибавочной стоимости», в отличие от ее «потребляемой» части). Но в отличие от собирателя сокровищ он не извлекает этих добавочных денег из обращения, а опять пускает их туда: он либо расширяет свое производство, т. е. закупает новые средства производства и рабочую силу, либо отдает деньги, обычно через посредство банков, в ссуду другим капиталистам для расширения их производства. Даже на тот короткий срок, пока эти деньги не могут быть пущены в дело, он не держит их у себя, а отправляет на свой текущий счет в банк, получая за это соответствующий процент. Современная банковая система дает капиталисту возможность сохранить за собою «общественную силу», предоставляемую деньгами (а именно возможность выступить в любой момент активным участником производственного отношения обмена), не сохраняя у себя самих денег. Капиталист концентрирует в своих руках социальную «власть денег», не удерживая в своих руках самих вещей, обладающих свойствами денег. Но на примитивных стадиях развития концентрация социальной «власти денег» в руках отдельных товаропроизводителей – при присущем товарному хозяйству «овеществлении» производственных отношений людей – возможна только в форме реальной концентрации вещей – денег (золота). «Для варварски примитивного товаровладельца, даже, напр[имер], для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает с накоплением стоимости». [961] Предметом накопления являются, так сказать, «деньги в натуре», в виде золотых и серебряных монет или слитков, могущих быть превращенными в монеты. На Востоке широко распространен обычай зарывания денег в землю, [962] в Европе прятали деньги в «кубышки», «чулки» и т. п. Эта примитивная форма накопления сокровищ была широко распространена в докапиталистический и на ранних ступенях капиталистического периода и еще до сих пор встречается в кругах мелкой буржуазии, особенно крестьянства.

Наряду с накоплением сокровищ в виде монет и слитков существует накопление «сокровищ в эстетической форме», в виде золотых и серебряных товаров, конкретных предметов потребления и роскоши (сосуды, украшения и т. п.). То обстоятельство, что эти предметы сделаны из того же материала, который служит в качестве денег, выделяет их из круга прочих предметов потребления. Хотя в своей непосредственной форме они представляют собою конкретные предметы потребления, но, во-первых, они в любой момент могут быть превращены в деньги, и, во-вторых, употребление их в качестве потребительных стоимостей служит наиболее ярким и наглядным показателем общественной власти денег, концентрированной в руках их владельца. «Если на известных ступенях производства товаровладелец скрывает свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он чувствует влечение явиться перед другими товаровладельцами в качестве *ricco hombre* ([исп. -] богача). Он старается позолотить себя и свой дом». [963] Если в крестьянской и вообще мелкобуржуазной среде часто

встречаются типы «скупых», собирающих свои сокровища кирпич за кирпичиком, ценою отказа себе в самом необходимом, то на дальнейших стадиях развития буржуазии являются затраты на предметы роскоши. В спокойные времена в кругах средней буржуазии вырабатываются своего рода нормы роскоши: стыдно иметь меньше золотых вещей, чем сколько принято иметь в данном социальном кругу, но вместе с тем зазорно выставлять напоказ чрезмерное количество предметов роскоши, явно не соответствующее имущественному положению данной семьи. Резкое превышение нормы превращает употребление драгоценных вещей из формы собирания сокровища в признак расхищения наличных сокровищ, в «мотовство», «расточительность». Такое чрезмерное употребление предметов роскоши обычно распространено в кругах быстро разбогатевшей буржуазии, среди выскочек – «нуворишей» (новых богачей). Если на переломе от феодализма к капитализму мелкая и средняя буржуазия ведет «пуританский» [964] образ жизни и резко осуждает феодальное дворянство за мотовство и расточительность, то быстро разбогатевшие верхи буржуазии стараются затмить последнее блеском своего образа жизни. [965]

Золото, изъятое из обращения в той или иной форме (монетный резервный фонд, денежный резервный фонд, накапливаемое сокровище, сокровище в эстетической форме), не отделено непроходимую границу от золота, находящегося в обращении. Повседневно золото переходит из сферы обращения в форму сокровища и обратно. Если оба процесса уравнивают друг друга, количественное соотношение между золотом, находящимся в обращении, и сокровищем остается без перемены. Если для сферы обращения требуется больше денег (например, вследствие увеличения товарных оборотов или повышения товарных цен), часть золота из формы сокровища вливается в сферу обращения. Обратное, т. е. увеличение сокровища, имеет место при противоположных условиях. Таким образом, сокровище выполняет роль резервуара, из которого сфера обращения получает необходимое ей добавочное количество денег и куда она выбрасывает излишнее количество денег. Таким образом достигается приспособление количества денег, находящихся в обращении, к потребностям товарного обращения, и деньги «никогда не переполняют каналов самого обращения». [966] При металлическом обращении количество находящихся в обращении денег автоматически регулируется действием стихийного механизма денежного обращения.

Связь между сокровищем и сферой обращения носит, однако, неодинаковый характер для различных частей золота, изъятого из обращения. Монетный резервный фонд постоянно притекает в обращение и, собственно говоря, может рассматриваться, как находящийся постоянно в сфере обращения. Денежный резервный фонд притекает в обращение в сроки, определяемые его характером и назначением (например, когда изнашивается машина или наступил срок платежа). Накопленное сокровище (в капиталистическом хозяйстве – банковские резервы) приливает частично в сферу обращения обычно в моменты усиленной потребности последней в деньгах, напр[имер] в моменты наивысшего подъема конъюнктуры, когда увеличивается количество обращающихся товаров и одновременно повышается их цена. Наконец, наиболее отдаленная и слабая связь соединяет сферу обращения с сокровищем в эстетической форме, т. е. золотыми и серебряными товарами. Только в периоды общественных бурь, войн, революций и т. п. подобные предметы роскоши в значительных размерах превращаются в деньги. [967]

Переход золота из формы сокровища в сферу обращения и обратно означает перемену его социальной функции или формы, причем натуральная форма его в большинстве случаев остается неизменною. Те же самые золотые монеты могут служить сегодня средством обращения, завтра резервным фондом, а после этого накапливаемым сокровищем. Поскольку последнее состоит не из монет, а из золотых и серебряных слитков, последние могут в той же

форме слитков войти в сферу международного обращения, или же легко могут быть перечеканены в монету для нужд внутреннего обращения. Такой же перечеканке легко подвергаются, в случае надобности, и золотые и серебряные товары. Эта способность благородных металлов переходить из монетной формы в форму слитков, из последней в форму предметов роскоши и обратно – делает их материалом, в высшей степени пригодным для выполнения функции «денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую». [968]

Выводы Маркса о функции денег как сокровища относятся преимущественно к той примитивной форме накопления сокровищ, которая соответствует условиям простого товарного хозяйства. Они дают нам поэтому сравнительно мало материала для понимания экономической функции и характера сокровища в условиях капиталистического хозяйства с его высоко развитой и в высшей степени сложной кредитной системой. Но, с другой стороны, указанные выводы Маркса дают нам крайне интересный социологический материал, который обычно не обращал на себя внимания и на котором необходимо поэтому остановиться подробнее.

Выше, в главе о средстве обращения, мы видели, что деньги выполняют определенную функцию (средства обращения) лишь при наличии известных производственных отношений между товаровладельцами (выполняющими попеременно роли продавца и покупателя) и известной формы товарного обращения (кругооборота $T - D - T$). Теперь мы должны показать ту же связь между различными социальными явлениями (производственными отношениями людей, формами товарного обращения и функциями или формами денег) и на примере функции денег как сокровища. Выше было уже отмечено, что деньги превращаются в сокровище «благодаря тому, что товар прерывает процесс своего метаморфоза» и «продажа не переходит в покупку» [969], сlvii. Происходит разрыв между $T - D$ и $D - T$ и, следовательно, изменяется самый характер товарного обращения. «Вместе с тем *деньги* окаменевают в виде *сокровища*, и *продавец товаров* становится *собирателем сокровищ*». [970] Перед нами процесс одновременного и параллельного изменения социального характера *людей, товаров* и *денег*. Посмотрим, в чем заключается изменение производственных отношений людей, т. е. чем отличается позиция собирателя сокровищ в общественном производственном процессе от позиции товаровладельца, не накапливающего сокровищ.

Функция денег как средства обращения в непрерывном кругообороте $T - D - T$ предполагала, что каждое частное хозяйство покупает продукты на всю ту сумму денег, на которую оно предварительно продало своих собственных продуктов, т. е. предполагала равновесие между производством и потреблением каждого частного хозяйства. Накопление же сокровищ данным товаровладельцем начинается именно тогда, когда нарушается равновесие между его производством и потреблением, когда первое превышает размеры последнего, когда в обращение бросается больше товаров (т. е. на большую сумму меновой стоимости или денег), чем извлекается оттуда же в виде товаров, а вся разница извлекается из обращения в виде денег и сохраняется как сокровище. «Владелец товаров, который теперь стал собирателем сокровищ, должен возможно больше продавать и возможно меньше покупать». [971] Преобладание производства над потреблением означает изменение позиции, занимаемой данным частным хозяйством в совокупном общественном процессе производства; изменение количественного соотношения между продажами и покупками означает качественное изменение производственных отношений, связывающих данного товаровладельца с другими.

Итак, когда собиратель сокровищ продает свой товар, [972] этот его акт продажи $T - D$ с внешней стороны как бы ничем не отличается от аналогичных актов продажи, совершаемых товаровладельцами, не накапливающими сокровищ. Но по существу между ними глубокая разница. Товаровладелец, как участник кругооборота $T - D - T$, продает свою продукцию, которая после

этого в измененной форме (т. е. после продажи ее и покупки на вырученные деньги средств потребления и средств производства) им же потребляется, [973] поэтому вслед за социальной ролью продавца он выполняет роль покупателя. Собиратель же сокровищ продает товар на сумму, составляющую превышение его производства над потреблением; он выступает в односторонней социальной роли продавца и одновременно собирателя сокровищ. [974] Акт продажи Т – Д, выступая в изолированном виде, отличается от акта продажи Т – Д, входящего в непрерывный кругооборот Т – Д – Т, не только условиями своего происхождения и объективным результатом, но и своим субъективным движущим мотивом. В кругообороте Т – Д – Т продажа совершается именно ради следующей покупки и, следовательно, имеет целью замену одной потребительной стоимости Т1 через посредство денег Д другую потребительную стоимость Т2. Конечная цель кругооборота Т – Д – Т лежит в потреблении. При накоплении же сокровищ продажа Т – Д совершается не с целью получить деньги для покупки, а исключительно для того, чтобы превратить Т в Д, получить вместо товара его денежный эквивалент. «Товар продается не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью» [975] . Как видим, превращение денег из средства обращения в сокровище предполагает целый комплекс социальных явлений, представляющий собою одновременное и параллельное изменение соотношения между производством и потреблением, производственных отношений товаровладельцев, движущих мотивов обмена, форм товарного обращения и функций или форм денег.

На первый взгляд может показаться, что конечную причину перехода от кругооборота Т – Д – Т к накоплению сокровища является изменение движущих мотивов товаропроизводителя, участвующего в обмене. Такое понимание, которое ищет конечной причины изменения экономических явлений в психике хозяйствующих лиц, как нельзя более чуждо Марксу. Верный методу исторического материализма, Маркс и в данном случае с силой подчеркивает, что самый факт появления у участников обмена нового типа хозяйственной мотивации является результатом изменившихся производственных отношений людей. Стремление превратить товар в деньги может сделаться самостоятельным мотивом обмена только при том условии, если уже произошло обособление денежной формы продукта от его товарной формы, если товаровладельцы своими действиями уже придали одному товару характер денег, обладающих способностью всеобщей непосредственной обмениваемости. «Жажда обогащения, в отличие от страсти к особенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, каковы платья, украшения, стада и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализировалось в виде особого предмета и потому может быть сохранено в виде единичного товара. Деньги, следовательно, являются настолько же предметом, как и *источником жажды обогащения*». [976] Если жажда обогащения является уже результатом появления денег, то, обратно, последнее необходимо рождает новый движущий мотив обмена, стремление обменять товар на деньги с целью накопления сокровища. «Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни *необходимость и страстное стремление* удерживать у себя продукт первого метаморфоза, превращенную форму товара, или его денежную куколку». [977] <Пометка на полях к следующему предложению: «Выбросить».> «Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота». [978] «Благодаря одному тому *факту*, что товаровладелец может удержать товар в его форме меновой стоимости или самое меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенной форме золота становится *мотивом* самого обращения». [979] Новые экономические «факты» рождают новые экономические «мотивы», общественное *действие* товаропроизводителей, имеющее своим результатом

появление денег, вызывает к жизни и новый тип хозяйственной *мотивации* .

Этот новый тип хозяйственной мотивации заключается в том, что товаровладелец вступает в обмен уже не с целью получить «пропитание», заменить одну потребительную стоимость другою, как в кругообороте $T - D - T$, но с целью получить и сохранить денежную форму своего товара. Он хочет только совершить «перемену формы», а именно придать своему продукту другую социальную форму (денежную), а себе самому другой социальный характер, характер субъекта «общественной власти денег», обладающего способностью выступать в любой момент активным участником производственных отношений обмена. Накопление сокровищ пробивает первую брешь в простом товарном (ремесленном и крестьянском) хозяйстве, основанном «на идее пропитания». Целью хозяйства становится меновая стоимость сама по себе, а не как средство приобретения потребительной стоимости. «В сущности в основе здесь лежит тот факт, что целью становится меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение». [980] Это стремление к умножению меновой стоимости обще собирателю сокровищ с капиталистом. [981] Но между ними существует глубокая разница. Последний при наличии развитого капиталистического хозяйства и, в частности, класса наемных рабочих имеет возможность увеличивать свою стоимость, бросая ее в обращение. Формулой движения капитала является $D - T - C - (D + d)$, т. е. «самовозрастание» стоимости в процессе обращения (включающем в себя и процесс производства). В докапиталистическую же эпоху собирателю сокровищ остается только другой путь умножения меновой стоимости: повторять акты продажи $T_1 - D_1$, $T_2 - D_2$, $T_3 - D_3$ и т. д., удерживая в своих руках денежные суммы и постепенно прибавляя их друг к другу. Вместо «самовозрастания» стоимости здесь возможна только ее «аккумуляция» в буквальном смысле слова, т. е. накопление или прибавление одной суммы к другой: $D_1 + D_2 + D_3$ и т. д. В то время как капиталист бросает деньги в обращение, собиратель сокровищ «спасает» их от обращения, задерживая их у себя и препятствуя им выполнять функцию средства обращения.

Не значит ли это, что деньги в качестве сокровища вообще не выполняют никакой социальной функции, что тезаврирование денег, особенно в форме зарывания в землю, вырывает их из сети общественных связей и означает полное, хотя и временное, прекращение их социальных функций? Некоторые экономисты и полагают, что сокровище выполняет особую «экономическую функцию» только с того момента, когда оно выдано его владельцем в ссуду другому лицу, [982] но не в то время, когда оно изъято из обращения. Маркс предвидел это сомнение и дал на него ответ. Как всегда, внимание его направлено не на золото, зарытое в землю, а на общественное производственное отношение, носителем которого оно является. «Сокровище представляло бы собою только бесполезный металл, его денежная душа отлетела бы от него, и оно осталось бы как потухший пепел обращения, как его *sarut mortuum*, если бы оно не находилось в состоянии постоянно напряженного стремления к обращению». [983] Эта мысль Маркса, выраженная в метафорической форме, становится понятною в свете его учения об овеществлении производственных отношений людей. Эти общественные отношения и составляют «душу» вещей, которые без них превращаются в «потухший пепел», в «тело» без «общественного *nervus rerum*». [984] В товарном хозяйстве «общественная сила», заключающаяся в возможности устанавливать производственные отношения обмена, принадлежит лицу как владельцу «внешней вещи, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица». [985] Именно для концентрации в своих руках этой общественной силы товаровладелец и вырывает золото из общественной связи процесс а обращения. «Общественное богатство как скрытое под землю, непреходящее сокровище ставится в совершенно скрытое частное отношение к товаровладельцу». [986] «Общественная связь в своей компактной (уплотненной) форме – для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватною формою товара являются

деньги – предохраняется от общественного движения». [987] Зарывая сокровище в землю, собственник его, однако, не вырывает себя из сети общественных связей, соединяющей его со всем обществом товаропроизводителей. Отказывая себе в самом необходимом и ведя образ жизни анахорета, он никоим образом не является анахоретом, убежавшим в пустыню от людей. Собственник золота, хотя бы и зарытого в землю, не перестает быть обладателем общественной силы, носителем которой золото является. Сила эта находится в потенциальном состоянии и при наступлении благоприятных условий активно проявляется: собиратель сокровищ превращается тогда в ростовщика, торговца или промышленного капиталиста. Но и до этого момента он, при всем своем кажущемся асоциальном характере, на самом деле представляет собою определенный социальный тип. Свое сокровище он получает посредством известных общественных действий, а именно ряда повторных актов продажи, не дополняемых актами купли. [988] Он постоянно стремится к повторению этих действий. Цитированные слова Маркса о том, что сокровище находится «в состоянии постоянно напряженного стремления к обращению», относятся, конечно, к собирателю сокровища. Само сокровище может быть зарыто в землю, но его «денежная душа, его постоянное стремление к обращению» [989] продолжает жить в его собственнике, как стремление к постоянному повторению актов продажи и накопления.

Эту тенденцию накопления к повторяемости или «безграничный характер» накопления Маркс выводит опять-таки из социальной природы денег как объекта накопления. «Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, является средством купли с ограниченной покупательной способностью. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления». [990] «Образование сокровищ не имеет, следовательно, в самом себе никакой присущей ему внутренней границы, никакой меры, но есть бесконечный процесс, который в каждом достигнутом им результате находит *мотив своего начала*». [991] Социальная природа денег как всеобщего эквивалента не только вызывает к жизни накопление денег как новый движущий мотив обмена, но и постоянно поддерживает этот мотив в действии. Она создает *тенденцию к повторяемости актов накопления и к закреплению его движущих мотивов*. Повторение и закрепление определенного типа хозяйственной мотивации накладывает свою печать на всю *психику* собирателя сокровищ. Повторность актов накопления делает из их субъекта определенный социальный тип или *экономический характер*.

Маркс несколькими штрихами рисует психологию собирателя сокровищ, исполненную противоречий и не раз служившую предметом изображения в литературе. Собиратель сокровищ «интересуется богатством только в его общественной форме и потому зарывает его от общества. Он стремится к товару в его постоянно пригодной для обращения форме и потому извлекает его из обращения. Он грезит о меновой стоимости и потому отказывается от обмена». [992] В основе этого противоречия лежит противоречие между «функциональным» и «материальным» существованием денег, между общественным производственным отношением и его вещным носителем: необходимость удержать вещь в своем «частном» обладании, чтобы иметь возможность выступать субъектом «общественных» отношений, и придает накоплению сокровищ его основанный на противоречиях характер.

Повторность актов накопления и свойственных им движущих мотивов делает из их субъекта определенный социально-экономический тип. В этом отношении социальная роль собирателя сокровищ отличается от социальной роли простого товаровладельца, участвующего в

кругообороте Т – Д – Т. Покупатель или продавец в кругообороте Т – Д – Т совершает определенный «общественный акт» или выполняет «экономическую функцию». [993] Но выполнение функции данного рода (напр[имер] продавца) уже предполагает в этом случае необходимость выполнения тем же лицом функции противоположного рода (т. е. покупателя). Каждое лицо выполняет попеременно различные функции. «Следовательно, купля и продажа представляют не прочно фиксированные функции, но функции, постоянно меняющиеся в процессе товарного обращения тех индивидуумов, которыми они выполняются». [994] В отличие от таких «мимолетных ролей, выполняемых попеременно одними и теми же деятелями обращения», имеются экономические роли, которые «обнаруживают способность к более прочной кристаллизации», [995] т. е. закрепляются за отдельными лицами, становясь их специальной экономической функцией и накладывая на них постоянную печать. В одной из первых глав мы показали, что противоположность между покупателем и продавцом представляет собою первую, зачаточную форму социальной дифференциации между товаровладельцами. Но то была лишь дифференциация экономических функций без дифференциации индивидуумов, так как каждый товаровладелец выполнял попеременно и кратковременно обе функции. Но поскольку экономическая функция создает тенденцию к повторению именно действий данного рода и вытеснению действий противоположного характера, она делает из данного субъекта определенный социально-экономический тип. Такою именно способностью к кристаллизации отличается в высокой степени накопление сокровищ с его тенденцией к закреплению определенного типа хозяйственной мотивации и к повторению данных действий. Накопление сокровищ создает таким образом «профессионального собирателя сокровищ», *дифференциация экономических функций закрепляется как дифференциация индивидуумов*. Данное производственное отношение товаровладельцев или – что то же самое – их общественное действие, создавая условия своего постоянного воспроизводства и повторения одними и теми же лицами, накладывает известную печать как на лиц, участников действия, так и на вещи, фигурирующие в качестве связующего звена между лицами. Накопление сокровищ, как ряд повторяющихся действий, «фиксируется» или «кристаллизуется»: 1) в функции денег как сокровища и 2) в социальном типе собирателя сокровищ со свойственным ему психическим укладом. Социальный характер действий людей определяет социальный тип этих людей и их психику, с одной стороны, и социальную форму вещей, с другой. Дифференциация экономических функций (т. е. производственных отношений) приводит к дифференциации экономических характеров лиц, с одной стороны, и экономических вещных категорий, с другой. Превращение простого товаропроизводителя в собирателя сокровищ представляет первый шаг на пути от общества равных товаропроизводителей к обществу капиталистическому с его глубокой дифференциацией лиц, выражающеюся в классовом делении общества.

Переход от «мимолетной роли» покупателя или продавца к «кристаллизованной» роли собирателя сокровищ находит себе интересную параллель в переходе от «мимолетной» функции денег как средства обращения к их «застывшей», «кристаллической» функции сокровища. Маркс проводит резкое различие между «деньгами в их текучей форме» и деньгами «как кристаллическим продуктом обращения». [996] К первым относится средство обращения, к последним – сокровище, как и платежное средство. Для пояснения разницы между ними Маркс часто прибегает к образному сравнению их с процессом кристаллизации и вообще с процессами перехода тела из жидкого состояния в твердое. Средство обращения противопоставляется сокровищу, как «текучая форма богатства» «его окаменелости». [997] «Чтобы деньги постоянно текли в качестве монеты, монета должна постоянно застывать [998] в качестве денег». [999] «Средство обращения застывает (erstarrt) в деньги». [1000] Переход средств обращения в сокровище характеризуется, как «застывание» (Erstarrung); сокровище же при обратном переходе

в обращение «разливается» (ergießen). [1001] Конечно, в данном случае все эти сравнения навязывались Марксу уже одним тем фактом, что золото в качестве средства обращения действительно движется или «течет», а в качестве сокровища при примитивной форме накопления действительно лежит неподвижно, «застывает». Но нельзя не обратить внимания, что те же сравнения употребляются Марксом и в тех случаях, когда не может быть никакой речи о действительной иммобилизации какой-нибудь реальной вещи. «Кристаллизация» означает у него чаще всего длительное закрепление за вещь определенной социальной формы или за лицом – определенного социального характера. Поэтому, надо думать, Маркс относит средство обращения к «текучей» форме денег не только потому, что вещь, выполняющая эту функцию, действительно движется, но и потому, что соответствующие [эко]номические функции продавца или покупателя нося[т] «мимолетный» характер, будучи выполняемы кратко[временно] и попеременно разными лицами». [1002] Сокровище же о[тно]сится к «застывшим», «кристаллическим» формам денег не только потому, что оно лежит неподвижно в земле или в кубышке, но и потому, что соответствующая экономическая функция собирания сокровищ имеет тенденцию «кристаллизироваться» или длительно закрепляться за определенным индивидуумом. И здесь, как [и] в других частях Марксовой системы, различие социальной формы вещей отражает различие общественных производственных отношений людей.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Фонд 374. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 – 138 – автограф.

Печатается по тексту рукописи.

Публикуется впервые.

Библиография работ И.И. Рубина

1. *Рубин И.* Об условиях ответственности господ и верителей за недозволенные деяния слуг и поверенных. (Ст. 689. Т. X. Ч. 1.) М.: тип. И.И. Кушнерев и К?, 1913.

2. *Рубин И.* Комментарий к законам: о вызове наследников (ст. 1249–1253), принятие наследства и последствия онога (ст. 1257–1258, 1260–1264), отречение от наследства и последствия онога (ст. 1265–1278), о вводе во владение по наследству (ст. 1297–1299) // *Законы гражданские.* (Св[од] Зак[онов]. Т. X. Ч. 1.) Практический и теоретический комментарий / под ред. А.Э. Вормса и В.Б. Ельяшевича при участии М.Н. Багатурова и др. Вып. 3. М.: Изд. присяж. повер. З.М. Зильберберга, 1914. С. 112–114, 158–162, 195–215, 278–281.

3. *Рубин И.* Комментарий к закону о пенсиях для солдат. [Пг.: Изд. юридич. отдела Союза городов,] 1915.

4. *Рубин И.* Как у нас возникли примирительные камеры // *Известия Московского рабочего совета.* № 72. 12 июня 1917 г.

5. *Рубин И.* Примирительные камеры и профессиональные союзы // Там же. № 75. 15 июня 1917 г.

6. *Рубин И.* Городские управления и борьба с безработицей // Там же. № 87. 29 июня 1917 г.

7. *Рубин И.* Всероссийская конференция профессиональных союзов // Там же. № 97. 11 июля 1917 г.

8. *Рубин И.* Итоги конференции профессиональных союзов // Там же. № 103. 18 июля 1917 г.

9. *Рубин И.* Проект нового декрета о примирительных учреждениях // Там же. № 106. 21 июля 1917 г.

10. *Рубин И.* Муниципальные и профессиональные биржи труда // Там же. № 122. 8 августа 1917 г.

11. *Рубин И.* Биржи труда и контроль над производством // Там же. № 145. 6 сентября 1917 г.

12. *Рубин И.* Новый закон о биржах труда // Там же. № 180. 19 октября 1917 г.
13. *Рубин И.* Трудовая повинность // Там же. № 191. 1 ноября 1917 г.
14. *Рубин И.* Примирительные камеры и третейский суд. М.: Тип. Моск. совета рабочих депутатов, 1917.
15. *Рубин И.* Страхование от безработицы. Сергиев Посад: Тип. Моск. совета рабочих депутатов, 1918.
16. *Рубин И.* Литература о страховании на случай безработицы (библиографический обзор) // Страхование рабочих и социальная политика. 1918. № 1. С. 29–32.
17. *Рубин И.* Литература о биржах труда (библиографический обзор) // Там же. 1918. № 2–3. С. 37–39.
18. *Рубин И.* Борьба со спекуляцией и торговые служащие // Продовольственное дело. № 8. 31 (18) марта 1918. С. 7–8.
19. *Рубин И.* Безработица и борьба с нею в Московском районе // Рабочий мир. 1918. № 1. С. 19–21.
20. *Рубин И.* Страхование от безработицы // Там же. 1918. № 2. С. 36–37.
21. *Рубин И.* Эвакуация петроградской промышленности // Там же. 1918. № 3. С. 36–38.
22. *Рубин И.* Всероссийский съезд комиссаров труда // Там же. 1918. № 6. С. 34–36.
23. *Рубин И.* Биржа труда за год революции // Там же. 1918. № 7. С. 30–32.
24. *Рубин И.* Профессиональные союзы и регулирование промышленности // Там же. 1918. № 8. С. 32–34.
25. *Рубин И.* Работающие и безработица // Там же. 1918. № 9. С. 31–33.
26. *Рубин И.* Профессиональные союзы и экономическая борьба // Там же. 1918. № 10. С. 34–37.
27. *Рубин И.* Национализация фабрик // Там же. 1918. № 12–13. С. 45–48.
28. *Рубин И.* Октябрьская революция и рабочее законодательство // Там же. 1918. № 16–17. С. 42–45.
29. *Рубин И.* Безработица летом 1918 года // Там же. 1918. № 18. С. 40–43.
30. *Рубин И.* Революция и народное хозяйство в Германии // Рабочий мир. 1918. № 19. С. 19–23.
31. *Рубин И.* Социальное страхование на распутье // Там же. 1918. № 20. С. 27–30.
32. *Рубин И.* Силы революции и контрреволюции в Германии // Там же. 1919. № 1. С. 19–22.
33. *Рубин И.* Забастовки и доходы рабочих // Там же. 1919. № 4–5. С. 45–47.
34. *Рубин И.* Натурализация заработной платы // Там же. 1919. № 6. С. 30–33.
35. *Рубин И.* Социальные классы в Венгрии // Там же. 1919. № 7–8 – 9. С. 18–23.
36. *Рубин И.* Пролетариат в Австрии // Там же. 1919. № 10–11 – 12. С. 30–34.
37. *Рубин И.* [Рецензия:] *А. Богданов и И. Степанов*. Курс политической экономии. Т. II. Вып. 1-й. (Общая теория капитализма. Коллективистский строй.) Государственн[ое] издатель[ество]. Москва, 1919. Стран[иц] 205 // Научные известия. Сб. I. Экономика, история, право. М., 1922. С. 294–299.
38. *Рубин И.* [Рецензия:] *С.А. Фалькнер*. Происхождение железного закона заработной платы. (Социальные проблемы в экономической литературе XVII и XVIII вв.) Москва, 1920. Изд. В.С.Н.Х. Стр. 174 // Там же. С. 299–302.
39. Основные проблемы политической экономии. Сб. ст. О. Бауэра и др. / под ред. и с предисл. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. М.: Гос. изд., 1922.
40. *Рубин И., Кабо Р.М.* Народное хозяйство в очерках и картинах. Сб. отрывков и извлечений. Пг.; М.: Книга, 1923–1925.

41. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. М.: Гос. изд., 1923.

42. *Рубин И.И.* [Вступительная статья к кн.:] *Либкнехт В.* История теории стоимости в Англии и учение Маркса / пер. с нем. В.А. Феофанова; под ред. и с предисл. И.И. Рубина. М.: Моск. рабочий, 1924. (Экономическая серия / под общ. ред. Ш. Дволайцкого.)

43. *Рубин И.* Политическая экономия. [Рецензии на кн.:] *Heinrich Dietzel* : Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre. Leipzig 1921. 39 S.; *G. Albrecht* . Eugen Dührings Wertlehre. Nebst einem Exkurs zur Marxschen Wertlehre. 1914. 66 S.; *R. Passow* . Kapitalismus. Eine begrifflich-terminologische Studie. Jena 1918. 136 S.; *Franz Petry* : Der soziale Gehalt der Marx-schen Werttheorie. Jena 1916. 70 S. // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под. ред. Д. Рязанова. Кн. I. М.; Л.: Гос. изд., 1924. С. 478–490.

44. *Рубин И., Кабо Р.М.* Народное хозяйство в очерках и картинах / Сб. отрывков и извлечений. 2-е изд., перераб. и доп. Л.; М.: Книга, 1924–1927.

45. Основные проблемы политической экономии. Сб. ст. О. Бауэра и др. / под ред. и с предисл. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. 2-е изд. М.: Гос. изд., 1924.

46. *Рубин И.И.* Основные черты теории стоимости Маркса и ее отличие от теории стоимости Рикардо // [Предисловие к кн.:] *Розенберг И.* Теория стоимости у Рикардо и у Маркса. Критический этюд / пер. с нем. И. Сегаловича. М.: Моск. рабочий, 1924. С. 5 – 62. (Экономическая серия / под общ. ред. Ш. Дволайцкого.)

47. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. изд., 1924.

48. *Рубин И.И.* [Перевод кн.:] *Леви Г.* Основы мирового хозяйства / пер. с рукописи. М.: Моск. рабочий, 1924. (Экономическая серия / под общ. ред. Ш. Дволайцкого.)

49. *Рубин И.И.* [Перевод и предисловие к кн.:] *Момберт П.* Введение к изучению конъюнктуры и кризисов / пер. с нем. и предисл. И.И. Рубина. М.: Гос. изд., 1924.

50. *Рубин И.И.* Производственные отношения и вещные категории // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 115–132.

51. *Рубин И., Кабо Р.М.* Народное хозяйство в очерках и картинах. Сб. отрывков и извлечений. 3-е изд., перераб. и доп. Л.; М.: Книга, 1925.

52. *Rubin I.* Zwei Schriften über die Marxsche Werttheorie: Franz Petry: Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie. Jena 1916. 70 S.; Heinrich Dietzel: Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre. Leipzig 1921. 39 S. // Marx-Engels-Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels-Instituts in Moskau / hrsg. von D. Rjazanov. Bd. 1. Fr. a./M.: Marx-Engels-Archiv Verlagsgesellschaft, [1925.] S. 360–369.

53. *Rubin I.* Stolzmann als Marxkritiker // Ibid. S. 370–386.

54. Основные проблемы политической экономии. Сб. ст. О. Бауэра и др. / под ред. и с предисл. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. 3-е изд. М.: Гос. изд., 1925.

55. *Рубин И.* Австрийская школа // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 244–254.

56. *Рубин И.* Амортизация // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1926. С. 496–499.

57. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. М.; Л.: Гос. изд., 1926.

58. *Рубин И.И.* Классики политической экономии от XVII до середины XIX в. Сборник извлечений из сочинений экономистов с пояснительными статьями. М.; Л.: Гос. изд., 1926. [Рубин – составитель сборника и автор пояснительных статей.]

59. *Рубин И., Кабо Р.М.* Народное хозяйство в очерках и картинах. Сб. отрывков и извлечений. 4-е изд. Л.; М.: Книга, 1926.

60. *Рубин И.И.* Физиократы: Очерк из истории экономической мысли. Л.; М.: Книга, 1926.
61. *Рубин И.И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 88 – 119.
62. *Рубин И.И.* Из новой литературы о марксовской теории денег (рецензии на книги Блоха и Поллока) // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. III. М.; Л.: Гос. изд., 1927. С. 491–498.
63. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. Тбилиси, 1927 (на грузинском языке).
64. *Рубин И.И.* Современные экономисты на Западе: Оппенгеймер. – Штольцман. – Аммон. – Петри. – Лифман. Критические очерки. М.; Л.: Гос. изд., 1927.
65. *Рубин И.И.* Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. Доклад и его обсуждение в Институте экономики. М.: 5-я тип. «Транс-печать» НКПС «Пролетарское слово», 1928.
66. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп. М.; Л.: Гос. изд., 1928.
67. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. 3-е изд., перер. и доп. с приложением статьи «Ответ критикам». М.; Л.: Гос. изд., 1928.
68. *Рубин И.И.* Н.Г. Чернышевский как экономист // Летописи марксизма. 1928. № 7–8. С. 22–32.
69. *Рубин И.И.* Вульгарная политическая экономия // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 623–630.
70. *Рубин И.И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 81 – 108.
71. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Учебное пособие для вузов. 3-е изд., со 2-го доп. М.; Л.: Гос. изд., 1929.
72. *Рубин И.* К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. М.; Л.: Гос. изд., 1929. С. 63–91.
73. *Рубин И.* Новый «Анти-Маркс». [Рецензия на книгу: *Karl Muhs*. «Anti-Marx». Bd. 1. Jena, Fischer, 1927] // Там же. С. 454–463.
74. *Рубин И.И.* Политическая экономия. [Рецензии на книги Э. Лукаса, А. Грациадеи, Г. Уотона, Г. Паркинсона, У. Эмметта и Б. Оденбрайта:] *Eduard Lukas*. *Spekulation und Wirklichkeit im oekonomischen Marxismus (Eine Untersuchung zum Dogma der kapitalistischen Ausbeutung)*, 1922, SS. 100; *Antonio Graziadei*. *Preis und Mehrpreis in der kapitalistischen Wirtschaft (Kritik der Marxschen Werttheorie)*. 1923, SS. 193; *H. Waton*. *The Marxist Introduction and Aid to the Study of "Capital"*. N.Y., 1925; *H. Parkinson*. *From Capitalism to Freedom*. L., 1925; *W. Emmett*. *The Marxian Economic Handbook and Glossary*. L., 1925; [*B.*] *Odenbreit*. *Die vergleichende Wirtschaftstheorie bei Karl Marx*. 1919, SS. 96) // Там же. С. 485–495.
75. *Рубин И.И.* [Предисловие и научное редактирование книги:] *Кушин И.А.* Диалектическое строение «Капитала» К. Маркса / под ред. и с предисл. И.И. Рубина. М.; Л.: Гос. изд., 1929. (Б-ка теоретической экономики.)
76. *Рубин И.И.* [Предисловие к книге:] *Реймес В.* Введение в историю хозяйства / пер. с нем. с предисл. к нем. изд. Г. Куно. М.; Л.: Гос. изд., 1929.
77. *Рубин И.И.* Против вульгаризации марксизма // Проблемы экономики. 1929. № 3. С. 83 – 107.
78. *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье «Ответ критикам». Изд. 4-е. (23–32 тыс. [экземпляров].) М.: Гос. изд., 1929; (31–37 тыс. [экземпляров].) М.: Гос. изд., 1930.
79. *Рубин И.И.* Франсуа Кенэ: основатель физиократической теории. М.; Л.: Моск. рабочий,

1929. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

80. *Рубин И.И.* История экономической мысли: Учебное пособие для вузов. 4-е изд., со 2-го доп. М.; Л.: Гос. изд., 1930.

81. *Рубин И.И.* Класики політичної економії. Від XVII до середини XIX ст. Збірка витягів з творів економістів та поясняльні статті. Харків – Київ, 1930.

82. *Рубин И.И.* История экономической думки: Меркантилисты. Физиократы. Смит. Рикардо. Разложение классической школы. Харків-Одеса, 1930.

83. *Рубин И.И.* Экономические взгляды То м а с а Гоббса // Летописи марксизма. № I (XI). 1930. С. 18–33.

84. *Рубин И.И.* Учение Маркса о производстве и потреблении // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / под ред. Д. Рязанова. Кн. V. М.; Л.: Гос. изд., 1930. С. 58 – 131.

85. *Рубин И.И.* Учение Маркса о производстве и потреблении. М.: Гос. изд., 1930.

86. *Rubin I.I.* Essays on Marx's Theory of Value / transl. from 3d ed. Detroit: Black and Red, 1972.

87. *Rubin I.I.* Studien zur Marxschen Werttheorie / mit einer Einleitung von A. Neuss-Fgen. Fr. a./ M.: Europ?ische Verlagsanstalt, 1973.

88. *Rubin I.I.* Abstrakte Arbeit und Wert im Marxschen System (1927) // *Rubin I.I., Bessonow S.A. u.a.* Dialektik der Kategorien. Debatte in der UdSSR (1927–1929). Interpretationen zum „Kapital“. Westberlin: Verlag f?r das Studium der Arbeiterbewegung, 1975. S. 7 – 53.

89. *Rubin I.I.* Die dialektische Entwicklung der Kategorien im ?konomischen System von Marx // *Ibid.* S. 55–68.

90. *Rubin I.I.* A History of Economic Thought / transl. and ed. by D. Filtzer; afterword by C. Colliot-Th?ne. L.: Links Ltd, 1979.

91. *Рубин И.* Стоимость как регулятор производства // Экономические науки. 1989. № 4. С. 43–44.

92. *Рубин И.И.* Учение Рикардо о капитале // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8. С. 144–152.

Составлено к.э.н. Л.Л. Васиной. 1990, 2010 гг.

1990, 2010 г.

Данкан К. Фоули. К теории денег Маркса [1003]

Теория денег и теория стоимости

Наиболее важный момент в теории денег Маркса – это идея о том, что деньги есть форма стоимости. Трудность, связанная с этой идеей, заключается в том, что нам более привычны собственно деньги, чем стоимость в других формах. Но стоимость выступает и в формах, отличных от денег. Например, в бухгалтерском балансе капиталистической фирмы оценивается стоимость незавершенного производства и недоамортизированного основного капитала, так же как и стоимость запасов готовой, но еще не реализованной продукции. Каждый из этих показателей имеет стоимость, обычно выражаемую как эквивалент определенной суммы денег, хотя очевидно, что ни основной капитал, ни запасы готовой продукции – не деньги. Маркс считает стоимость товара аналитически предшествующей деньгам; деньги же, согласно Марксу, могут быть объяснены лишь на основе понимания стоимости товаров.

Маркс следует Смиту в определении стоимости как способности товаров к обмену. В обществе, где обмен представляет собой обычное явление, продукты приобретают двойственный характер, выступая как потребительные стоимости и как стоимости. Они обладают двумя способностями: во-первых, удовлетворять конкретные потребности человека и, во-вторых, обмениваться на другие продукты. Эта вторая способность может рассматриваться с количественной точки зрения как мера обменоспособности, или способности располагать

другими товарами. Классические экономисты рассматривали стоимость как реальную, хотя и социально определяемую сущность, со своими законами сохранения и движения. Стоимость в этом смысле находится в том же отношении к товарам, как масса – к физическим телам.

Неудивительно, что в обществах, где обмен широко распространен, стоимость принимает независимую форму в виде денег как выражения общего свойства обмениваемости. Стоимость – главная социальная реальность для людей; прямо или косвенно они постоянно думают и говорят о ней; они хотят передавать ее друг другу непосредственно, отдельно от конкретных товаров. Именно это, на мой взгляд, мы и подразумеваем под словом «деньги»: общественное выражение стоимости, отделенное от конкретной единичности какой-либо потребительной стоимости.

С возникновением денег как общественного выражения стоимости деньги противостоят товарам, так же как абстрактное – конкретному. Мы наблюдаем стоимость уже в двух формах: конкретных товаров и денег. Ключевым является осознание того, что такое развитие неявно заложено в самой товарной форме. Если товарные отношения развиты настолько, что обмен широко распространен и людям волей-неволей приходится рассматривать стоимость продуктов отдельно от их потребительных стоимостей, то будет существовать и денежная форма стоимости. Нет оснований думать, что товарная форма исторически предшествует денежной. В той мере, в какой мы наблюдаем первую, мы непременно обнаруживаем вторую либо причины, в силу которых в конкретной ситуации возникновение денег подавляется. История демонстрирует нам очень разные стадии развития товарных отношений, соответствующие различным стадиям развития общественного производства и различным формам денег.

Эти различия в стадиях развития могут создать иллюзию исторического возникновения денег отдельно от возникновения товаров и после него. Но в подобных случаях вопрос в том, какова конкретная форма денег, или то, как стоимость проявляется в конкретном обществе. Даже если трансакции с очевидностью имеют характер бартера, в том смысле, что обмениваемыми эквивалентами с обеих сторон выступают конкретные товары, их лучше рассматривать как вырожденные денежные обмены, в которых стороны оценивают абстрактную стоимость своих продуктов и, находя их равными или почти равными, могут обходиться без передачи самих денег.

Маркс рассматривает стоимость – присущую товарам всеобщую способность к обмену – как выражение затраченного на их производство труда. Подразумевая под словом «труд» более корректное выражение «абстрактный общественно необходимый простой труд», эта теория полагает стоимость агрегированных наборов товаров пропорциональной количеству труда, затраченному на их производство. [1004] Это соотношение крайне важно для теории денег, поскольку предполагает, что каждая единица денежной стоимости может рассматриваться как выражение некоторого количества рабочего времени. В данной работе это соотношение выступает как «стоимость денег», т. е. количество общественного рабочего времени, выраженное в среднем в одной денежной единице. (Это понятие не следует путать с понятием «стоимости денежного товара», или рабочим временем, заключенным в единице конкретного товара, который может функционировать как деньги.) Стоимость денег – это не величина, обратная ставке заработной платы в капиталистической системе производства; это отношение совокупного затраченного рабочего времени к совокупной добавленной стоимости произведенных товаров. Средняя ставка заработной платы – это отношение совокупной заработной платы, которая является лишь частью совокупной добавленной стоимости, к совокупному рабочему времени.

Благодаря тому, что деньги противостоят конкретным товарам, мы можем получить представление о различии между стоимостью и ценой. Цена – это количество денег, которыми товар может располагать в конкретной ситуации. Стоимость – это количество рабочего времени,

заклученного в конкретном товаре. Существует множество причин, по которым при каждом отдельно взятом акте обмена товар может обмениваться на количество денег, представляющее большее или меньшее количество рабочего времени, чем действительно заключено в этом товаре. Одна из обменивающихся сторон может иметь преимущество над другой: обладать более полной информацией или сталкиваться с менее острой конкуренцией; может иметь место абсолютный дефицит или избыток обмениваемого товара и т. д. При таких обстоятельствах, если мы придерживаемся понятия стоимости, отделенной от цены, мы скажем, что обмен был неэквивалентным по стоимости, которая переходит из рук в руки. Один из агентов завершает обмен со стоимостью большей, чем было вначале, другой – с меньшей.

Целостность идеи стоимости тем не менее требует от нас рассматривать обмен как процесс, сохраняющий стоимость. Это означает, что хотя одна из сторон может выиграть, а другая – проиграть в результате обмена, никакой стоимости при этом не создается и не теряется. Этот закон сохранения стоимости имеет первостепенное значение для понимания того, как Маркс использует теорию стоимости при анализе капиталистического производства.

Если мы применим идею стоимости, отделенной от цены, к анализу транзакций с участием денег, то понятие стоимости денег как отношения совокупного рабочего времени к совокупной добавленной стоимости начинает играть ключевую роль. Лишь приняв такое определение стоимости денег, мы сможем согласовать идеи о том, что деньги представляют собой форму стоимости; что стоимость сохраняется при обмене; и что затраты труда создают стоимость. [1005]

Эти соображения имеют значительные последствия для нашей концепции трудовой теории стоимости. Из них следует, что стоимость, подразумеваемая трудовой теорией стоимости, – это обычная денежная стоимость, с которой мы имеем дело при продаже или покупке товаров и которая рассчитывается в бухгалтерских балансах и в отчетах о прибылях и убытках капиталистических фирм. В совокупности, для всей системы производства (которая, конечно, существует лишь как абстрактное асимптотическое понятие), эти балансы и отчеты точно измеряют стоимость, как она понимается трудовой теорией стоимости. Для каждого конкретного капитала или группы капиталов (фирмы, сектора, отрасли, нации) потоки стоимости, измеренные в денежных единицах, могут отклоняться от истинных потоков стоимости из-за неэквивалентного обмена, в ходе которого стоимость приходит или уходит из данного сектора. Таким образом, понятие стоимости становится операциональным и измеримым, если мы определяем меру значимости фактора неэквивалентного обмена в данной ситуации и конкретные обстоятельства, обуславливающие его неэквивалентность.

Таким образом, теория денег ведет нас к пониманию объекта знания, которому соответствует теория капитализма Маркса: обычные денежные стоимости, потоки которых проходят через капиталистические фирмы и измеряются их балансами и отчетами о прибылях и убытках. Каждая производная категория Марксова анализа – стоимость рабочей силы, переменный капитал, прибавочная стоимость, постоянный капитал, и т. д. – имеет строгий и измеряемый коррелят в реальном движении денег в капиталистической экономике. Это, на мой взгляд, самый важный момент для понимания денежной теории Маркса. Деньги – форма стоимости, по сути, единственная чистая форма стоимости, которую мы вообще можем наблюдать, коль скоро каждый товар обменивается при особых условиях, которые имеют тенденцию повышать или понижать его цену относительно стоимости. Эта сторона теории денег позволяет нам распознать теорию Маркса в реальности нашего опыта.

Функция денег как выражения рабочего времени является общей для всех обществ с товарным производством, но в каждом таком обществе выполнение этой функции организовано по-разному. Функции денег и теоретические проблемы, которые они ставят, такие как

распределение стоимости в капиталистическом производстве, или факторы, определяющие стоимость денег, не зависят от конкретных монетарных институтов общества. Достаточно ясное представление о таких институтах необходимо при анализе любой конкретной системы товарного производства, но для всех таких систем одного общего представления о них недостаточно.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой в Марксовом обсуждении денег, требующей тщательного критического рассмотрения и осмысления. Маркс часто говорит так, как будто существует только один набор общественных институтов, способных выполнять функции денег. Это запутывает теоретическую дискуссию, поскольку соединяет проблему понимания общих функций денег как формы стоимости с проблемой анализа конкретных форм денег.

Теория всеобщего эквивалента Маркса

Маркс анализирует особую форму денег – случай, когда «всеобщим эквивалентом», общепринятым методом выражения стоимости всех остальных товаров становится товар. Для краткости Маркс обычно называет этот товар «золотом», хотя им может быть любой произведенный товар. Проблема здесь заключается в том, что золото – это одновременно и конкретный товар со своими условиями производства и немонетарной потребительной стоимостью, и выражение стоимости, отделенное от конкретных товаров. В случае золота свойственный всякому товару двойственный характер как потребительной стоимости, с одной стороны, и стоимости – с другой, еще более усложняется. Золото – это и потребительная стоимость, и конкретная товарная стоимость, но одновременно оно служит и выражением стоимости в виде всеобщего эквивалента.

Эту загадку Маркс задает сам себе, чтобы разрешить ее при рассмотрении денежной формы на первых страницах «Капитала» и в работе «К критике политической экономии». Как золото одновременно может являться конкретным товаром и формой денег? Маркс решает этот парадокс с помощью теории всеобщего товарного эквивалента. Все оставшиеся товары вытаскивают один (золото), заставляя его выражать и измерять стоимость каждого товара своим количеством. Это как если бы одна материальная субстанция, например железо, стала бы всеобщей мерой веса.

Сравнение стоимости с весом поучительно, оно указывает на то, каким типом субстанции классические экономисты и Маркс представляли стоимость – абстрактным свойством, присущим всем объектам, но никогда не существующим независимо от них, а также на проблемы, возникающие при попытке измерить стоимость. Как и вес, стоимость количественна по своей сути, но может быть измерена только путем относительных сравнений. Последний шаг в аналогии тем не менее должен предупредить нас о возможной проблеме. На самом деле никакое отдельное вещество, например железо, не может отождествляться с весом как таковым; в порядке общественного соглашения люди могут использовать железные гири, чтобы разрешить споры относительно веса конкретного объекта, но сама идея веса с железом не связана.

В товарно-денежной системе весьма важно разграничить «стоимость денег» как эквивалент денежной единицы, выраженный в рабочем времени, и «стоимость денежного товара». Последняя – это количество общественного рабочего времени в единице денежного товара, скажем, в унции золота. Согласно Марксу, стоимость денежного товара фактически определяет стоимость денег, как только общество установило «масштаб цен» – количество денежного товара, называемое денежной единицей. Например, масштабом цен в долларах США с 1791 по 1933 г. была одна двадцатая унции золота. Если золото обменивается на остальные товары пропорционально трудовым стоимостям (т. е. существует эквивалентный обмен между золотом и остальными товарами), то стоимостью денег будет стоимость количества золота, заключенного в масштабе цены. Если на производство одной унции золота требуется двадцать

часов рабочего времени, и один доллар – это одна двадцатая унции золота, то стоимость денег равна одному часу в расчете на доллар.

Золото, однако, может и не обмениваться на другие товары пропорционально заключенному в них рабочему времени. В производстве золота органическое строение капитала может быть более или менее высоким по сравнению со средним уровнем, так что уравнивание норм прибыли в золотопромышленности с нормами прибыли в остальных секторах может потребовать, чтобы золото обменивалось на большую или меньшую величину, чем его трудовая стоимость. Производству золота могут сопутствовать другие факторы монополии или неэквивалентного обмена. При этих обстоятельствах стоимость золота не будет равна стоимости денег.

К сожалению, теория всеобщего эквивалента предполагает, что стоимость денег всегда определяется условиями производства денежного товара. В ходе развития марксистской теории проблема определения стоимости денег отдельно от стоимости денежного товара не привлекла большого внимания. Большинство марксистских теоретиков предполагают, что проблема стоимости денег была решена теорией всеобщего эквивалента и идеей масштаба цен. Они не видят существенного различия между стоимостью денег и стоимостью денежного товара.

В определенном отношении теория всеобщего эквивалента сводится к отождествлению стоимости денег в выше описанном функциональном смысле (как отношения рабочего времени к добавленной стоимости в системе товарного производства в целом) с относительной ценой товара – всеобщего эквивалента, определяемой его ценой производства относительно цен производства других товаров. Такое отождествление рассматривается Марксом как непротиворечивое; он практически не уделяет внимания рассмотрению возможных противоречий между этими двумя концепциями стоимости денег.

Стоимость денег играет центральную роль в описании Марксом отношений капиталистического производства. Один из примеров он начинает со слов: «Допустим, что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., представляющим денежное выражение стоимости, которая воплощает в себе 6 рабочих часов». Или даже более явно: «Предположим, кроме того, что 6 часов среднего труда воплощаются также в количестве золота, равном 3 шиллингам». [1006] Чтобы утверждать это, Марксу необходимо понятие стоимости денег как отношения рабочего времени к добавленной стоимости, которое позволяет ему переводить рабочее время в денежные единицы. Когда он делает такие замечания, как второе, он идет дальше и отождествляет эту стоимость денег с рабочим временем, заключенном в определенном количестве золота. Одним из результатов принятия Марксом теории всеобщего эквивалента стало то, что стоимость денег не играет важной роли в его анализе динамики капиталистического производства. Будучи необходимым звеном при рассмотрении отношений капиталистического производства в денежной форме, сама по себе она рассматривалась как однозначно определяемая условиями производства в золотодобывающей отрасли. В результате стоимость денег никогда не оказывалась в центре Марксова критического анализа.

Две поправки к теории денег Маркса

Мне хотелось бы предложить два возможных пути корректировки денежной теории Маркса. Они оба сохраняют то, что служит, как я полагаю, ядром этой теории – идею денег как формы стоимости.

Мы можем, с одной стороны, утверждать, что Марксу не удалось систематически проанализировать имеющееся в его системе противоречие. У Маркса стоимость денег определяется двумя способами. Первый рассматривает деньги как выражение абстрактного труда. Исходя из этого подхода стоимость денег – это количество абстрактного рабочего

времени, представленного денежной единицей: столько-то часов труда за доллар, например. Как мы уже видели, мы можем измерить такую стоимость денег, разделив добавленную в системе в целом стоимость в денежных единицах на затраченное рабочее время. Но существует также второй способ определения стоимости денег как стоимости (или цены производства) денежного товара. Именно потому, что денежный товар сам есть стоимость, он может, как утверждает Маркс, выполнять функцию меры стоимости других товаров. Как примирить эти две концепции стоимости друг с другом? Какие общественные институты стоят между ними?

Исследование Марксом этого вопроса во второй главе «К критике политической экономии» подсказывает, что стоимость денег в конечном счете зависит от условий обмена между золотом и остальными товарами в месте добычи золота. Таким образом арбитраж, [1007] плавка и чеканка золотой монеты для экспорта были, по-видимому, теми механизмами, которые Маркс полагал ответственными за поддержание соотношения между стоимостью денежного товара и стоимостью денег. Важно понять, что такой арбитраж затронул и в любом производящем товары обществе работает лишь до определенного предела; стоимость денег всегда может колебаться в некоторых границах относительно стоимости денежного товара. Так что вопрос точного определения стоимости денег всегда остается открытым.

Мы могли бы пересмотреть теорию Маркса, сославшись на то, что в XX столетии связи между деньгами различных стран и между деньгами и золотом становятся все более слабыми, так что пределы, в которых стоимость денег может колебаться, прежде чем она будет «призвана к порядку» стоимостью золота, теперь весьма велики. Чтобы развить эту теоретическую идею, придется систематически рассмотреть те процессы, посредством которых стоимости валют регулировались при золотом стандарте, так чтобы то посредничество, которое у Маркса остается расплывчатым, стало бы ясным. Затем необходимо показать, какими конкретными способами эти связи реализуются до сих пор, пусть и в ослабленной форме, и как они проявляют себя в реальном движении системы: через давление на государственную политику, через рынок или как-то иначе.

Меня привлекает другой подход, гораздо более радикальный по отношению к теории Маркса. Если деньги мысленно представить как форму стоимости, то фундаментальной проблемой в теории денег оказывается трудность, с которой люди сталкиваются при действительной передаче и сохранении чего-то столь абстрактного, как стоимость сама по себе. То, в чем нуждаются агенты, когда стоимость утвердилась как социальное явление, – это сама стоимость, но как им ее получить? Простейший способ передавать стоимости – делать это посредством обещаний. Когда два агента договариваются о цене сделки, покупатель может обещать продавцу оплатить стоимость сделки. В результате образуется цепочка обещаний, которая будет работать вполне успешно, пока агенты будут договариваться (посредством обещаний) только о стоимости, которую они контролируют. Позднее обещание будет погашаться другой сделкой, в которой первоначальный покупатель выступает в роли продавца. Таким образом, может показаться, что самым для общества простым решением проблемы передачи стоимости будет установление и обращение стоимости посредством обещаний.

В этом методе, однако, присутствуют некоторые противоречия. Агенты, в силу избытка оптимизма, неприятных неожиданностей, их настигших, или (хотя я колеблюсь упоминать эту неприятную возможность) из-за сознательного коварного манипулирования системой к своей собственной выгоде, могут дать такие обещания оплатить стоимость, которые позднее они не смогут или не захотят выполнить. Первый путь к разрешению этого противоречия для обменивающихся сторон – воспользоваться обещанием третьей стороны передать стоимость. Для продавца такое посредничество предпочтительно, поскольку дает основание рассчитывать, что покупатель когда-то уже предоставил определенную стоимость этой третьей или иной

стороне. Оно будет иметь дополнительные преимущества, если третья сторона имеет лучший «кредит», находясь в такой позиции, когда неудача в исполнении обязательств сопряжена с большими издержками, и держатель обязательства имеет б?льшие шансы для принуждения к их исполнению. В этом случае создается цепочка обещаний, пользующихся все более и более высоким общественным признанием, – отсюда может вырасти теория банковского дела. На каждом уровне сделок обещания третьей стороны по оплате стоимости обращаются как денежная стоимость. Эти третьи стороны, в свою очередь, сами нуждаются в третьих сторонах более высокого уровня для расчистки платежей между ними, и т. д.

Что находится в конце цепочки обещаний, имеющих все более и более высокое общественное признание? Одна из возможностей, отражающая провал логики системы, состоит в том, что агенты не могут найти приемлемого пути передачи стоимости через обещания, и дело сводится к передаче ее в форме конкретного товара. Это крайний вариант, если вся идея обменного процесса предполагала движение от конкретного товара к денежной стоимости, а в конечном счете конкретный товар был принят в качестве второго наилучшего решения. Конечно, этот тип провала на самом деле может быть очень распространенным, а правила, помогающие действовать в таких условиях, – довольно четко кодифицированными, требуя, в частности, чтобы платежи осуществлялись лишь посредством конкретного товара (скажем, золота), и устанавливая точные значения его пробы и весового стандарта. Тогда золото становится аналитически последним шагом в понимании денег, а использование золота для осуществления платежей – весьма несовершенным – последним, к какому можно прибегнуть, – способом посредничества при передаче стоимости.

В качестве альтернативы на вершине цепочки обещаний, пользующихся все более и более высоким общественным признанием, может стоять государство. Государственный кредит, а не золото, станет тогда последним средством платежа для частных участников сделок. Этот второй теоретический путь переворачивает аргументацию Маркса. В концепции Маркса настоящие деньги – это золото, а формы кредита – лишь заменители (или восполнители, как бы сказал Жак Деррида [1008]), которые выступают дублерами золота и должны исчезнуть в момент окончательного расчета. Следуя второму теоретическому пути, мы будем рассматривать кредит как аналитически первую форму денег, а золото – только как посредника на крайний случай, насильственно вводимого в игру, когда обмены достигают кризисной точки (в отношениях двух агентов или системе в целом). Вопрос о том, какую роль – если она вообще сохраняется – золото играет в денежной системе, остается открытым для исследования применительно к конкретным ситуациям.

Каким бы из этих двух путей мы ни последовали, остается вопрос о том, какие динамические законы управляют стоимостью денег. Если золото является всеобщим эквивалентом, но стоимость денег может изменяться в довольно широких пределах при данной стоимости золота, то нам нужно знать, что ее определяет, где именно в этих пределах установится стоимость денег. Если золото возникает только как последнее пристанище в рамках системы обещаний оплатить стоимость, то нам особенно необходимо знать, какие процессы управляют движением самой стоимости денег.

Ответ на эти вопросы, в случае высокоразвитых систем капиталистического производства, лежит в области анализа воспроизводства и накопления самого капитала. Стоимость денег изменяется в меру повышения и снижения цен производимых товаров. Установление цен товаров, в свою очередь, – одно из главных стратегических решений, принимаемых капиталистическими фирмами.

Общая стоимость денег в капиталистической системе производства зависит, конечно, не от решений какой-либо одной капиталистической фирмы, но от средней всех тех решений, которые

они принимают относительно цен. Это среднее решение о ценах зависит в основном от того, легко или сложно капиталу продавать производимые им товары. Естественной мерой такой сложности является время оборота товарного капитала, среднее время, которое готовый товар должен ждать покупателя. Если время оборота велико, то капиталы при продаже товаров сталкиваются с трудностями, и мы можем ожидать, что цены будут расти умеренно, а то и падать. Если же время оборота мало, то капитал не видит особых помех для увеличения цен и снижения тем самым стоимости денег.

С этой точки зрения проблема стоимости денег тесно связана с динамикой производства и накопления в капиталистической системе, а также с факторами, вызывающими бумы и кризисы. Стоимость денег определяется прежде всего специфической исторической траекторией, по которой идет накопление капитала; в периоды высокого спроса стоимость денег падает, поскольку капиталисты лихорадочно увеличивают цены, тогда как кризисы оказывают на стоимость денег повышательное действие. Если такие изменения в стоимости денег входят в противоречие с исчезающими остаточными связями между денежным товаром и денежной системой, данный тип объяснения необходимо модифицировать с учетом специфического воздействия, которое оказывают такие связи. В конце XX в. адаптация системы происходила путем дальнейшего ослабления связи между деньгами и исчезающим денежным товаром.

Некоторые приложения теории

Рассмотрим, каким образом функционирует теория денег Маркса, объясняя важные денежные феномены. Мы можем начать с теории всеобщего эквивалента и рассмотреть денежные проблемы капитализма в XIX в. Здесь золото функционирует в качестве всеобщего эквивалента, и количество золота выражает абстрактное рабочее время. Маркс показывает (в третьей главе «Капитала» и в «К критике политической экономии»), что теория всеобщего эквивалента способна разрешить все основные проблемы, обсуждавшиеся в экономической теории в середине XIX в.

Во-первых, доказывает Маркс, стоимость золота определяется условиями его производства, как и стоимость любого другого товара. При желании мы можем использовать другое, столь же корректное выражение: «цена производства». Целый класс денежных явлений – это всего лишь недавно появившиеся надежные заменители золота, надежные в том смысле, что существует общепризнанный общественный процесс, обеспечивающий обмен заменителей золота на золото по гарантированному курсу. Все такие случаи Маркс анализирует исходя из того, что стоимость золота выступает конечным регулятором стоимости его заменителей: банкнот, мелких серебряных или медных монет, и т. п. Количество этих заменителей не играет роли в определении их стоимости, пока обеспечена их конвертируемость в золото; их стоимость должна подниматься и падать вместе с золотом. Выпуск заменителей регулируется возможностью конвертации, поскольку чрезмерный выпуск вернется к эмитенту в виде возросшего спроса на выкуп заменителей золотом.

Монетарные теоретики XIX в. иногда смешивали проблему стоимости денег с вопросом о масштабе цен, т. е. названиями, принятыми для обозначения специфических количеств золота. Для Маркса последнее было в чистом виде делом общественного соглашения, регулируемого государством. «Фунт» или «франк» в любой момент времени – это определенное количество золота. Изменение масштаба цен из-за понижения содержания в денежной единице благородных металлов не окажет воздействия на стоимость золота или стоимость денег как таковых: его единственным реальным эффектом будет перераспределение стоимости от тех агентов, которые и дальше будут продолжать принимать обесценившиеся монеты по их прежней золотой стоимости.

Единственный элемент, нарушающий общую ясную картину – это несколько темное

обсуждение проблемы обращения старых потертых монет, золотое содержание которых значительно ниже их номинальной стоимости. Здесь я нахожу изложение Маркса запутанным, потому что он не показывает, какие институциональные механизмы привязывают масштаб цен к определенному количеству золота. Несколько потертых монет общей номинальной стоимостью 10 долларов обмениваются со скидкой, пропорциональной потере их субстанции. Но что если, как это часто и происходило, монеты обращаются по номинальной стоимости: назовем ли мы это фактическим понижением золотого содержания? Или же этот вопрос указывает на существование некоего передаточного механизма между стоимостью денег и стоимостью золота? На мой взгляд, справедливо второе.

В действительности соотношение между стоимостями золота и валюты в системе институтов золотого стандарта регулируется двумя путями: чеканкой новой монеты стандартной цены (столько-то долларов из такого-то количества унций золота) и переплавкой золота в слитки на экспорт. Функционально чеканка золотой монеты эквивалентна импорту. Эти действия совершались только в том случае, если рыночные обменные курсы между национальной валютой и золотом были достаточно благоприятными для той или другой операции. И в этом заключается серьезная проблема для теории, которая утверждает, что валюта – не что иное, как представитель определенного количества золота. Всегда имелся некоторый диапазон, в границах которого стоимость «доллара» или «фунта» могла колебаться относительно стоимости золота. Какие законы управляли этими колебаниями? Теория всеобщего эквивалента, как ее представил Маркс, не отвечает явно на этот вопрос.

Вторая группа проблем, волновавших денежных теоретиков начала XIX в., касается законов, управлявших обесценением, как правило, во время войны, неконвертируемых бумажных денег, выпускаемых государством. Примерами могут служить обесценения «гринбека» в ходе гражданской войны в США и британского бумажного фунта, выпускавшегося во время наполеоновских войн. Рикардо и количественные теоретики после него использовали эти факты как сильный довод в пользу того, что стоимость денег зависит от их количества. Для этих авторов обесценение бумажных денег было лишь частным примером общего закона, согласно которому любая форма денег обесценивается, когда их количество становится слишком большим относительно нужд обращения.

Маркс очень четко и убедительно разъясняет этот вопрос. Бумажные деньги, выпущенные государством без возможности обмена на золото, доказывает он, поначалу обращаются вместо золота так, как будто такая возможность существует. Если, однако, бумажных денег выпускается настолько много, что у агентов накапливаются значительные излишки, они попытаются обменять их на всеобщий эквивалент – золото. В результате, при отсутствии гарантированного обменного курса рыночный обменный курс бумажных денег относительно золота повысится. Тогда, утверждает Маркс, золото продолжает играть роль всеобщего эквивалента как прежде, регулируя и выражая цены остальных товаров как обычно. Цены товаров, выраженные в бумажных деньгах, определяются той их уценкой относительно золота, которая сформировалась на рынке. (Этот простой сценарий может корректироваться спекулятивными операциями в поддержку бумажных денег, выпускаемых государством, или против них.)

Именно таким образом, например, формировались цены на последних стадиях гиперинфляции в Германии в 1922–1926 гг. Цены устанавливались в золотых марках, фунтах, или гульденах, т. е. в тех валютах, которые сохраняли тесную привязку к стоимости золота, а цены в бумажных марках рассчитывались умножением золотых цен на текущий рыночный обменный курс между маркой и привязанными к золоту валютами, каким он устанавливался на валютной бирже. [1009] Ключевой момент состоит в том, что обесценение излишних бумажных денег отражает не общий рост цен из-за повысившегося спроса на всех товарных рынках, как

нам указывает количественная теория, а специфическое падение стоимости бумажных денег по отношению к всеобщему эквиваленту, которое складывается в их взаимных обменах.

Это вполне удовлетворительное объяснение обесценения бумажных денег, но важно понять, насколько сильно оно зависит от дальнейшего функционирования золота в качестве всеобщего эквивалента. Если мы постулируем существование всеобщего эквивалента как продукта, стоимость которого регулируется условиями производства, понять поведение его субститутов становится относительно легко решаемой проблемой, по крайней мере на теоретическом уровне.

Но при рассмотрении денежных феноменов XX в. применение теории всеобщего эквивалента создает нам значительные трудности. Наиболее очевидным источником этих трудностей выступает институциональное исчезновение золотого стандарта в развитом капиталистическом обществе XX в. В ходе Первой мировой войны под давлением военных финансов наиболее крупные капиталистические страны отказались от золотого стандарта. После войны большинство стран пыталось вернуться к некоторому варианту золотого стандарта, что, как правило, не обходилось без проблем. Британцы вернулись к довоенному паритету и столкнулись с долгой и болезненной дефляцией; немцам это удалось только после катастрофической инфляции.

В начале 1930-х годов Великая депрессия заставила большинство стран снова отступить от золотого стандарта. Соединенные Штаты формально сохранили золотой стандарт, но проводили политику ограничения денежных функций золота, законодательно запретив гражданам держать золото иначе как в форме украшений, редких монет и принуждая граждан возвращать свое золото правительству. Результатом этой неразберихи стало ослабление связи между золотом и деньгами, которые агенты обыкновенно использовали в повседневных сделках в качестве меры стоимости и средства платежа. Рынку стало намного сложнее определить соотношение между национальной валютой и золотом; многим агентам было законодательно запрещено вступать в подобные сделки, тогда как правительственные агентства и центральные банки постоянно занимались манипулированием этими рынками.

После Второй мировой войны доллар на некоторое время стал наиболее предпочитаемой в мире денежной единицей, сохраняющей лишь слабые связи с золотом, сразу же разрывающиеся при любом заметном напряжении. В конце 1960-х годов либеральные экономисты в правительстве Соединенных Штатах доказывали, что доллар, а не золото, является действительным мировым денежным стандартом, и связь доллара с золотом поддерживала денежную роль золота, а не наоборот. За исключением некоторых отсталых уголков и секторов мировой экономики ничто не свидетельствовало о том, чтобы цены, выраженные в золоте, играли какую-либо значимую роль в обмене. Со времени краха системы фиксированных валютных курсов и освобождения цены золота в 1971 г. цены, выраженные в золоте, стали крайне волатильными. Золотой рынок демонстрировал черты, типичные для спекулятивного рынка активов. Трудно поверить, что золото функционировало как всеобщий эквивалент в мировой экономике последние 35–50 лет перед этим, а цены национальных валют определялись обменным курсом между этими валютами и золотом.

Каждая из двух предложенных поправок к теории денег Маркса способна справиться с поставленными XX в. проблемами. Первое предположение показывает, что связи между золотом и деньгами так ослабли, что на практике они почти никогда не оказывают влияния на стоимость денег, складывающуюся на основе ценовых решений капиталистических фирм. Второе предположение указывает на то, что система кредитных платежей в XX в. была только улучшена исключением золота, как верхушки пирамиды обещаний оплаты. Его место занимает теперь государство, которому в результате стало удобнее, распоряжаясь собственным кредитом,

выполнять роль посредника в разрешении противоречий, возникающих в процессе накопления капитала – теперь ему не нужно бояться внешнего давления, основанного на требованиях обмена национальной валюты на золото.

В обоих вариантах стоимость денег может свободно изменяться в зависимости от нужд капиталистического накопления. И в обоих вариантах деньги остаются формой стоимости, по-прежнему выражая абстрактный труд, затраченный на производство товаров.

К современной марксистской теории денег

Комбинация институциональных и теоретических изменений привела марксистскую экономическую теорию в изрядное замешательство. После Второй мировой войны главной и все более преобладающей формой капиталистического кризиса стала инфляция, которая, по общему признанию, имеет отношение к стоимости денег. Как марксистам добиться обоснованного взгляда на инфляцию? Если мы держимся теории всеобщего эквивалента, то нам сначала придется аргументированно показать, что стоимость золота существенно связана с уровнем цен в США, Европе и большей части остального капиталистического мира. Если мы справимся с этой трудностью, то нам вряд ли удастся избежать следующей логики: доллар и остальные национальные валюты – суть неразменные бумажные деньги, выпускаемые государством. Поэтому их стоимость определяется обменным курсом к золоту, который, в свою очередь, зависит от размеров их эмиссии. Инфляция оказывается результатом выпуска государством бумажных денег сверх нужд обращения.

Но это как раз то, что утверждают приверженцы количественной теории и монетарные консерваторы. Аналитически это даже шаг назад, поскольку мы игнорируем сложность и утонченность современных финансовых институтов. Хотим ли мы утверждать, например, что единственная функция доллара в американской экономике – это функция средства обращения? Альтернативным объяснением инфляции среди марксистов было возложение вины за нее на монополии и олигополии – идея, распространенная также среди популистских либеральных экономистов антимонопольной традиции. Ближе это альтернативное объяснение к истине или нет, оно никак не связано с теорией всеобщего эквивалента.

Эти проблемы тесно связаны с характером теории всеобщего эквивалента и с исчезновением какого-либо обсуждения в рамках этой теории значения стоимости денег и ее изменений для воспроизводства и накопления капитала. В то же время на основе поправок к теории Маркса, которые были здесь предложены, мы можем, как минимум, наметить аналитический подход к современным денежным проблемам, остающийся верным по отношению к ключевым идеям теории Маркса, но при этом не воспроизводящий упрощения современного монетаризма.

Во-первых, стоимость денег определяется исторически ценовыми решениями самих капиталистических фирм. В каждый момент денежная единица выражает определенное количество общественного абстрактного труда. Если фирма легко может продать свои товары, она повышает цены, и стоимость денег падает. Если продажа товаров затруднена, стоимость денег будет падать не так быстро. Факторы, влияющие на стоимость денег, должны действовать через изменение условий реализации товаров в среднем.

Во-вторых, если стоимость денег задана, денежные и кредитные механизмы сталкиваются с проблемой финансирования потока покупок и продаж товаров при этом уровне стоимости денег. В современных капиталистических экономиках эта проблема решается прежде всего расширением и сокращением кредита. В первую очередь это расширение кредита порождается сделками между капиталистическими фирмами, поскольку они зависят от частного кредита, необходимого для финансирования большинства сделок. Специфические правила для конкретных секторов кредитного рынка, такие, как требования по резервам, налагаемые в

Соединенных Штатах на коммерческие банки, служат для определения доли этих секторов в общем объеме кредитных операций, а также цены, которую банки могут взимать, например, за свои услуги при предоставлении кредита.

Эта линия анализа подсказывает, что источники хронической инфляции 1970-х годов следует искать прежде всего в изменившейся динамике капиталистического производства и накопления в развитых капиталистических экономиках. Драматические последствия инфляции для кредитных рынков и распределения богатства и дохода должны рассматриваться как побочные продукты таких изменений в капиталистическом производстве.

С теоретической точки зрения полезность теории денег Маркса заключается в том, как она упорядочивает вопросы денежной теории. Проблема стоимости денег оказывается первичной по отношению к вопросу о количестве средств обращения. В системе, где существует денежный товар, проблема стоимости денег имеет удовлетворительное приблизительное решение, основанное на том, что стоимость денег определяется стоимостью денежного товара. При наличии такой зависимости проблему стоимости денег можно исключить из числа центральных вопросов нашего анализа. Ибо можно быть уверенным, что денежные потоки и денежные отношения – не более чем верные отражения базисных производственных отношений. С уходом денежной системы от жесткой связи с денежным товаром ситуация усложняется. Стоимость денег обретает свободу движения и становится посредником в других противоречиях капиталистического производства. Но эта свобода не меняет логики теоретического анализа. Стоимость денег по-прежнему имеет первенство перед количеством денег, а признание этого факта является ключевым на пути к удовлетворительной современной теории денег.

Перевод с англ. Р.Г. Хаиткулова и Д.Е. Шестакова под ред. О.И. Ананьина

© Перевод на русский язык. Издательский дом ВШЭ, 2011

Данкан К. Фоули. Послесловие к русскому изданию статьи «К теории денег Маркса»

Я написал статью «К теории денег Маркса» [1010] в начале 1980-х годов как один из результатов периода моего интенсивного изучения Маркса в 1970-е годы. [1011] Важнейшим источником, повлиявшим на мое прочтение Маркса, была работа И.И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса», [1012] английский перевод которой вышел в 1972 г.

Я продолжаю придерживаться подхода и точки зрения, представленных в статье «К теории денег Маркса», но прошедшее с тех пор время, отчасти благодаря критическим замечаниям на мою работу, указало на необходимость прояснения или исправления некоторых формулировок. С этой целью и написаны настоящие комментарии. Они представляют собой дополнение к статье «К теории денег Маркса», так что я предполагаю, что содержание самой статьи уже знакомо читателю.

Публикуемый материал написан автором специально для настоящего выпуска альманаха «ИСТОКИ» в 2009 г.

Терминология: «стоимость денег»

В статье «К теории денег Маркса» (как и в книге «Understanding Capital») я использовал термин «стоимость денег» для обозначения отношения общего затраченного (производительного) рабочего времени (как меры «абстрактного, общественно необходимого, простого рабочего времени») [1013] к добавленной стоимости, произведенной за данный период. «Стоимость денег» в обществе товаропроизводителей выражает отношение между рабочим временем и денежной стоимостью: к примеру, 1/50 рабочего часа в среднем дает 1 доллар добавленной стоимости. Это отношение (или обратное ему) является ключевым в той интерпретации теории стоимости Маркса, которая была независимо предложена Жераром Дюменилем и мной в начале 1980-х годов и часто обозначается бессодержательным выражением «новая интерпретация» и более описательно названием «трудовая теория

стоимости как цены покупательной способности чистого нераспределенного продукта» (Price of Net Product-Unallocated Purchasing Power Labour Theory of Value, или PNP-UPP трудовая теория стоимости). Стоимость денег – это коэффициент, который позволяет перевести любую выраженную в деньгах стоимостную меру в эквивалентное количество рабочего времени. Например, если стоимость денег равна 1/50 рабочего часа за 1 доллар, то 15 трлн долл. добавленной стоимости соответствуют 300 млрд рабочих часов, т. е. такому рабочему времени, которое затрачивают 200 млн рабочих, работая в среднем 1500 часов в год. При той же стоимости денег общая заработная плата (компенсация за труд) в 10 трлн долл. будет эквивалентна 200 млрд рабочих часов. PNP-UPP трудовая теория стоимости использует эти величины рабочего времени для расчета таких категорий Маркса, как норма прибавочной стоимости, или норма эксплуатации на макроэкономическом уровне и реальных данных: в нашем примере норма прибавочной стоимости составит 50 %.

Хотя Маркс в своих экономических работах часто использует понятие стоимости денег и соответствующую терминологию именно в этом смысле, в современной марксистской литературе соотношение денежной добавленной стоимости и (производительного) рабочего времени принято обозначать (возможно, во избежание путаницы с понятием «стоимости денежного товара») термином «денежное выражение рабочего времени» (Monetary Expression of Labor Time, далее – MELT). MELT является обратной величиной по отношению к стоимости денег. MELT можно представить при помощи более привычных макроэкономических показателей, поскольку речь идет о математическом произведении производительности труда, для которой «реальный» выпуск рассчитан с помощью некоторого дефлятора, и уровня цен, измеренного тем же дефлятором. Если Y – номинальная добавленная стоимость, P – дефлятор цен, а L – производительное рабочее время, то мы имеем тождество:

$$MELT = \frac{Y}{L} = \frac{Y/P}{L} P.$$

Поскольку Y/P показывает «реальный» (в потребительных стоимостях) выпуск, то отношение $(Y/P)/L$ представляет собой индекс реальной производительности труда, а P – индекс цен. Это разложение показывает, что (несмотря на иногда встречающуюся в литературе путаницу) MELT (или стоимость денег) не имеет ничего общего со скоростью обращения денег, выражающейся как отношение Y/M , где M – некоторый показатель *денежной массы* (запаса). Для определения MELT денежная масса не требуется. Таким образом, показатель MELT для экономики может меняться либо из-за инфляции (изменения в среднем уровне цен), либо в связи с изменением производительности труда, либо под влиянием комбинации обоих факторов. Для каждой экономики MELT (или стоимость денег) будет меняться со временем, поскольку будут меняться уровень цен и производительность труда.

Стоимость денег и стоимость денежного товара

Из классической политической экономии Маркс перенял *долгосрочный метод* анализа капиталистических экономик. При помощи долгосрочного метода делаются выводы о поведении абстрактной производящей товары экономики, где конкуренция принимает форму неограниченной мобильности труда, ищущего максимально возможную заработную плату, и неограниченной мобильности капитала, ищущего максимально возможную норму прибыли. (Такая экономика является абстракцией, поскольку в реальной экономике существуют различные барьеры, ограничивающие мобильность труда и капитала, в том числе частные монополии и государственное регулирование, так что реальная экономика может рассматриваться лишь как некоторое несовершенное приближение к абстрактной экономике.)

Однако абстрактная экономика мыслилась классиками политической экономии в постоянном движении, в рамках которого рыночные цены повышались или падали хаотически. В то же время принцип конкуренции заставляет рыночные цены и заработные платы *тяготеть* к определенным точкам, в которых заработные платы и нормы прибыли уравниваются между секторами. Если единственной действующей формой конкуренции является мобильность труда (например, из-за того, что средства производства еще не приняли форму капитала или ими можно пренебречь), то выполняется *закон товарного обмена*; рыночные цены тяготеют к уровням, пропорциональным общественному рабочему времени, необходимому для производства соответствующих товаров, или к *трудовым стоимостям*. Если выполняются предположения и о мобильности труда, и о мобильности капитала, то конкуренция между рабочими уравнивает заработную плату в разных секторах, в то время как конкуренция между капиталистами уравнивает норму прибыли, так что выполняется *закон капиталистического обмена*. Получившиеся в результате *цены производства* должны давать равную прибыль на все товары, и в общем случае они не пропорциональны общественному рабочему времени, необходимому для их производства. Это явление было описано Марксом как систематические отклонения цен производства от трудовых стоимостей, вызывающие переливы прибавочной стоимости из одного сектора в другой для уравнивания норм прибыли.

При рассмотрении теории денег как формы всеобщего общественного эквивалента в первом отделе первого тома «Капитала» Маркс, по-видимому, для большей ясности изложения ведет обсуждение в терминах закона товарного обмена, предполагая (иногда неявно), что рыночные цены товаров, включая денежный товар, тяготеют к своим трудовым стоимостям, под которыми понимается общественное рабочее время, необходимое для их производства. При этих упрощающих предпосылках стоимость денег в среднем будет определяться стоимостью денежного товара и масштабом цен. Но для развитой капиталистической экономики Маркс явно принимает закон капиталистического обмена в качестве приемлемой абстракции. Из закона капиталистического обмена следует, что рыночные цены товаров будут тяготеть к ценам производства, уравнивающим нормы прибыли для всех производимых товаров, включая денежный товар. По этой логике стоимость денег «определяется» как результат совместного применения теории всеобщего общественного эквивалента и закона капиталистического обмена.

В XX столетии большинство национальных денежных систем эволюционировало от системы золотого стандарта, которая и была непосредственным предметом анализа у Маркса, к такой денежной системе, в которой деньги представляют собой государственный долг, регулируемый политикой центрального банка. В подобных системах понятия MELT и равным образом стоимость денег не теряют своей определенности и значения. Доллар выражает определенное количество рабочего времени в условиях капиталистического производства вне зависимости от того, обменивается он на золото или нет. Что теряется при переходе к государственно-кредитной системе, так это детерминированность MELT или стоимости денег через связь между деньгами, денежным товаром и уравниванием нормы прибыли между отраслью, производящей денежный товар, и остальными отраслями. В подобных системах стоимость денег в некотором долгосрочном смысле кажется неопределенной, поскольку одинаковые изменения в ценах товаров, денежной заработной плате и денежной массе и других государственных обязательствах будут выражать одни и те же экономические отношения. Из-за отсутствия «фундаментальных» сил, которые определяли бы стоимость государственных кредитных денег, установление стоимости денег в таких системах зависит от институциональных и исторических факторов. К примеру, Кейнс был склонен связывать определение стоимости денег с жесткостью денежной заработной платы. Если мы принимаем

существующие цены и заработные платы как исторически данные, классовая борьба за распределение дохода, действуя через множество каналов и через политику центрального банка в том числе, определит уровень инфляции и уровень производительности труда, которые, в свою очередь, определяют изменения в стоимости денег (или MELT).

Стоимость рабочей силы

Важнейшим элементом PNP-UPP-версии трудовой теории стоимости служит отождествление в ее рамках таких категорий Маркса, как оплаченный и неоплаченный труд, с долями заработной платы и прибыли в национальном доходе. Ключевой здесь является идея измерения нормы эксплуатации, или прибавочной стоимости в единицах рабочего времени, эквивалентного тому, что рабочие получают в форме денежной заработной платы. Такой подход совместим с Марксовым анализом неоплаченного труда как источника прибавочной стоимости и, в частности, подтверждает тезис Маркса о том, что прибыль является формой прибавочной стоимости. Однако с этим подходом связаны некоторые тонкие вопросы, касающиеся понятия *воспроизводственно* необходимого рабочего времени и, соответственно, стоимости рабочей силы.

На основе закона товарного обмена, по которому цены товаров напрямую отражают рабочее время, необходимое для их производства, Маркс описывает разделение рабочего дня тремя различными способами: между *необходимым* и *прибавочным* рабочим временем; между *оплаченным* и *неоплаченным* рабочим временем; между *переменным капиталом (заработной платой)* и *прибавочной стоимостью (прибылью)*. Разделительной чертой между всеми этими категориями служит *стоимость рабочей силы*, представляющая собой ту часть общественного рабочего времени, которая необходима для воспроизводства рабочих как класса. Маркс измеряет стоимость рабочей силы рабочим временем, необходимым для производства потребляемых рабочими товаров, утверждая, что оно определяется общественными и историческими факторами, отражающими общепринятые представления об уровне жизни рабочих. (Использование слова «необходимый» в данном контексте может ввести в заблуждение, поскольку оно относится к рабочему времени, необходимому для воспроизводства рабочих как класса, т. е. к товару рабочая сила, но не к рабочему времени, необходимому для производства других товаров.) Согласно закону товарного обмена, поскольку товары обмениваются в среднем по ценам, пропорциональным рабочему времени, необходимому для их производства, количество рабочего времени, эквивалентное денежной заработной плате (денежная заработная плата, умноженная на стоимость денег), количественно равно также и рабочему времени, заключенному в товарах, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Таким образом, мы приходим к одинаковой величине в рабочем времени, подсчитывая рабочее время, заключенное в потреблении рабочих, или рабочее время, эквивалентное их заработным платам, составляющим переменный капитал.

Однако если цены не тяготеют к трудовым стоимостям, например, из-за того, что в результате конкуренции между капиталами начинает работать закон капиталистического обмена, фактическое рабочее время, заключенное в товарах, необходимых для поддержания привычного уровня жизни рабочих, не обязательно будет равно эквиваленту заработной платы в рабочем времени, рассчитанному исходя из стоимости денег (или MELT). PNP-UPP-версия трудовой теории стоимости утверждает, что и в этих условиях измерять оплаченное и неоплаченное рабочее время нужно в рабочем времени, эквивалентном заработной плате, из чего следует, что норма эксплуатации равна отношению прибыли к заработной плате. Но если цены не пропорциональны заключенному в товарах рабочему времени, то рабочее время, которое действительно заключено в потреблении рабочих, в общем случае не будет равно рабочему времени, эквивалентному заработной плате и рассчитанному через стоимость денег.

Товары, потребляемые рабочими для воспроизводства своей рабочей силы, могут определяться общественными и историческими факторами, отражающими общепринятые представления об уровне жизни в данной экономике, но выраженный в рабочем времени эквивалент заработной платы, необходимой для оплаты этого набора товаров, может быть больше или меньше, чем рабочее время, заключенное в таком наборе. Отсюда вытекает целесообразность разграничения «стоимости рабочей силы» как меры действительного рабочего времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы трудящихся, и «эквивалента заработной платы в рабочем времени», как меры совокупного рабочего времени, которое рабочий получает в качестве эквивалента за свою рабочую силу.

Определение стоимости денег *ex ante* и *ex post*

Измерение стоимости денег (или MELT) как отношения реализованной добавленной стоимости в товарах, произведенных за данный период времени, к времени производительного труда, затраченного на производство этих товаров, – это характеристика *ex post*. Это, так сказать, обозрение «пейзажа после битвы», когда товары не только произведены, но уже проданы. (Измеряемый в системе национальных счетов показатель чистого внутреннего продукта отличается от такой добавленной стоимости *ex post*, поскольку включает в себя стоимость в рыночных ценах чистого изменения товарно-материальных запасов, представляющих собой *нереализованные* товарные стоимости.) Методологический подход современной экономической теории, напротив, концентрируется на экономических *моделях ex ante*, приспособленных для контрфактического анализа, т. е. для рассмотрения того, *что бы произошло* в условиях, отличных от исторически сложившихся.

Классики политической экономии – чей анализ Маркс принял и усовершенствовал в своей критической работе – в полной мере осознавали различие между планами *ex ante* и результатами *ex post* в экономике. Проблема состоит в том, что планы людей *ex ante* никогда не бывают спонтанно согласованными между собой, поэтому фактически получившиеся результаты непременно отклоняются от планов. (Различие между планами *ex ante* и результатами *ex post* играет центральную роль в экономической теории Кейнса при объяснении того, как планируемые сбережения и инвестиции, не согласованные *ex ante*, приходят к равенству инвестиций и сбережений *ex post* посредством таких механизмов, как вынужденные сбережения.) Маркс часто отсылает нас к этому вопросу, когда говорит, что капиталист «полагает» стоимость товаров при их производстве, и когда привлекает наше внимание к «сальто мортале» («смертельному прыжку») товара в акте его действительной продажи, когда его стоимость перевоплощается в форму денег.

PNP-UPP-версия трудовой теории стоимости совместима с различными теориями, которые могут определять действительную траекторию цен, производительности труда (и, следовательно, стоимости денег или MELT) и заработной платы (и, следовательно, оплаченного и неоплаченного рабочего времени). Некоторые критики PNP-UPP-версии исходили и того, что предполагаемые ею *определения* понятий трудовой теории стоимости *ex post* суть *теории*, объясняющие детерминацию результатов деятельности, но это не так. Однако, будучи принятой, PNP-UPP-версия действительно предъявляет некоторые методологические требования и налагает ограничения на теории, которые должны быть совместимыми с соответствующими определениями *ex post*.

Определение стоимости денег (MELT) в краткосрочном и долгосрочном периоде

В краткосрочном периоде отношение добавленной стоимости к рабочему времени – это результат агрегирования огромного числа сделок, совершаемых по рыночным ценам. В классическом долгосрочном анализе считается, что рыночные цены колеблются хаотически, но с течением времени тяготеют к естественным ценам, определяемым законами обмена

(товарного или капиталистического). Поэтому в принципе стоимость денег (или MELT) ex post и сама подвержена хаотическим колебаниям, отражающим движение рыночных цен. На практике стоимость денег как временной ряд для больших капиталистических экономик не очень волатильна. Это неудивительно, поскольку, с точки зрения статистики, закон больших чисел уменьшает волатильность агрегированных показателей. Главный краткосрочный фактор, наблюдаемый во временных рядах, – это небольшая составляющая, коррелированная с деловым циклом и отражающая хорошо известное циклическое движение цен и производительности труда.

Для систем с денежным товаром (каким был золотой стандарт, служивший Марксу образцом при разработке теории денег) установление стоимости денег посредством уравнивания норм прибыли в производстве денежного товара и всех остальных товаров, естественным образом может произойти только в среднем за множество кругооборотов капитала. Поэтому даже значительное отклонение стоимости денег, измеренной как отношение времени производительного труда к добавленной стоимости (например, в часах за доллар), от стоимости денежного товара (в часах на унцию золота), умноженной на масштаб цен (в унциях золота за доллар), не будет противоречить теории Маркса. Эти отклонения будут соответствовать колебаниям нормы прибыли в производстве золота по отношению к средней норме прибыли. Но в системе с денежным товаром мы можем ожидать, что стоимость денег (или MELT), взятая в среднем за долгий период, будет тяготеть к стоимости денежного товара, умноженной на масштаб цен.

Денежный товар и реализация

В системе с денежным товаром у самого денежного товара есть одна особенность, которая выделяет его из всех производимых товаров. Как только он произведен, денежный товар (например, золото) не нуждается в реализации посредством продажи за общепринятый всеобщий эквивалент, так как он уже является общепринятым всеобщим эквивалентом.

Этот факт может влиять на процесс выравнивания прибыли между производством денежного товара и всех прочих товаров. Капиталисты, планирующие инвестиции в производство денежного товара, могут, при прочих равных условиях, соглашаться на более низкую норму прибыли из-за отсутствия рисков реализации денежного товара. Разумеется, прочие условия никогда не равны. Если мы возьмем золото как классический образец денежного товара, то увидим, что хотя при золотом стандарте рисков его реализации действительно нет, могут существовать значительные риски, связанные с открытием новых залежей, быстрыми технологическими изменениями в процессе очистки золота, политическими рисками добычи золота в определенных частях света и т. п.

Так как денежный товар не нуждается в реализации, его производство может, в принципе, увеличивать совокупный спрос во всей мировой экономике. Это положение играет важную роль в Марксовом анализе расширенного воспроизводства, где уравнивание совокупного спроса и совокупного предложения требует чистого притока денег.

Золото и доллар в 1971 г

Яркой исторической иллюстрацией к рассматриваемым вопросам может служить пример одностороннего отказа правительства США от своих обязательств по Бреттон-Вудскому соглашению поддерживать обмениваемость доллара на золото в 1971 г. Практическая действенность этого обязательства была невысокой, так как после Второй мировой войны в мировой экономике доллары были редки, и в них конвертировались лишь немногие валюты. Бреттон-Вудский «золотовалютный стандарт» начал функционировать лишь в 1957 г., когда многие европейские валюты стали обмениваться на доллары по фиксированному обменному курсу. США различными способами ослабляли свои обязательства поддерживать

конвертируемость долларов в золото, включая ограничение размена долларов для иностранных центральных банков и корректировку цены на золото (с 35 до 40 долл. за унцию), чтобы препятствовать размену. США также принимали разного рода политические (сильное дипломатическое давление на иностранные центральные банки, чтобы они не требовали обмена долларов на золото, несмотря на значительные накопления долларовых обязательств) и протекционистские (такие, как «уравнительный процентный налог» на американские депозиты в иностранных банках) меры, чтобы избежать действительных продаж золота. Эти временные меры оказались недостаточными, и когда в 1971 г. Центральный банк Франции попросил о закупке значительного количества золота, правительство США приостановило действие соглашения о продаже золота, позволив доллару колебаться относительно золота или золоту – относительно доллара в зависимости от того, с какой стороны посмотреть.

Этот эпизод является своего рода эмпирическим тестом денежно-товарной версии марксистской теории денег. Если мы считаем золото всеобщим эквивалентом во всемирном масштабе, тогда мы можем ожидать, что цены товаров в золоте останутся относительно незатронутыми приостановкой размена долларов на золото. Доллар при этом стал бы неконвертируемой бумажной валютой, обмениваемой на золото с дисконтом. Простейшим следствием из этой теории стала бы примерная пропорциональность цен товаров в долларах и цены золота в долларах. На деле цена золота резко взмыла вверх примерно до 200 долл. за унцию в 1975 г. и достигла в конце концов своего пика, превысив 600 долл. за унцию в 1980 г. Это было в 15 раз больше официальной цены золота в 1970 г. В действительности в 1970-е годы наблюдалось и инфляционное давление на цены товаров в долларах, но количественно оно значительно отставало от роста долларовой цены золота: за период с 1970 до 1980 г. индекс цен в США удвоился. Это означает, что цены товаров в золоте выросли за десятилетие примерно в 7,5 раза. Более детальный анализ мог бы ввести поправку на изменения в технологии производства золота относительно других товаров, но и грубое сравнение показывает, что в течение этого периода в роли всеобщего эквивалента выступал скорее доллар, нежели золото.

Спекуляции с неконвертируемыми бумажными деньгами

При определении стоимости денег, выпущенных государством без гарантии их конвертируемости во всеобщий эквивалент в соответствии с действующим масштабом цен, необходимо учитывать элемент спекуляции, который не был полностью исследован Марксом. Маркс предполагает, что небольшое количество неконвертируемых бумажных денег будет иметь хождение по номиналу, вытесняя денежный товар (например, золото) в резервы. Как только выпуск неконвертируемых денег превысит потребности обращения товаров, бумажные деньги начнут обесцениваться относительно золота, пока их стоимость в золотом эквиваленте не придет в соответствие с потребностями обращения. Из этого анализа следует вывод, что стоимость бумажных денег находится в обратной зависимости от их количества, и этот закон обеспечивается возникновением дисконта при обмене бумажных денег на золото.

Реальные исторические ситуации такого типа – например, колебания цены золота в фунтах стерлингов при неконвертируемом фунте во время наполеоновских войн или колебания цены золота в долларах-гринбеках во время Гражданской войны в США, когда гринбеки выпускались для финансирования военных расходов, – показывают, что такой анализ неполон. В таких ситуациях значительную роль играли спекулятивные факторы, связанные с ходом военных событий, которые влияли на обменный курс бумажных денег относительно золота (или, наоборот, цену золота в бумажных деньгах). Например, во время Гражданской войны в США очень многие ожидали, что в конечном итоге Союз восстановит обмен долларов на золото по номиналу. Важными для спекулянтов были сроки, в которые это произойдет. (Конвертируемость в действительности была восстановлена в 1879 г.) Военные успехи и неудачи Союза (так же, как

события в дипломатической и политической сферах, относящиеся к иностранной поддержке Конфедерации и поддержке войны на Севере) имели большое значение в этом аспекте. Таким образом, реальная цена гринбека относительно золота колебалась в зависимости от этих событий, т. е. в его стоимости наряду с компонентом средства обращения, описанным Марксом, присутствовал и спекулятивный компонент.

Спекулятивное начало может играть роль при определении стоимости денег и в системах с денежным товаром, таких, как золотой стандарт. Золото практически не теряет своих свойств с течением времени, и поэтому, имея большие его запасы, относительно легко спекулировать на его будущей стоимости. Можно, следовательно, ожидать (и фактически наблюдать), что цены товаров в золоте при золотом стандарте будут менее волатильны, чем производство золота или издержки на его производство.

Стабильность цен при государственных кредитных деньгах

В статье «К теории денег Маркса» утверждалось, что в XX в. монетарные институты эволюционировали от системы с денежным товаром, где золото служило всеобщим эквивалентом, к системе государственных кредитных денег, где государственные долговые обязательства, в частности доллар США, стали функционировать в качестве всеобщего эквивалента. Некоторые марксистские теоретики не склонны принять возможность того, чтобы государственные обязательства функционировали в качестве всеобщего эквивалента, и стремятся сохранить, хотя бы в теории, некоторую остаточную связь между долларом (и другими основными мировыми валютами) и товарами (обычно золотом или нефтью) при определении стоимости денег. Трудность, с которой столкнулись экономисты – как представители мейнстрима, так и марксисты, – состоит в том, чтобы понять, какие факторы влияют на стоимость денег, когда в роли общепринятого всеобщего эквивалента выступает кредит государства. Теоретическая дилемма может быть кратко выражена в наблюдении, что при удвоении количества всех форм государственных обязательств (включая долгосрочные облигации, а также валюту и резервы центрального банка) одновременно с удвоением номинальных цен на все товары и активы, реальные экономические отношения никак не изменятся. Маркс избегает этой проблемы, предполагая, что действует фиксированный курс обмена (масштаб цен) между неким товаром и кредитными деньгами государства. В наши дни во многих странах центральный банк явно или неявно проводит политику такого рода, фиксируя внешнюю стоимость своей валюты в долларах или иной мировой валюте. Экономисты монетаристского направления полагают (на мой взгляд, ошибочно), что номинальные величины резервов и валюты, выпущенной центральным банком, могут служить определителями стоимости денег. (Проблема здесь заключается в том, что само создание центральным банком ликвидности реагирует на траекторию реальных экономических переменных.) Кейнс, по-видимому, считал, что практическое решение этой проблемы обусловлено сопротивлением рабочих и профсоюзов резким изменениям в номинальной зарплате, что в результате формирует денежную систему, основанную на рабочей силе. (Но исторически заработная плата в денежном выражении была не слишком стабильной – ни на подъемах делового цикла, ни в периоды депрессий.)

Нестабильность обменных курсов между основными мировыми валютами в период либерализации международных потоков капитала, начиная с 1980-х годов, показала, что если даже фундаментальные силы, стабилизирующие стоимости национальных денег, и существуют, то их воздействие едва ощутимо. Распространение теории денег Маркса на возникшую в XX в. систему государственных кредитных денег остается одним из главных вызовов для марксистской теории.

Перевод с англ. Р.Г. Хаиткулова и Д.Е. Шестакова под ред. О.И. Ананьина © Перевод на

